

Граф Толстой Герой нашего времени

С самого начала экспедиции Вовка обращал внимание на этого странного типа. Парень не старше тридцати то и дело что-то баламутил на судне. То он устроит пьянку с матросами чуть ли не с дебошем, то едва не подрался на берегу ещё в Санта-Круссе с представителями местной власти, то...

«Какого чёрта этот повеса попал в команду? - недоумевал Вовка. – Ведь капитан лично отбирал каждую кандидатуру...»

Но потом стало ясно, что Толстой входит в «команду» камергера, стало быть, он вне влияния капитана.

Говаривали, что он тоже окончил Морской кадетский корпус, но по какому-то странному стечению обстоятельств попал не во флот, а в... сухопутную гвардию. В гвардии он зарекомендовал себя отчаянным забиякой и ловеласом. Не было ни одной дуэли, в которой бы он не принимал хотя бы косвенное участие. Дело дошло до того, что он вызвал на дуэль высокого гвардейского офицера, о чём прознали чуть ли не во дворце.

Толстому грозила крупная кара, если бы он не скрылся куда-нибудь подальше из столицы. Тут как раз и подвернулась кругосветная экспедиция, в состав которой он пробрался, максимально используя свои высокие связи. Граф как-никак!..

Являл он собой невысокого, коренастого сложения человека. Густой брюнет с очень живыми, искрящимися глазами. Не лишён мужской привлекательности, плюс весело подвешенный с утра до вечера язык. Он вполне мог уживаться в любой компании. То он с матросами что-то хохочет на баке, то с мичманами играет в шиш-беш, то спорит до хрипоты с майором Фридрици о предназначении людском на грешной земле...

А в последнее время он самозабвенно увлёкся обезьяной, которую то ли купил в Дестеро, то ли просто поймал с дерева ещё в первые дни стоянки на острове св. Екатерины. Там обезьян было в изобилии.

Теперь он появлялся на палубе непременно в сопровождении своей «подруги». Граф (а может, кто-то другой по его просьбе) сшил для неё (или для него) полосатый костюмчик, в котором обезьяна величиной с небольшую собачку, щеголяла по палубе, по кубрикам, и по каютам. Обезьяна получила имя Ванька.

Ванька быстро определила, что наиболее подходящая для неё сфера обитания – мачтовый такелаж. Не успев появиться на палубе, она взмывала вверх по вантам, устраивалась на рее грота или фока и зевала по сторонам, изредка взглядывая и на копошащихся внизу людей.

И всё же чуть позже она сообразила, что лучше всех ей в друзья подходит Барсик. Барсик за месяцы морского перехода уже заметно подрос, но оставался также беспокойным и очень подвижным созданием.

Правда, сближению Барсика и Ваньки в большей мере способствовала настойчивость Толстого и Сашки Назырова. Они часами в свободное время (у Толстого оно всегда было свободное) приручали двух, совершенно разных зверят, к общению. Часто с ними проводил досуг и Вовка Панин. И не без успеха...

Барсик и Ванька между собой поладили, тем более что делить им было нечего. Но теперь никого не удивляло, если их обнаруживали в каком-нибудь закутке мирно «беседующими». А однажды Вовка увидел, как Ванька вычёсывала Барсика. Правда, он не сразу понял, что таким образом Ванька вылавливала у Барсика несуществующих блох.

Почему несуществующих?.. Да потому, что врач Эспенберг ещё в Кронштадте обработал щенка какой-то полезной (но вредной для блох) химией. Он и потом устраивал ему профилактические осмотры.

Ванька тоже в первые же дни подверглась этой процедуре. И теперь «ловля блох» для обоих друзей представляла собой только развлечение и, конечно же, удовольствие. Правда, в большей мере для Барсика. Сам Барсик блох в чужой шкуре ловить не умел. А может, просто не хотел.

Стоит ли говорить что дружба подопечных и стала решающим фактором в сближении их хозяев.

В немалой степени этому поспособствовало и то, что граф своими глазами увидел чудо-оружие у молодых «мичманят». Похоже, он стал бредить даже во сне и уж, тем более, наяву этим оружием.

-Вот бы мне такое, - благоговейно гладил он прохладную сталь «Токарева», который показывал ему Сашка, очередной раз поддавшись настойчивой просьбе графа. – Уж тогда бы я...

-Чего «тогда бы?..»

Но граф молчал, только мечтательно закатывал глаза и смотрел куда-то мимо Сашки.

-Нельзя нам его никому отдавать, - не уставал повторять Сашка. – Нам за это головы снимут.

-Да нешто у вас казни такие?..

-Да... у нас сурово, - не стал переубеждать Сашка Фёдор успокаивался, но ненадолго.

-А как проехать в вашу страну?

-Чужеземцам оружие у нас не продают, - сразу чувствовал Сашка подоплёку вопроса. – А если что, то и продавцу и покупателю полный каюк...

Похоже, графу не хотелось подводить под полный каюк своих младших однокашников. Он на какое-то время переставал домогаться до секретов, но только для того, чтобы найти подход с какой-нибудь другой стороны.

А теперь настала очередь и Сашке задать вопрос – кстати, вполне безобидный:

-Слушай, Федя, а как ты оказался в услужении у камергера?.. Как никак гвардейский офицер... я бы отказался прислуживать такому...

-А чем тебе плох Николай Петрович. Да он ведь меня из беды выручил... если бы не он - не попал бы я в экспедицию, и загнали бы меня в Тмутаракань* вшей кормить, а то и вовсе...

-Чванства в нём выше самой высокой крыши... а в наших краях это считается самым плохим качеством, даже презирается...

-Да какие же такие ваши края?!.. Да хоть глазком бы одним!..

Сашка неосторожно упомянул о «своих краях», а это давно стало большим местом для поручика и графа Толстого.

* Далёкое, гиблое место.

-Расскажу как-нибудь. А вот сейчас ты бы рассказал, что это за распри у нас на корабле между капитаном и твоим начальником?..

Толстой явно не ожидал вопроса. Он сам был мастак на всякого рода интриги и вряд ли уступал в этом самому камергеру. Правда, его интриги больше походили на розыгрыши. Сегодняшний Сашкин вопрос не вызвал у него никаких подозрений.

-Да какая же такая распря?.. Просто Иван Фёдорович капитан, а Николай Петрович – посол -Его Величества Государя... у них у каждого своя задача...

-Да я сам видел, как Иван Федорович чуть не выгнал твоего начальника со шканцев*! – заспорил Сашка. – Да и без этого видно, что они не ладят. Разве что вид создают...

Иеромонах Гедеон

В кругосветной экспедиции, как и на всех военных кораблях, а часто и на купеческих судах, был священник, который старался изо всех сил укрепить связи всей команды и самого корабля с Господом Богом. В хорошую погоду (если не валило с ног ветром и волной) не было случая, чтобы не состоялась церковная служба на верхней палубе, где обязательно принимали участие все свободные от вахт и работ без исключения.

Правда, он старался бывать на обоих кораблях, чтобы не оставлять надолго без своего внимания никого из экспедиции. За время плавания он уже несколько раз переходил с корабля на корабль, на каждом из которых были его монашеские кельи.

Вовка с Сашкой не были истово верующими, хотя и носили кресты. Но без них в то время было просто нельзя. Да что уж там говорить!.. Ведь Вовка наизусть знал молитву «Отче наш», которую ещё перед отъездом в Ростовскую

* **Шканцы** - самая верхняя палуба в кормовой части парусного корабля, где находились вахтенные офицеры и устанавливались компасы. Позднее шканцами называли часть верхней палубы военного корабля между грот - и бизань-мачтами. Шканцы считались почетным местом на корабле: там зачитывались перед строем манифесты, приказы, приговоры. На шканцах запрещалось садиться и курить всем, кроме командира (капитана) корабля и флагамена.

мореходку ему надиктовала его мать. Молитва сразу и настолько прочно засела в его мозгу, несмотря на полное отсутствие рифмы, что Вовка так и пронёс её через всю свою жизнь.

В трудные минуты молитва сама приходила к нему, заполняя ёмкими фразами не только мозг, но и всю его физическую и духовную суть. Но это не значит, что под её влиянием он впадал в ступор или в транс. Он наоборот концентрировал свои силы, и до сих пор ему всегда удавалось выходить с честью из всех трудностей.

С Сашкой Вовка на эту непростую тему старался не заговаривать. Тот начисто отметал всякие рассуждения о религии и об атеизме.

-Это всё наводка теней...

Но встреча с Эльтиной сильно поколебала его в своих убеждениях. Конечно, Эльтина и даже Эльтигена – это не Бог... Но, вполне возможно, что это представители Высшего Разума, который, в конечном итоге, и является Богом.

Так что ростовчане никогда не делали и попыток уклониться от церковных служб на палубе шлюпа «Надежда».

Отец Гедеон был ещё вполне молодого возраста – на вид не больше сорока. А без бороды и того меньше...

«Конечно, Божий одуванчик в таком серьёзном плавании – это более чем странно, - думал Вовка, наблюдая иногда за статным священником. - И здесь Иван Фёдорович знал, кого выбирать...»

Отец Гедеон уверенно передвигался по палубе, часто и подолгу (если было время) беседовал с офицерами и матросами. Нередко его можно было видеть и одного на палубе. Он словно общался с небесными силами, то и дело взгляды вая вверх.

Видел его Вовка и во время шторма. В первый раз в проливе Скагеррак. Тогда отец Гедеон стоял рядом с капитаном на мостике, держа в руках икону святителя Николая.

Однако у корабельного батюшки, как и у всех прочих людей, всё-таки была слабинка. Он любил выпить вина. Но на обоих кораблях был сухой закон. Вспомним, что вино было выдано команде из расчёта одна бутылка на троих только в ознаменование пересечения экватора. Но не таков Фёдор Толстой, чтобы не придумать очередную шутку или, скорее каверзу, и чтобы его что-то могло остановить в достижении задуманного.

У графа или с берега остались запасы, или он смог пролезть в душу каптёра Гришки Чугаева. Возможно, он пользовался запасами камергера, который и вовсе не любил себе ни в чём отказа.

Как-то Сашка и граф дождались своей очереди и разыгрались в палубный шиш-беш. Конечно, эта игра не могла не привлечь внимание священника, едва только её внедрили в досужее время команды ростовчане. Но сам он поначалу и близко не подходил к играющим.

-Бесовская игра, - иногда басил он в сторону палубного места с расчерченным коном для игры. – Лучше бы в молитвах Господу время проводили...

Но когда азарт новой игры захватил почти всю команду от бака до кормы и от офицеров до матросов, не выдержал и отец Гедеон. Он всё чаще становился рядом и следил за перипетиями игры. Сначала он молча наблюдал, потом стал отпускать комментарии, потом и вовсе стал болельщиком. Но так прошёл едва ли не месяц, пока он сам не решился сесть на освободившееся место.

Надо сказать, что батюшке отчаянно везло. А в игре шиш-беш не всегда нужно, чтобы выпадали именно шесть очков, иногда спасала положение только единичка, или другое число. И батюшка будто заговаривал зару*, которая ложилась точно нужным ему числом.

-Была бы игра на деньги, - кипятился порой едва ли не самый азартный игрок граф Толстой, - то быть бы вам, батюшка, миллионщиком...

Вот и сегодня третьим игроком на палубе стал судовой священник. Он уверенно лидировал, вскидывая бороду вслед за полётом зары. Сашка неспешно, но тоже набирал очки вслед за ним, Невезучий граф же едва держался, чтобы не вылететь за пределы игры.

-Вы бы батюшка кость-то повыше бросали, - зорко следил за соперниками явно нервничавший граф. – А то ведь так-то и в самом деле любым числом можно припечатать.... себе на пользу.

-Разве я вам мешаю? - смиренно пожимал плечами батюшка. – Да кидайте, как хотите... а если надо, то и я буду кидать хоть выше боканца*

* Игральный кубик из кости

* Старое название шлюпбалки

-Только за борт не бросьте, - продолжал по-детски кукситься граф.

Но к концу игры повезло и ему. Он даже обставил Сашку и уже наступал на пятки батюшке.

-Так-так! – потирал он руки. – Вот сейчас я вас обыграю и с вас бутылочка винца...

-Побойся бога!.. Какая теперь бутылочка, - урезонивал батюшка разохотившегося графа.

-Да если у вас нет, то я вам одолжу... при случае, рассчитаетесь...

Всё же у графа не получилось одолеть батюшку в честной игре.

-Проиграл, так проиграл – значит, планида моя такая... а моё слово не воробей...

И через минуту он явился с бутылкой в широком рукаве. Но их места уже заняли братья Коцебу и комендор Раевский. Да и нельзя было открыто играть с бутылкой – можно попасть под горячую руку капитана или старпома.

-Айда к бушприту, - предложил граф. – Там укромно...

-Ну, ежели помаленьку...

Сашка вовсе не хотел разделять с ними компанию, но разве можно сладить в споре графа Толстого. С другой стороны более тесное общение с батюшкой не было совсем уж бесполезным даже для атеиста, пусть и скрытого.

Троица спряталась на полубаке за бухтами пеньковых тросов, где они присели на тёплый от дневного солнца настил палубы. За первой бутылкой появилась и вторая, а где вторая - там недалеко и до третьей.

Сашка, конечно же, не мог состязаться в питии с графом, да и батюшка, несмотря на крепкую статью, заметно окошел уже после второй бутылки.

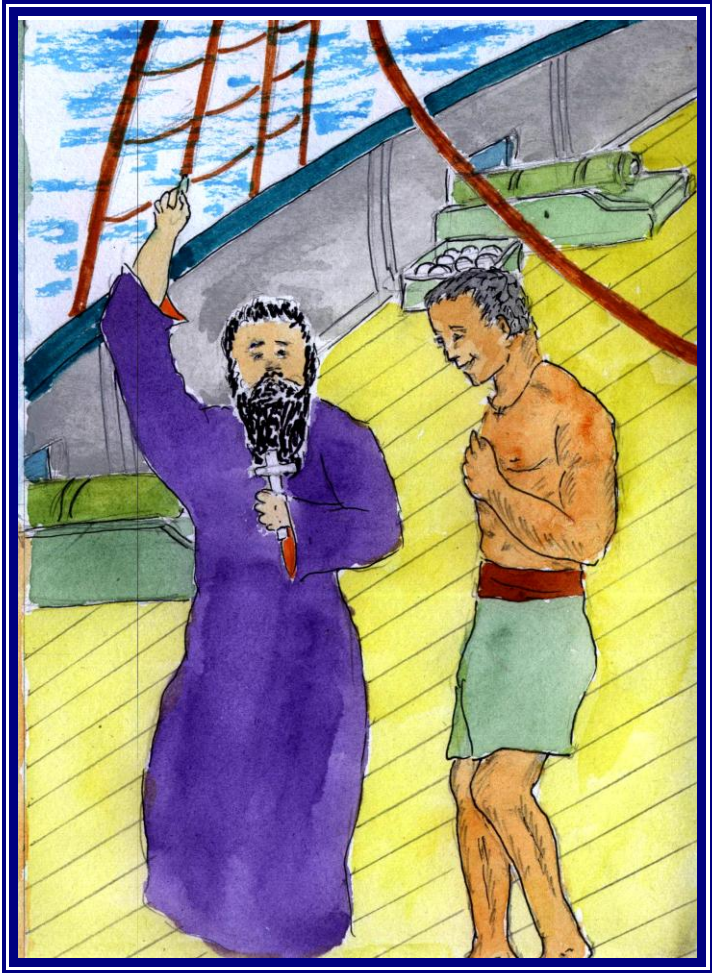
-Ты, Санько, за графом-то не гонись, - придерживал отец Гедеон Сашку за плечо (а может, сам за него держался). – Ветренный он человек...

-Вы бы, батюшка, учили юного отрока молитве Божией, а не тому, как ему соревноваться со мной в винопитии, - перевирал на ходу граф.

-Да разве я про вино говорю, - слабо возмутился батюшка. – Я говорю, что этим нельзя злоупотреблять...

-Батюшка, а не грех ли и вовсе вино пить? – задал извечный вопрос Сашка.

-Греховно алкать, а пить можно...

Сашка не очень-то разбирался в значении слово «алкать», но понимал, что это что-то близко к алкоголизму.

-Алкать – значит жаждасть сверх всякой меры, - правильно понял батюшка смущение Сашки. – Да избежит тебя сия зловредная участь...

Сашка выражал словами и взглядом благодарность в сторону батюшки. А тот, похоже, решил действовать строго против своих слов. Граф подливал, не забывая и себя, батюшка тянул стакан за стаканом.

Сашка понял, что он может нарваться на крупную неприятность. Думал он недолго и быстро изобрёл повод:

-Мне надо к вахте готовиться, скоро мой час пойдёт...

Но на вахту ему спешить не надо. Ведь не прошло и двух часов, как его сменил Вовка, бессменно стоявший вахты на руле вместе с Макаром Ивановичем. Сам Сашка стоял вахту с лейтенантом Петром Головачёвым, и теперь ему надо было уверенно и твёрдо пройти по палубе в сторону своей каюты, где крепко выспаться.

Граф вахты не стоял – да и не положено ему. Поэтому он не вникал в судовой распорядок и беспрепятственно отпустил Сашку:

-Служба – дело чести...

А на полубаке за бухтами пеньковых канатов продолжение следовало. Вряд ли граф придумал новую для себя забаву со зла. Видно, хмель сильно шибанул ему в голову да не с той стороны. Он дождался, когда батюшка достиг положения риз и улёгся на палубе, прямо не отходя от места гулянки. Граф же каким-то образом временно похитил судовую печать из каюты капитана и накрепко припечатал бороду священника сургучом к палубе сразу в нескольких местах.

Когда батюшка проснулся, то никак не смог оторвать бороду от палубы. Роскошную, чисто чёрную бороду, едва ли не во всю грудь, пришлось отстричь чуть ли не под самый подбородок.

Были и смех, но больше огорчений.

Капитан, прослышав об этом случае, распорядился посадить графа в канатный ящик, в котором шутник просидел в согбенном виде несколько томительных часов.

Попасть в канатный ящик (рядом с гальюном) для офицера - всеобъемлющий позор. Забияка вознамерился тут же устроить дуэль с капитаном, но у обоих в этот раз хватило благоразумия.

-На берегу, по окончании экспедиции, я буду к вашим услугам, - всё же обнадёжил графа Иван Федорович.
Но Толстой, видимо, затаил обиду...

Обезьяна в каюте капитана

И в самом деле, следующей каверзы со стороны графа долго ждать не пришлось. Конечно, о времени и способе проникновения любимицы Толстого Ваньки в каюту капитана можно было бы долго спорить, тем более, свидетелей этому не было.

Сколько времени упражнялся Ванька в главной каюте вандализмом – никто тоже не скажет, но когда капитан вошёл в свою каюту, его взору представилась обезьяна не очень-то малого размера, восседающая за его столом и шарящая в его бумагах.

Даже появление капитана её не остановило. Она продолжала швыркать бумажками, поливала их из большой чернильницы, а потом раздирала всё в клочья.

И только, когда капитан вышел из короткого ступора и крикнул: «Ах ты, исчадие!..», обезьяна сорвалась с места, пульнула в Ивана Фёдоровича чернильницей и, пробежав по переборкам каюты «аки по ровному полу», скрылась уже где-то за его спиной.

Бог ты мой!.. Судовой журнал – главный корабельный документ – зеница ока, разодран в клочья. Тут же и путевые заметки, походные дневники, которые Иван Федорович скрупулёзно вёл на протяжении многих лет.

Всё залито, порвано, искорёжено...

В ходе состоявшегося следствия вопиющего случая, которое провело высшее руководство экспедицией, было установлено, что самостоятельно обезьяна не могла учинить такое безобразие – её надо было этому научить. Или хотя бы один раз показать в действии.

Граф Толстой, как истинный аристократ и дворянин, не стал отнекиваться, прятать глаза и гордо признался. Справедливому возмущению капитана не было предела.

-Да за такое этого графа надо до конца рейса в трюме содержать! – возмущался и Сашка, правда в своей каюте. – Кто теперь знает, что он в следующий раз выкинет?!..

-А я и вовсе высадил бы его на необитаемый остров! – шумно согласился с ним Вовка. – Это же надо – документы

уничтожить. Да в них же отражение всего кругосветного путешествия...

Вовка, наверное, как никто другой понимал капитана, особенно в части потери дневниковых записей. Ведь он сам вот уже несколько лет вёл дневники, а они пропали во время крушения самолёта в глухой сибирской тайге.

По слухам, капитан и помогавший ему в этом клерк и писарчук Гришка Чугаев, много дней подряд перебирали огрызки, переписывали сохранившееся, дополняли совсем уничтоженное, но так и не смогли полностью восстановить все документы.

«Но какого чёрта у капитана всегда каюта настежь или, по крайней мере, доступна всем прохиндеям?!.. – иногда в душе кипятился Вовка. – То какие-то балбесы печатать свободно забирают из каюты, то обезьяну запускают...»

Вовка вспоминал свой мурманский сейнер, на котором он «со товарищи» совсем недавно мотался по Баренцову морю в погоне за мойвой и сельдью. У тамошнего капитана Петра Бондаренко каюта, выходящая дверью в кают-компанию, была всегда плотно закрыта на крепкий замок. Так же, как и радиорубка через трап от капитанской каюты.

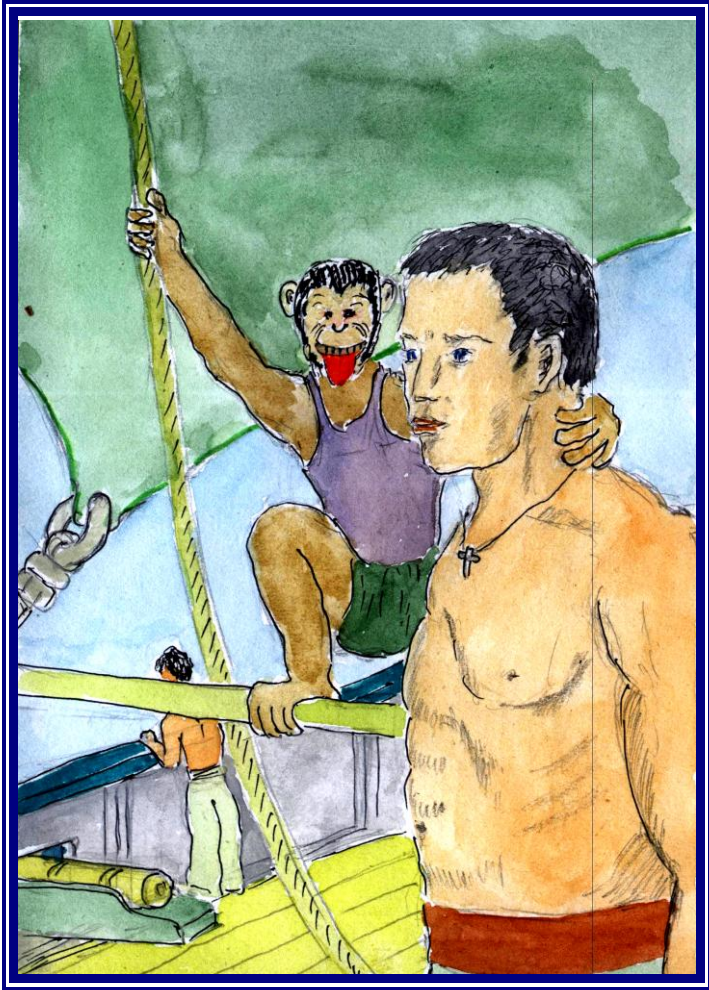
А с наказанием для графа Вовка угадал. Капитан действительно вознамерился высадить Толстого на остров, правда обитаемый и часто посещаемый мореходами разных стран. Это был остров Нукагива. Но вся гильдия Резанова, а потом и офицерское товарищество упростило Ивана Фёдоровича не делать этого.

Осознал или нет в душе своей вины граф, но его по всем правилам судили на суде офицерской чести, на котором ему вынесли всеобщее порицание. Суд состоялся на шканцах и тогда же граф клятвенно обещал больше не заниматься ничем подобным.

Ему поверили.

Драка на палубе

Макар Иванович Ратманов крепко сложенный и закалённый моряк. До кругосветного путешествия с Крузенштерном он уже прославился как умелый и опытный боевой офицер. Ратманов воевал с адмиралом Ушаковым на Чёрном море, где громил турецкий флот, штурмовал крепости в Средиземном море.

Несколько замкнутый, всегда педантично подтянутый он, как никто другой, подходил на должность старшего помощника капитана.

Стоит ли говорить, что поведение Фёдора Толстого никак не могло пройти мимо старшего помощника. Но первое время тот всё же терпел, так как во вверенном ему экипаже граф не числился и прямо ему не подчинялся.

Но однажды старпом всё же не выдержал и позволил себе сделать замечание молодому гусарскому поручику, от которого во все стороны разило вином, притом граф был настолько вертляв и шумен в компании своих коллег из свиты Резанова, что никому другому просто невозможно было разговаривать.

-Извольте не шуметь на палубе военного корабля! – сделал графу резкое замечание старпом.

Граф будто споткнулся. Его собеседники резко остановили громкий хохот.

-Так-то лучше, - проговорил старпом, намереваясь пройти мимо.

Но не тут-то было.

Возможно, строптивый граф не придавал бы значения словам старпома, будь они сказаны в другой обстановке. Но рядом были его верные собутыльники, и вышло так (по разумению графа), что старший помощник нанёс ему оскорбление в обществе. Немало способствовали такому поведению графа и винные пары.

-Да разве мы здесь кому-то помешали? – тихо, но очень внятно высказался граф в сторону Макара Ивановича. – Разве здесь есть ещё кто-либо, кроме нас?..

При этом граф театрально и широко развёл руками во все стороны, и даже крутнулся на месте.

-Прошу вас не паясничать на вверенном мне корабле! – уже резче бросил старпом. – Развели тут мне гусарскую вольницу...

-Да что вы имеете против гусар! – тут же зацепился поручик Толстой. – Я вынужден просить вас дать мне удовлетворение...

Это означало вызов на дуэль.

-И каким же оружием вы изволите драться со мной – на шпагах или пистолетами? - с какой-то непонятной ехидцей спросил Макар Ратманов. – А может пушки развернём и нацелим?..

-Прошу не забываться! - на глазах пунцовел граф. – Мне нет разницы в выборе оружия!..

Макар Иванович сделал длинную, многозначительную паузу:

-Палуба военного корабля – не место для дуэли и я не намерен нарушать Устав военного флота, чего и вам советую, - отчеканил он в своей манере.

-Да вы трус! – несло Толстого по давно накатанному драчунами и дуэлянтами сценарию. – Извольте получить пощёчину!..

С этими словами неумный граф театрально и величаво замахнулся.

Твердокаменный старпом, тем не менее, резко перехватил руку графа в запястье.

-Я повторяю, что не буду нарушать Устав военного флота, но тот же Устав не запрещает мне отодрать вас, как негодного мальчишку!..

С этими словам Макар Иванович свободной рукой нанёс графу такой удар снизу в челюсть, что ноги того сначала подпрыгнули, потом подогнулись, и он рухнул на глазах своих товарищей.

Однако, граф быстро вскочил и попытался, было, дать сдачи, но видно Макар Ратманов набрался большого опыта на ярмарках в Торопце, откуда он был родом.

Когда граф ещё пару раз побыл в нокдауне, он, наконец, осознал, что дальнейшее продолжение драки никак не будет способствовать повышению его авторитета.

И всё же Фёдор Толстой нашёл в себе силы и благородства, чтобы сообщить Макару Ивановичу, что он удовлетворён исходом поединка и остается в полном уважении к его обязанностям, как старшего помощника корабля.

Более того, оба пожали друг другу руки. В этом и есть весь граф Толстой.

Всё это произошло на глазах у Сашки, который как раз в это время стоял вахту на мостике с лейтенантом Головачёвым. По правде говоря, Сашку удивило, что командир его вахты не сделал и попытки спуститься с мостика, и хоть как-то разнять дерущихся. Себя же Сашка счёл не по чину для того, чтобы соваться в дела старпома.

Потом Сашка решил, что и лейтенант Головачёв просто бы не успел вмешаться в события на палубе – вся драка-то длилась не более минуты...

В каюте камергера

Тем временем ростовские мичманы были полностью, за исключением вахтенного времени, заняты расследованием интриги камергера Резанова против капитана Крузенштерна.

Ребята уже несколько раз один за другим, а то и вместе, прохаживались мимо каюты будущего российского посланника в Японии. Тем самым они приучали возможных свидетелей к мысли о том, что явление молодых мичманов в этом проходе самое заурядное.

Но за это время они успели заметить, что в каюте камергера постоянно был то сам хозяин, то приказчик Российско-Американской компании Фёдор Шемелин, который вёл все финансовые дела экспедиции. Как никак, но первое кругосветное было организовано, в основном, на деньги именно этой компании. Вовка и Сашка знали это со слов всё того же графа Толстого.

Кроме того, приказчик вёл, пожалуй, самый обстоятельный дневник путешествия, из всех прочих дневников, которые вели офицеры и пассажиры обоих кораблей. Этим он и занимался днями напролёт то в кают-компаниях, то в каюте камергера, где он проживал вместе с Резановым, попутно выполняя роль слуги и денщика.

-Мы так долго будем ходить кругами вместе и по очереди, - наконец, не выдержал Вовка. - Надо как-то выманить их обоих, да притом на достаточное количество времени...

-Вот тут нам и пригодится граф Толстой, - сразу что-то затеял Сашка, ещё не зная с какой стороны мог здесь пригодиться корабельный баламут.

Случай в каюте капитана с обезьяной уже нигде и ни кем не обсуждался. О нём предпочитали не вспоминать. Но как-то Сашка с Барсиком тихо куролесили на баке, к чему не преминул присоединиться и граф со своим Ванькой.

Конечно, обезьяна была куда ловчее Барсика. Иногда она стремительно налетала на него с самой неожиданной стороны, хватала его чуть ли не всеми четырьмя лапами и валяла по палубе. Но, иногда и Барсик зажимал её крепкими челюстями и не выпускал, пока та не издавала звуки о пощаде. Тогда Барсик разжимал челюсти и отпускал побеждённого соперника на волю.

При этом и Сашка и граф видели, что Барсик никогда не пускал в ход зубы.

-Вот ведь – скотина, а понимает! – удивлялся граф терпимости Барсика.

-Иные люди чуть что, так за пистолет и шпагу хватаются - могли бы у Барсика поучиться, - намекал на что-то Сашка.

Но граф то ли не понял намёка, то ли решил и в самом деле взять пример с Барсика, но на такой Сашкин выпад не последовало никакого ответа.

-А здорово ты тогда со своим Ванькой в каюте капитана похозяйничали...

-Да коли знать, что он там такое вытворит, так я бы сам поостерегся, - признался вдруг граф, после минутного молчания. – Теперь капитан на меня волком смотрит.

-Да уж... стоит теперь чуть споткнуться даже не по своей вине, так загудишь под фанфары... - исподволь подливал Сашка. – Тебе надо как-то реабилитироваться...

-Чего? – не понял граф иностранного слова.

-Проявить себя с положительной стороны в глазах капитана...

-Да что же я такого могу сделать?

-Слушай, а тебе часом Резанов по вашей команде благодарность втихую за ту каверзу в каюте капитана не объявил?..

-Скажешь тоже...

-А разве ты не заметил, как камергер прямо светился от того, что ты, хотя и не по злобе, доставил столько неприятностей Ивану Фёдоровичу? – продолжал Сашка плести вокруг да около.

Фёдор долго молчал, испытующе глядя на Сашку. Потом он и вовсе отвлёкся наблюдать за Ванькой, который запрыгнул на гафель фок-мачты и оттуда корчил рожи Барсику, а попутно и всем проходящим мимо.

-И что же ты мне присоветуешь? – наконец отреагировал граф на странные намёки мичмана.

-А ты подумай сам, может, что и придумаешь, - не стал сразу отягощать графа своими планами Сашка. – Ты сам же придумал с бородой и с обезьяной.

-Эх, Сашка, Сашка... с бородой-то и впрямь меня бес попутал, а вот с Ванькой...

-Что с Ванькой? – не терпится Сашке.

-Да ведь не пускал я его в каюту капитана. Сдаётся мне, что Иван Фёдорович сам его привечал в свою каюту, от-

куда не раз я его забирал... вот и вышел момент, когда Ванька оказался в каюте без хозяина. А то, что он занялся бумагами на столе, так ведь обезьяна же!.. Она не раз видела Ивана Фёдоровича за работой...

-Так что же ты не сказал этого тогда на шканцах... на суде? – опешил от нового поворота Сашка. – А принял всю вину на себя?

-За Ваньку я тогда перепугался... уж очень осерчал Иван Федорович - ведь мог его и за борт присудить...

Сашка уже по-другому смотрел на графа. Вот ведь как-то!.. И ведь сошёл бы с обезьяной на остров, даже необитаемый - лишь бы выдержать свой аристократический норв!..

Но Сашка видел, что разговор ушёл далеко в сторону от намеченной им цели. Надо было как-то вернуться хоть точку назад.

-Да... ты, граф, всё же молодец... временами. Но теперь-то, после шканцев, уж поздно каяться...

-Да я и не каюсь! – резко перебил Сашку граф. – Это уж я тебе только... а с камергером и впрямь давно пора подшутить...

Вот это и было главным, для чего Сашка вокруг да около вёл длинный разговор. Но какую такую шутку сотворить – Сашка предоставил пока возможность подумать графу.

Прошла пара дней, но граф молчал. Не торопился он с идеями и при случайных встречах с Сашкой на палубе. Сашка, в свою очередь, не решался начать разговор первым, справедливо опасаясь, что ушлый граф может заподозрить неладное в непонятной заинтересованности одного из двух странных мичманов шлюпа «Надежда».

Вовка продолжал то и дело появляться возле каюты камергера, прохаживаясь туда сюда, надеясь, что каюта останется как-нибудь пустой и Вовка сумеет в неё проникнуть. Но господин случай так и не приходил.

Вовка уже дважды заходил в начальственную каюту, улучив момент, когда в ней оставался только приказчик Шемелин. Тот, как обычно, сидел за столом и корпел с бумагами.

-И что вы всё пишете да пишете, - первым заговорил как-то Вовка. – К концу экспедиции большой видать кондуит* выйдет...

* Кондуит – журнал в гимназии, куда заносили проступки гимназистов

-Их высокопревосходительство наказал, вот я и стараюсь, - высовывал кончик языка от усердия Фёдор Шемелин. – Да и сам я охоч до описания всего чудного и невиданного... большой интерес и мне самому будет читать...

Вовка с минуту любовался на каллиграфию писарчука Шемелина.

-Где так знатно выписывать научился? Вот бы мне так...

-Батюшка у меня церковный староста, а он многому чему учён. Вот и я подле него сподобился разному...

Вовка тем временем зыркал по каюте. Небольшой стол, за которым работал Шемелин, имел три выдвжных шкафа. Но Вовку почему-то больше привлек шкаф из твёрдого дерева, висевший на одной из переборок.

-Чать у господина твоего много платья разного, - пришло в голову Вовке. – Любит он у вас принарядиться...

-Дак по чину и платье, - отвечал приказчик. - Вот станешь когда нито генералом, так и сам будешь наряжаться...

-Если и стану, то не генералом, а адмиралом, - поправил Вовка приказчика.

А у самого вдруг мелькнула озорная мыслишка:

«А и впрямь, мог бы я дослужиться до адмирала в это время?..»

Потом он решил, что, скорее всего, у него с его познаниями гораздо больше шансов стать адмиралом, чем у того же Отто Коцебу. Но он не для этого путешествует во времени, чтобы добиваться чинов и званий...

Во второй раз Вовка спросил:

-А как письмо отцам отсюда отправить? - хотя и без того знал, что почту из экспедиции можно оправить только из порта или со встречным судном, следующим в обратном направлении. – И как самим получить?

-Дак ведь из Дестеро последнюю почту отправляли, - округлил глаза Шемелин. – Всем ведь сказано было... нешто, не слышал?

Ясно, что ни Вовке, ни Сашке писать было некуда и некому.

-А вы чать большую почту с каждой оказией отправляете? – вроде бы невзначай задавал осторожные вопросы Вовка.

-Да пишем, - чуть исподлобья с прищуром глянул на Вовку приказчик.

Вовка проглотил язык. Он понял, что приказчик Шемелин не какой-нибудь лопух с базара. С ним надо держать ухо востро.

В третий раз Вовка, заглянувши в каюту, увидел Федора Шемелина у шкафа, который что-то искал или перекладывал внутри. Погода была свежей, штормило, и килевая качка давала себя знать. При очередной крутой волне корму задрало так высоко верх, что Шемелин не удержался, и его отбросило в сторону Вовки, который сам едва успел зацепиться в проёме каютной двери.

Из шкафа высыпалась огромная масса всякой бумаги. Толстые пачки были перевязаны бечёвкой, некоторые яркими лентами с бантами. Но много и отдельных листов разлетелись по каюте.

-Свят, свят... учинит мне расправу Николай Петрович, коли увидит такое...

Вовка бросился помогать, внимательно посматривая на пачки и отдельные листы. На одной из пачек крупно выведено:

«Российско-Американская компания»

«Ясно, что именно эта компания принимала решающее участие в организации экспедиции, значит и все документы, касающиеся нашего дела должны быть в ней» - решил Вовка.

Он запомнил полку в шкафу, на которую Шемелин положил важную папку, перехваченную зелёной лентой, и закрыл тяжёлую дверцу витиеватым ключом.

Но в следующий раз из дверей каюты камергера Вовку ударил в нос такой смрадный запах, что его отбросило к противоположной переборке, хотя сильной качки в этот день не наблюдалось.

-Что это? - вслух чертыхнулся Вовка. – Они там протухли заживо что ли?..

Глотнув поглубже относительно свежего воздуха, Вовка просунул голову в приоткрытую дверь и увидел, что каюта пуста. Но не было и мысли о том, чтобы успеть покопаться в шкафу при такой нестерпимой вони, тем более, что по коридору приближались голоса.

Вовка благоразумно исчез через другой выход на палубу.

Но через минуту он осторожно выглянул из-за коридорного поворота. Возле дверей каюты он увидел самого ка-

мергера, приказчика Шемелина, и старшего офицера Ратманова. Здесь же и судовой врач Эспенберг со своими помощником Иваном Сидгамом.

-Бог ты мой! – зажимали носы платками хозяева каюты и офицеры. – Да откуда это у вас?..

Больше всех суетился судовой врач:

-Запах явно естественного происхождения – это запах гниения, - мычал он сквозь зажатый нос. - У вас кто-то умер в каюте?

-Да что вы доктор такое говорите?! - возмущался камергер. – Нешто на корабле можно без вас умереть?..

Но врач тем временем достал из своей переносной аптечки куски чистой ткани, что-то накапал в неё и натянул повязку на лицо, то же самое сделал и его помощник.

В этот момент Вовка решил ретироваться, пока его не заметили.

«Ещё подумают, что это моих рук дело...»

Он уже смутно догадывался, что запах сам собой вряд ли мог появиться. Ведь Сашка в подробностях рассказывал ему о своих разговорах с графом Толстым.

«Вот она и каверза в сторону камергера Резанова от сиятельного графа... - почти уверен Вовка. – Только что же это за гадость?»

Что было в каюте посланника, выяснилось быстро. Уже в первый раз врач Карл Эспенберг нашёл под койкой камергера что-то мокрое и склизкое, которое издавало именно тот мерзкий запах. Сам Эспенберг так и не смог определить носителя запаха и решил проконсультироваться с естествоиспытателем Тилезиусом.

-Давайте-ка мне это под микроскоп, - потирал по своему обыкновению руки зоолог и ботаник в одном лице. – Посмотрим, что это за пахучая гадость такая...

Тилезиус долго любовался в микроскоп, переворачивая штатив то одной стороной, то другой.

-Да ведь это обычный криль! – вскричал, наконец, доктор Тилезиус. – Протухший криль* пополам с медузой... а ещё намешан дёготь!.. Обычный дёготь... ну и букет, вот это амброзия!..* – радовался Тилезиус, - будто бы совершил открытие мирового значения.

* Криль-мелкие морские рачки – пища китов

* Амброзия – пища богов. Здесь переносн.

Врач Эспенберг и Тилезиус рано радовались. Рано радовались и хозяева злосчастной каюты. Неистребимый запах, казалось, пропитал все вещи и все переборки.

-Придётся день-два потерпеть и потесниться в других каютах, - пожимал плечами Эспенберг. – Должен ведь запах выветриться...

Но прошёл день, другой – вонь, казалось, только увеличивается. Наконец, медики совершили ещё одну ходку и нашли уже в другом месте (пришлось отрывать шкаф от переборки) то же самое.

Уже неделю камергер ютился в каюте судового медика, а приказчика принял отец Гедеон

В третий раз (!) зловонную «кашу» нашли... в сапоге сиятельного вельможи. И только после того, как отдраили ук-сусом и ещё чем-то под койкой, за шкафом, а сапоги камергер и вовсе выкинул за борт – в каюте стало возможно сносно дышать...

В эти дни Вовка с Сашкой (что греха таить), бывало, вдрызг смеялись.

-Ну и граф!.. Вот услужил, так услужил... вот уж реабилитировался перед капитаном!..- сучил ногами Сашка в койке. - Нет, без таких людей как граф скучно было бы жить на белом свете...

Но долго веселиться по этому поводу было всё же грешно. Сам же граф ни словом, ни намёком не выдал своей причастности к очередному громкому делу. А Сашка так и не осмелился спросить.

Во-первых, где и когда он мог набрать этого криля с медузами?..

Правда, недавно некоторое время пришлось дрейфовать при почти полном штиле, и тогда кто-то из команды спускал шлюпку, но графа в ней никто не видел. По вонючему случаю старпом, как и подобает, провёл дознание, но, как выяснилось, в шлюпке прошлись вдоль бортов, по заданию боцмана Петра Карпова, конопатчик и плотник с тем, чтобы осмотреть наружное состояние корабля.

-Так что, ваше благородие, никого с нами в шлюпке больше не было...

А криль попутно с медузами можно было зачерпнуть сетчатым черпаком только со шлюпки.

-Да ведь и как же он мог придумать?! - недоумевали мичманы. – Или кто его подучил в свою очередь?..

Но это навсегда и для всех осталось тайной. И тайну эту граф так и унёс на камчатский берег, до которого пока ещё было плыть да плыть...

Помощь приказчику

Почти анекдотичный случай в каюте камергера большой огласки на корабле не получил. Естественно, о нём знали все – от капитана до каждого матроса. Но громкого разбирательства, как это случилось после вандализма обезьяны в каюте капитана - всё же не было.

Может, это вышло оттого, что все и без разбирательства (по крайней мере, офицеры) знали виновника очередной проказы. Но потенциальный виновник был в составе свиты Резанова и, возможно, капитан со старпомом рассудили таким образом, что оставили этот случай на разборку самому сиятельному камергеру.

Вполне возможно и то, что камергер со своей свитой имели неприятный разговор с графом, но об этом тоже на корабле никто и ничего не узнал. Скорее всего, крайним остался сам посланник Резанов. Ведь это именно он включил графа в свою свиту по просьбе одного влиятельного вельможи, близкого к самому государю.

А у ростовчан «воз и ныне там».

-Что же придумать? – мучились вслух то и дело ребята. – Всё меньше остаётся времени, а оно теперь играет только против нас.

-Придумать, - косился Вовка на Сашку. – Ты уже один раз придумал...

-При чём тут я?! – шумно психовал Сашка. – Разве мог я предусмотреть такое...

Но самое главное то, что они не знают до сих пор, что уже предпринял и собирается предпринять камергер. И нет никакого угла зрения на происходящее.

-Может, в Питер слетать, - задумчиво смотрит вверх Вовка.

-А там тебя кто ждёт? И что ты кому скажешь? – резонно спрашивает Сашка.

-Найдём нашего Гамалею, - продолжает зыбкую идею Вовка. – Расскажем ему всё как есть. Может он найдёт «задний проход» наверх, и мы получим письмо или лучше приказ

с конкретными разъяснениями кто, наконец, командир кругосветной экспедиции.

-А как ты объяснишь своё появление?.. – подпрыгнул в койке Сашка. – Мы можем так добежаться, что нас сожгут на костре инквизиции как последних колдунов и нечистую силу. На одном острове уже были желающие подвесить нас за яблочко, да Слава Богу, обошлось...

-В России нет инквизиции, и на кострах не сжигают, - слабо сопротивляется Вовка. – Но ведь что-то надо делать...

-Значит, тут повесят или лучше посадят на кол! – продолжает изгаляться Сашка об ужасах мракобесия. – Надо что-то другое решать. И самое главное – узнать, наконец, о планах камергера...

Наконец, решили продолжать укрепление знакомства с приказчиком Шемелиным. Это остаётся самый близкий и единственный путь к документам и бумагам камергера.

Вовка выждал несколько дней, в течение которых смрадный запах из каюты улетучился, там опять стало можно жить. К тому же у приказчика осталось меньше поводов, чтобы подозревать Вовку в слишком навязчивом поведении.

-Заходите, заходите, господин мичман! – чему-то, как показалось Вовке, обрадовался приказчик. – А мы вот как бы снова обживаем свою каюту.

Привыкший Шемелин не чувствовал, а Вовку сразу шибануло в нос. Но он сдержался.

-И откуда же взялся этот запах? – прикинулся Вовка. – До сих пор чуть есть...

-Да что вы?!.. По сравнению с тем что было – это благовоние...

Когда обменялись любезностями, Вовка обратил внимание, что сегодня приказчик пишет не в своей обычной тетради.

-Да я ведь каждый день переписываю. То одну бумагу, то другую. Бывает, Николай Петрович задаст одно письмо десять раз переписать...

-Что, ошибок много? - опять прикидывается Вовка, ухвативший суть разговора.

-Да не ошибок... а так выходит, что одно и тоже письмо или прошение, или другую какую бумагу, надо и туда послать и сюда, да и себе копию оставить, - обстоятельно пояснял приказчик мало понимающему в писарских делах молодому мичману.

-А хочешь, я помогать буду?

-Да чем же ты можешь мне в этом помочь? Да и рука-то * у тебя какая?..

-Рука у меня, прямо скажу, плохая. Но у меня есть рамка, которая может печатать сколько хочешь – вроде бы как книжку...

У Шемелина загорелись глаза:

-Так давай попробуем, только... только Николаю Петровичу про это не сказывай.

-Коли не надо так и не скажу, - простецки согласился Вовка. – Так я принесу?

-Неси, носи...

Вовка махом в свою каюту, хотя листок Эльтины был всегда с ним. Ведь всё же теплилась надежда ненароком заскокить в пустую каюту. Но сейчас он решил придать листку хоть чуточку правдоподобности и сходства с печатным станком, пусть самым маленьким.

Из подручных щепочек он быстро сварганил подобие рамки соответствующего размера, прикрутил к рамке ещё пару финтифлюшек и намётом назад. Но в каюте торчал Резанов.

-А!.. Наш молодой друг – будущий флотоводец! – вполне радушно встретил его камергер. – Какими судьбами к нам?.. Вы уж простите меня, старого зануду, что я так с вами нелिцеприятно разговаривал тогда, в каюте капитана.

Вовка уже и забыл, а чём речь, но тут же вспомнил, что в каюте капитана он был последний раз только в Дестеро. Тогда же там присутствовал и камергер.

-Да что вы, - потупился Вовка. – Я сам давно хотел извиниться за свою тогдашнюю дерзость, да случай не выходил...

-Ну ладно, кто старое вспомянет...

«Интересно, он прикидывается или правду говорит? – между тем соображал Вовка. – А если прикидывается, то для чего?..»

Но, похоже, Николай Петрович был в самом раскрепосном расположении духа. Он задал Вовке пару пустяковых вопросов, на которые Вовка живо ответил.

Вовка видел Резанова так близко, а, главное, в такой обстановке, впервые. Тот случай у капитана не в счёт. Тогда

* Здесь – почерк

они с Сашкой были объектом его нападков. А сейчас перед Вовкой в уютном кресле сидел очень даже симпатичный мужчина около сорока или чуть за.

У него настоящие аристократические черты лица, волевой (как у Сашки) подбородок. И к тому же от него прямо разлило той самой голубой кровью, признаки которой никогда нельзя увидеть в плеее, как бы того не наряжать и чему бы того не учить...

-Ну, да ладно... с Макаром Ивановичем хотим грузы в трюмах проверить, а вы оставайтесь...

С этими словами Николай Петрович вышел.

«Ведь неплохой вроде мужик, и что они не могут найти общего языка с капитаном?.. – смотрел Вовка в дверь каюты, закрывшейся за камергером. – И в самом деле, здесь непростая история...»

Но он тут же дал себе команду «не раскисливаться!..» и вытащил из-за пазухи заветный «печатный станок».

-Что это? – как-то сник Федор. – Да нешто этой штукой можно печатать бумаги?..

-Давай любой лист...

Фёдор с готовностью и одновременно с недоверием протянул первый листок, попавший ему под руку.

Вовка ловко припечатал его к чуть повлажневшему листку Эльтины. В одном из углов высветился вопрос – «количество экз.?»

-Сколько штук? - спросил и Вовка заинтересованного Фёдора.

-Две... нет три!..

Вовка выбрал и нажал число «3» на появившейся шкале. Надписи исчезли. Вовка сам немного опешил, когда на противоположной стороне от оригинала вдруг мгновенно появился текст. В том же углу рамки три раза моргнула ярко-красная точка и появилась надпись «готово».

-Держи, - протянул Вовка вытаращившемуся Фёдору листки.

-А... а бумага-то откуда чистая? – отвесил губу, но совершенно логично спросил приказчик.

-Сию машину мне отец подарил к совершеннолетию... а я и сам не знаю, где тут чистые листки спрятаны, - искренне говорил Вовка. – Да разве это главное? Главное, что копии делает!..

И дело пошло.

Фёдор доставал письма, прошения, циркуляры... Вовка добросовестно штамповал.

-Машина должна сделать перерыв, а то дюже нагрелась, руки не терпят, - наконец, сказал Вовка.

Он вдруг подумал, что у приказчика кончится работа, и ему придётся раньше времени отнести свою чудо-машинку к себе в каюту.

Федор, будто спохватившись, разом отложил приготовленные оригиналы в сторону.

-А много ли ещё у тебя таких копий делать? – спросил Вовка.

-Да есть, - уклончиво, словно стесняясь, ответил Фёдор. – Тут ещё в шкафу немного...

Тем временем он перебирал оригиналы и копии, вчитывался в тексты, смотрел бумаги на свет.

-Вот так штука!.. И сам не пойму, где моей рукой писано, а где...

Вдруг Вовка услышал спасительную склянку*. Били к его вахте.

-Ого, как мы заработались, - сразу подхватился мичман. – Мне уж и на вахту пора. Ты, Федор, сам не проговоришь про мою машинку, а то пропадут все твои копии и даже всё, что тобой написано...

-Да нешто! - разинул рот Федор.

-Ну, коли никому не скажешь, так и не пропадёт ничего на веки вечные, - успокоил приказчика Вовка.

С тем он вышел.

Вовка был уверен, что Фёдор никому не скажет про их дела, разве что под самой жестокой пыткой. Ведь такого чуда тот не мог и представить: чтобы малая рамка из ничего печатала!.. Тут и во всякие напасти поверишь.

Вахта

Вовка стоял ходовые вахты с Макаром Ивановичем. Они обычно меняли лейтенанта Петра Головачёва, с которым держал вахту мичман Сашка Назыров.

-Ну, как там у тебя? – спросил Сашка, сбегая с мостика по крутому трапу.

-Сегодня лучше, есть большие подвижки...

* Время на судне отбивалось ударом в судовой колокол

Таким образом ростовчане обменялись краткой и самой общей информацией.

...Третий месяц команда «Надежды» без берега. Всё бы ничего, но вода... даже та, что запасли в Дестеро. Она была ещё терпима, когда шли до Южного тропика, но с входом в жару повторились те же мучения, что были и в этих же широтах, но в Атлантике.

Вовка изнывал...

Порой ходовые вахты на мостике становились отдушинами. Здесь в спину, а иногда и сбоку, всё же поддувало.

Кроме того, ростовчане придумали морской душ. Они приспособили помпу со шлангами, один из которых закрепили к мачте над головой, и теперь поливались, качая по очереди помпу.

Всем это понравилось. А однажды Вовка заметил, что к шлангам с помпой подошёл сам камергер в своих панталонах с рюшками. Фёдор Шемелин и граф Толстой усердно качали воду, а камергер явно блаженствовал под струями.

Но сам он качать не стал, когда под шланг встал граф.

«Тоже мне – аристократ», - заклеил его Вовка с мостика. Правда, втихомолку.

На вахте, в которой командовал Макар Иванович, кроме Вовки и Отто Коцебу, был рулевой матрос Васька Фокин. Вовка опять поначалу удивлялся:

«И здесь совпадение...»

Ведь северянка Надя тоже носила такую же фамилию.

-Ты, часом, не из архангельских будешь? – спросил его Вовка ещё в первые дни...

-Да все мы Фокины по морскому делу сподобились – и деды мои, и отец, и братья. Токмо холмогорские мы, что под Беломорьем...

А Вовка утешал себя тем, что Холмогоры и Архангельск близнецы-братья. Так что вполне вероятно, что он стоит вахту на шлюпе «Надежда» вместе с далёким предком своей ростовской Надюши.

Тот факт, что сама Надюша приехала в Ростов учиться из Усть-Ваеньги, что под Архангельском только укреплял Вовку, что Надя из самой настоящей семьи поморов.

А разве её двоюродный брат и тоже Фокин, не капитан рыболовецкого сейнера на Чёрном море?.. А до того он рыбачил на Белом море, пока не перевёлся на юг.

Макар Иванович почти всё время вахты прохаживался по мостику с борта на борт. Он часто заглядывал вдоль бортов, следил за наполнением парусов и натяжкой бесчисленных шкотов.

Стоило ему заметить непорядок, как тут же следовала команда боцману, и матросы мгновенно устремлялись по вантам и реям натягивать, травить, брасопить, найтовать...

Руль на паруснике – это вам не почти шофёрская баранка на сейнере. Там рулевой матрос мог его крутить одним пальцем. А здесь диаметр рулевого колеса (штурвала) больше метра. И, конечно же, один Васька Фокин крутить его не мог. Здесь, в случае смены курса, ему помогал Вовка.

А в непогоду и шторм и вовсе руль держали сразу несколько матросов, каждый зная именно свою задачу.

Вовка тоже следил за парусами, иногда ему удавалось заметить ослабевший шкот или повисший парус раньше Макара Ивановича и он спешил доложить об этом командиру вахты.

Одной из главных его обязанностей было следить за часами. Часы были вполне обычные – песочные. Песок из верхней стекляшки пересыпался в нижнюю ровно за полчаса. Вовка переворачивал часы и бил получасовую склянку в здесь же висевшую судовую рынду.*

Всего за вахту приходилось бить склянки восемь раз. Вахты на мостике длились ровно по четыре часа. Точно так же, как и на мурманском сейнере.

Вовка порой наблюдал за работой матросов.

«Да... это всё же не мурманский сейнер, пусть даже с перегрузом в трюме...»

Тяжела работа со шкотами, которые надо тянуть и тянуть изо всех сил, особенно во время установки парусов. Ещё ничего, когда на палубе, но ведь приходилось кувыркаться и на самой верхотуре. И не просто кувыркаться, как обезьяна Ванька, а тянуть те же самые тросы или шкоты.

Наверху управляются марсовые – это самые опытные, самые тренированные матросы.

При этом матросы должны были чётко знать названия всего этого рангоута, стоячего, бегучего такелажа – сотни наименований! А ведь все названия то ли на английском, то ли на испанском, то ли на французском, то ли на немецком

* Рында – судовой колокол

языках. А тут ещё и на русском-то толком иногда объяснить не умеют...

Для примера, парусное вооружение трёхмачтового шлюпа «Надежда» состоит из девяти прямоугольных парусов (по три на каждой мачте) и шести косых. Эти паруса управляются не менее, чем полутора сотнями блоков, каждый из которых строго своего назначения и наименования. А корпус судна! Бимсы, полубимсы, стрингеры, шпангоуты, пиллерсы, комингсы... да тут каждая бортовая доска со щепкой имеют своё название!

Не настоящее ли чудо умение ориентироваться в таком паутинном хитросплетении. Даже в солнечную ясную погоду это дьявольски трудно, а уж ночью, и особенно в непогоду и шторм, когда требовались тоекратные усилия не только физической, но и духовной выдержки – это было, казалось, пределом человеческих возможностей и действительно граничило с чудом...

Одна из обязанностей Вовки на вахте – он должен хотя бы раз за вахту измерить скорость судна. В определённое время он брал заранее заготовленную чурку, часы с секундной стрелкой (годились свои «Капитанские») и шёл на бак, где бросал чурку за борт и засекал время.

Опрометью бросался на корму, где дожидался чурку и засекал время её прохода через обрез кормы. Зная, что длина корпуса «Надежды» составляет 34 метра, Вовка определял скорость. У него для этого была своя формула.

Например, у него выходило, что щепка плыла вдоль борта 6 секунд. Пару расчётов и получалась скорость около 11 узлов или почти 20 километров в час. Но километры пока были не в ходу, а узел в час означал одна морская миля (1852 м) в час.

Но это службишка!..

А вот определение месторасположения судна!.. Здесь надо определить высоту звёзд, Солнца или планет (условно конечно). Одновременно необходимо точно фиксировать время наблюдения. В то время на судах было гринвичское время.

Тут самое время заглянуть на заранее открытую страницу Морского астрономического ежегодника, того самого, который гардемарины каждый год хоронят после выпускных экзаменов. Здесь уже формулы кратно сложнее, чем помножать секунды на метры.

Когда по штурманским расчётам скоро должна была показаться земля, тогда в «воронье гнездо» на грот-мачту залезал вперёдсмотрящий матрос из марсовых. Он периодически докладывал вниз обстановку.

И, конечно же, самым радостным из всех докладов всегда звучало «Земля!.. Земля!..»

Но мореходам экспедиции Крузенштерна было ещё рано до этого вожделенного возгласа, от которого спирает в зубу дыханье, подгибаются колени, появляется пустота и только радостный звон в голове, который несёт в себе ожидание всяких земных и сказочных чудес...

Заветная папка

После вахты Вовка опять, было, сунулся в каюту Резанова, но вовремя услышал приглушённый разговор.

«Камергер в каюте...»

Вовка решил лишний раз не мозолить глаза царскому посланнику.

«И так уже, наверное, подозревает...»

Сашка лежал в койке и читал что-то из библиотеки. Да, на шлюпах «Надежда» и «Нева» были вполне приличные для того времени библиотеки. Вот только Пушкина в них не было. Тот в это время ещё не поступил даже в Царскосельский лицей...

-Чего быстро вернулся? – полюбопытствовал читака.

-Хозяин в каюте...

Сашка отложил книгу, ловко соскочил со своей верхней койки.

-Сегодня на вахте с Трофимычем* долго разговор вели, так он утверждает, что в раздоре между капитаном и камергером оба виноваты, а кое-где и сам капитан явно перегибает палку...

-И в каком же месте?..

-Якобы наш камергер все бумаги, в которых именно на него возложено руководство экспедицией во всех планах, кроме непосредственно судовождения, отдал капитану ещё в самом начале, а Иван Фёдорович не удосужился их даже посмотреть...

-Откуда это ему известно?

* Петр Трофимович Головачёв

-Не стал я об этом спрашивать, но что-то здесь туго закручено. И чем ещё явно недоволен Трофимыч, так это... засильем немцев...

-То есть как это понимать?! – вскинулся Вовка. – Ведь Крузенштерны чуть ли не полтора века живут в России и давно обрусели.

-Так-то оно так... но почти все нерусские хоть как-то, хоть через пень-колоду, но в родстве с капитаном. И лейтенант Ромберг, и врач Эспенберг, и Федька Беллинсгаузен, и даже братья Коцебу - его родственники...

-Ну, это уж твой шеф хватил. Какое там засилье от братьев Коцебу? – зевнул Вовка, которому надо было отоспаться к предстоящей вахте. – Они за игрой в шиш-беш скоро забудут не только кто они по нации, но и как их зовут... и вообще – ты что ли у нас больно русский...

-Молчал бы уж – мордва неотёсанная...

В последнее время, да и много раньше, почти всякий разговор в тему или без неё кончался вот такими взаимными шутейными колкостями.

Только ни в коем случае не надо думать, что это проявление той самой психологической несовместимости, о которой так заумно говорят некоторые учёные-придурки, имея в виду комплектование космических экипажей для полёта даже на двое-трое суток. Но в то же время Вовка согласен, что сосуществовать в ограниченном пространстве долгие месяцы и годы в разумном согласии могут только действительно такие люди-человеки, как они с Сашкой.

-И при чём тут немец, татарин или мордвин, – ещё раз зевнул Вовка. - Главное, вовремя и как следует поспать...

С этими словами Вовка растянулся в койке. Спал он безо всяких одеял. Приближался Южный тропик, только теперь уже с другой стороны.

А Сашка скоро вышел на вахту. Через час он спешно спустился в каюту:

-Вставай! – затряс он Вовку. – Камергер на палубе со старпомом возле трюма. И, похоже, они там будут долго - целая комиссия собралась.

Дело было в том, что последний шторм так потрепал «Надежду», что местами её борта дали течь. В трюмах с ценным грузом была обнаружена вода. И теперь требовалось её откачать, потом отревизировать состояние груза и принять решение по обеспечению дальнейшей его сохранности.

Вовка выскочил на палубу. Возле люка в средний трюм копошились матросы с помпами, они усердно качали воду, Резанов и старпом заглядывали в трюм, в котором тоже работали матросы под командой боцмана.

И вот Вовка снова в каюте с Федором Шемелиным. Сегодня настал черёд документов из заветного шкафа. Вовка даже вздрогнул, когда увидел в руках приказчика папку с зелёной лентой.

Да, это была именно та папка с документами Российско-Американской компании.

Вовка справился с дрожью рук. Шемелин подавал ему листок за листком.

-Ныне наш станок в другую скорость переключился, дело потише пойдёт, - говорил Вовка, искоса поглядывая на листки.

Прежде всего, его интересовали даты отправления. Понятно, что письма касательно экспедиции, Резанов мог отправить только из Санта-Круса и Дестеро.

Вовка штамповал и незаметно закладывал лишние копии в дополнительный отсек, который он приспособил к своему «станку».

-С каждым днём станок всё больше устаёт, - опять вешает лапшу Вовка. – Да и мне пора перед вахтой отдохнуть.

-А мы, считай, и сделали всё, что было надо, - радовался Шемелин. – Вот последний листок.

Последний так последний. Вовка отштамповал и его.

-Ежели попрошу другой раз, то уж не откажи. Уж больно их высокопревосходительство доволен, что я так быстро копии делаю, - хитро подморгнул приказчик Шемелин, прощаясь с Вовкой в дверях каюты.

...До начала вахты ещё было время и Вовка осторожно, словно это была не бумага, а хрустальная паутина, достал первый листок. Но в нём не было ничего, что могло заинтересовать Вовку.

Следующий, третий, четвёртый...

Ага!.. Вот он!..

Письмо отправлено из Дестеро, а это значит, не позднее 4 февраля 1804 года.

«Но когда из Дестеро вышло попутное судно и сколько времени письмо находится в пути – во всяком случае, не

более двух месяцев, если сегодня у нас 10 марта?..» - быстро прикидывал Вовка.

Довольно обширное послание было адресовано Министру коммерции Румянцеву. Не будем приводить полный текст, а только ту его часть, которая чуть не сразила Вовку наповал словно громом:

«...прошу позволения оставить судно «Надежда» на Камчатке для перевоза мехов и прочих грузов... матросов в количестве 50 человек необходимо причислить к Петропавловскому порту. С ними оставить двух офицеров и двух штурманов для плавания в Америку. Русско-Американская компания могла бы взять суда на своё содержание, что будет выгодно и короне.

*Если моё предложение будет принято, и Государь придаст ему силу, то прошу Вас доставить на Камчатку с нарочным известие, чтобы по приходу на Камчатку из Японии я мог сделать распоряжения и привести всё к одной точке...»** – пишет Резанов.

Вовка словно в трансе отложил письмо. Пропала всякая способность что-то думать, принимать решения. Вовка называл такое состояние – впасть в ступор.

В трюме

Но вот и склянка – пора менять Сашку на мостике. Вовка подхватил письмо – не дай Бог ненароком кто увидит, надо передать Сашке только из рук в руки.

На мостике всё в обычном виде. Вовка бросил взгляд на палубу – кругом флотский порядок. Да и откуда взяться грязи посреди открытого моря, да ещё на парусном корабле, а не на теплоходе, где, порой, маслопупы-мотористы выносят чёрную, жирную грязь из машинного отделения или от тех же механизмов, стоящих на палубах.

-Держи, - тихо передал Вовка письмо Сашке. – Прочитай и подумай, а я тут буду думать...

Сашка схватил листок и мигом испарился в сторону каюты.

Но Вовке тоже долго думать на мостике не пришлось.

* Перевод мичмана Панина на современный язык. Оригинал в конце книги
380

-Володя, - обратился к нему Макар Иванович. – Ты уже знаешь, что «Надежда» дала течь в среднем трюме. Возьми-ка с собой конопатчика, да посмотри ещё раз обшивку изнутри, а потом доложишь...

Было бы сказано...

Вовка тут же крикнул с собой Ивана Вершинина и Резепа Баязитова. В трюме уже работала группа матросов под командой боцмана и клерка Коробицина. Они переставляли с места на место бочки, тюки, прочие упаковки с грузами. Отмечали среди них подмоченные, сортировали и отставляли по разным сторонам.

Тем временем Вовка и конопатчик, за ними Резеп Баязитов, старались пролезть максимально ближе к внутренней обшивке и внимательно исследовали швы.

Но вот и явная течь... если её вовремя не устранить, то вода, как известно «камень точит». Вовке тут же пришло в голову вторая половина пословицы: «А камень всё остальное...». Но сейчас не до остроумия. Да, вода час за часом не просто проникает внутрь, она увеличивает отверстие, и воды в трюме становится всё больше и больше...

По правде говоря, Вовка не имел и «бельмеса» по вопросам ремонта деревянного корпуса. То ли дело сталь - хочешь клепай, хочешь вари сваркой... Но Иван достаёт из своего ящичка скрученную пеньку разной толщины, хитрые и попроще приспособления, ловко укладывает и вбивает втугую с помощью деревянного молотка пеньку в пазы между досками обшивки.

-Потом смолить будешь?- деловито спрашивает Вовка.

-Да кто же изнутри-то смолит, господин мичман? – хитро подмигивает Иван в сторону Резепа. – Здесь уж так обойдётся...

Вышколенный матрос Резеп ни одним мускулом не выдал своего отношения к ошибке молодого офицера. А Вовка, в который уже раз, тихо чертыхнулся в сторону неизвестно какого такого беса, который его попутал.

И так сантиметр за сантиметром продвигается конопатчик. Ему помогает Резеп, а бестолковый мичман Панин записывает на клочке бумаги номера шпангоутов* и стрингеров*, в районе которых были обнаружены и устранены течи.

* Шпангоут – поперечный брус судового набора

* Стрингр – продольный брус судового набора

Потом он отдаст бумагу Макару Ивановичу, и уже тот все эти данные аккуратно занесёт в судовой журнал.

Разговор на мостике

-Макар Иванович, я хотел бы спросить вас о камергер-е, - начал Вовка, когда старпом занёс в чистовой журнал его записки из трюма. – Что он за человек?

-А что это тебя так высоко занесло? - скосил глаза на непроницаемое лицо старпом. – Ведь камергер - это генерал, хоть и штатский...

-Я думаю, что генерал он в Петербурге, а не на палубе «Надежды».

Вовка сразу почувствовал, что он попал в точку. Лицо старпома разгладилось. Суровость отступила.

-Вот и я о том же... одна суতোлка от него и его бес-толковой команды.

-Я с самого начала думал, что камергер и его свита – обычные попутные пассажиры, - продолжал раскручивать сложный разговор Вовка. – А тут какие-то претензии...

-Так и вы заметили, - почему-то удивился Макар Иванович. – Ведь старались скрыть от команды.

-Макар Иванович, мы ведь не слепые, да и в кают-компании всё отражается...

-То-то и оно, - глубоко вздохнул старпом. - Навязались на нашу голову попутчики... да ты почему спрашиваешь?

-Да так, - уклонился Вовка. – Чего всё время молчать... так и язык отсохнет.

Он никак не мог решиться сказать не то, чтобы о письме камергера, а о возможности оставления «Надежды» на Камчатке. Естественно, старпом неминуемо начнёт допытываться, откуда у него такие сведения. Не скажешь ведь, что во сне приснилось...

-Гм, - хмыкнул старпом, - а ты, видать, себе на уме.

-Да что там греха таить! – решил Вовка. – Я ещё в Кронштадте краем уха слышал, что «Надежду», а может и «Неву», хотят на Камчатке оставить для разных нужд Российско-Американской компании...

Вовка видел, что старпом не сразу понял, о чём невразумительно талдычит его вахтенный помощник.

-Что ты сказал? – наконец, медленно повернулся старпом. – Ну-ка повтори.

Вовка добросовестно повторил. Какое-то мгновенное наитие подсказало ему, что ссылка на случайно услышанный разговор ещё в Кронштадте станет для него бесприоритетной. Попробуй теперь проверить, был такой разговор на палубе среди провожатых или не был...

-А ты точнее не можешь сказать – кто и с кем говорил подобные вещи?

-Да не знаю я... но это были не простые люди, а сановные - они были в свите то ли Румянцева, то ли Чичагова во время их визита на наши корабли... Стояли на палубе и говорили, а я ненароком услышал...

Здесь Вовка опять уверен за себя. Ведь высокий визит министра коммерции Румянцева и товарища* министра морского флота Чичагова - действительно имел место перед самым отходом из Кронштадта. А мало ли свитских сановников ошибается сзади каждого министра. Разве Вовка обязан знать хотя бы кого-нибудь из них?..

-Так... - задумался Макар Иванович.

Он очередной раз в своей манере прошёлся раз и другой по мостику, глянул за борт, кинул взгляд на паруса, – всё в норме.

-А ты не врешь! – вдруг резко развернулся он на месте и посмотрел Вовке в глаза.

-Что вы, Макар Иванович!.. Да я голову положу!..

-Голову пока побереги...

Вовка понял главное. Он узнал, что никто из морского руководства экспедицией не знает о намерениях камергера. Значит, тот действует окольно, без всякого ведома Крузенштерна.

Макар Иванович сошёл с мостика.

-Я на минуту, - кивнул он Вовке.

«К капитану пошёл, - сразу сообразил Вовка. – Сейчас будет разговор...»

Оставшегося на мостике за командира вахты мичмана Панина не покидали мысли об одном:

«Естественно, говоря о судне, камергер Резанов имеет в виду, прежде всего, «Надежду», а потом, возможно, он вознамерится присвоить и «Неву». Благо, аппетит, как известно, приходит во время еды. Ясно, что руководству компании и всей тамошней челяди эта мысль очень понравится...»

* Товарищ – тогда заместитель

Вовкины размышления прервал громкий крик рулевого Ваньки Фокина:

-Господин мичман, глянь-ко!.. А то ведь киты по левому борту!..

И в самом деле, в двух-трёх кабельтовых* целая группа фонтанов разной высоты. Киты, круто выгибая огромные спины, плыли встречным курсом.

-Ё-моё, целое стадо! До самого горизонта!..

«Да, столько китов в одно время и в одном месте – мыслимое ли дело. В наши дни этого уже нет, - вздохнул Вовка, – истребили...»

Но он не мог этого сказать Ваньке, который веселился, как ребёнок при виде чуда на воде. Да оно и верно – ведь однообразная водная равнина настолько утомляет и притупляет, что всякая малость за бортом привлекает внимание, а тут целое стадо китов!..

Корабль и киты быстро расходились своим курсами. Куда плыли вечные странники?.. Конечно, на какие-то свои места обитания. Они ведь тоже мигрируют что-то наподобие перелётных птиц.

Но у Вовки опять круговерть в голове о Крузенштерне и камергере.

«А каково станет флагманскому капитану и его офицерам?!.. Ведь для всех них, как и для нас с Сашкой, это означает только одно - провал экспедиции как кругосветного путешествия.

Да и в самом деле, Крузенштерну с его соратниками, в случае исполнения «блестящего плана» Резанова, предстояло не возвращение в столицу, как первым русским мореплавателям, обогнувшим Земной шар, а тащиться по «сухому пути» на перекладных через весь Дальний Восток и Сибирь... А каково матросам, которые, по сути, принуждены будут на долгие годы, если не навсегда, остаться в услужении Компании без надежды увидеть свою родину, свои семьи...»

Старпом так и не поднялся на мостик до самого конца вахты. Значит, разговор был долгий. Вовке пришлось отбить склянки и сдать вахту лейтенанту Ермолаю Левенштерну с Федькой Беллинсгаузеном самостоятельно. На немой вопрос лейтенанта ответил:

-Макар Иванович сошедши к капитану...

* Кабельтов – 185 метров

Что такое РАК?

Сашка еле дождался Вовку с вахты. Чего он только не передумал, ворочаясь в своей койке.

- Вот уж чего не ожидал, так этого! - возмущался выше крыши Сашка. - Пойти на явный срыв кругосветного путешествия... Да за это!.. За это на рею надо, как тогда тех проклятых пиратов!..

Конечно, Сашка не вопил во весь голос. Ребята в разговорах всегда согласовывали уровень своих децибелов* с толщиной и звукопроницаемостью переборок каюты.

При недавней мимолётной встрече с камергером в его каюте, Вовка чуть было не счёл того не то, чтобы совсем не виноватым в судовых расправах, но просто вынужденно попавшим в сеть обстоятельств, заставивших его действовать иногда вопреки воле капитана и командира экспедиции Крузенштерна.

- Да... я тоже ожидал всякого, но только не такого «изобретательного» предложения со стороны камергера. По правде говоря, после того, что ты рассказал из своих разговоров с Головачёвым, я подумал, было, что Резанов не так уж сильно виновен в скандале...

- Да и я вроде бы подумал... - перебил его Сашка, - а теперь вижу, в чём дело... ну, и что будем делать дальше?

Вовка снова и снова перечитывал письмо, будто бы надеясь, что он, а с ним и Сашка, что-то перепутали, обозначились, не так поняли... Нет, однозначно выходило, что Резанов без обиняков настаивает на оставлении шлюпа «Надежда» на Камчатке для обеспечения всяких купеческих нужд Русско-Американской компании...

- Может, Румянцев не согласится? - всё же проговорил Вовка. - Неужели он не понимает роль кругосветного путешествия?..

- Без царя Румянцев вряд ли осмелится принять такое решение, - думает вслух и Сашка. - Это вам не шубу со своего плеча подарить... да и Резанов пишет о «силе государевой милости...»

- В том то и дело, что молодой царь с подачи Румянцева запросто может, оказать такую «милость», - чуть не стонет Вовка.

* Днцибел - единица измерения шума

Странное дело, но ни Вовка, ни Сашка в этой ситуации даже не вспомнили о том, что кругосветное путешествие всё же состоялось и оно навсегда вошло в скрижали мировой истории.

А кто её знает? Может, потому и состоялось, что путешественники во времени Вовка с Сашкой нашли верное решение и помогли командиру в достижении своей великой цели?..

Но пока они в полном тупике и растерянности – «куда бечь?..»

-Надо же... в Ростове мы всем болтали радостную весть, что идём на перегон нового траулера для Камчатки и почти угадали, - задумчиво и с сожалением говорит Сашка. – Оказывается, мы приняли участие в перегоне шлюпа «Надежда» на ту же Камчатку...

-Чего расстраиваешься? На то мы с тобой и здесь, чтобы этого не случилось... - перекладывает Вовка шарики за ролики под черепной коробкой. – О планах Резанова относительно судов Иван Федорович, предположительно и в общих чертах уже знает...

-Ну и что из этого? Что он в нынешнем положении может сделать? – задаёт вопросы, скорее, сам себе Сашка. – Письма уже не догнать... может, и в самом деле махнуть в Питер?

-Не боишься теперь виселицы с колом, - заулыбался Вовка. – Надо обсудить этот вариант. Но сначала необходимо срочно разузнать, что такое РАК и с чем его едят?

Вовка конечно давно знал, что РАК – это аббревиатура* от слов Русско-Американская компания. Фактическим её основателем был русский купец и землепроходец Григорий Иванович Шелихов. Ещё в 1775 году он создал компанию по добыче пушного и морского зверя на Алеутских островах и на Аляске. Компания строила русские заставы, основывала поселения на островах и на Аляске, устанавливала отношения с местным населением, которые порой были, мягко говоря, не совсем мирными.

Но это, пожалуй, и всё, чем мог похвастать Вовка в своих познаниях по освоению дальневосточных островов и Америки русскими первопроходцами.

* Аббревиатура – сокращение понятия по первым буквам

Правда, были ещё и Семён Дежнев, Ерофей Хабаров, Витус Беринг и много других просто неизвестных «хожалых людей». Но они были задолго до промышленного освоения российских дальневосточных рубежей. Именно Григорий Шелихов впервые и в значительном объёме стал торговать с аборигенами, именно он осваивал новые земли с прицелом на их будущее российское подданство.

Во время вахты на мостике, особенно в ночное время, и когда не было большой непогоды, Вовка вёл пространные разговоры со своим непосредственным начальником старшим офицером Макаром Ратмановым.

Макар Ратманов на первый взгляд казался высокомерным и неприступно-замкнутым. Но это только на первый взгляд. Для чего-то ему нужен был, как теперь говорят, такой имидж. Возможно для того, чтобы всяк знал, что перед ним грозный поборник морского порядка на корабле – старший помощник капитана.

Само собой, в разговорах Вовке надо было не переступать грань дозволенного, но где эта грань?.. Когда однажды Вовка ляпнул о том, что Россия за бесценно продала Аляску американцам, на которой оказалось полно золота, то потом ему долго пришлось выкручиваться... Ведь до этой сделки было ещё больше полвека.

-Макар Иванович, И всё-таки что это за компания такая, чем она занимается?..

Тогда-то Макар Иванович и просветил Вовку о делах России на Дальнем востоке.

Вовка узнал, что компания Григория Шелихова распространяла своё влияние всё дальше и дальше в глубь Северо-американского материка. Сам Шелихов считал вполне вероятным продвижение русских поселений вплоть до благодатной Калифорнии.

Но для того, чтобы сохранить новые русские колонии, нужны были силы, которых у Шелихова с его компаньонами не было. Григорий Иванович писал Екатерине, что для обеспечения сохранности новых земель нужна военная сила, ибо не далёко то время, когда в этих краях появятся и вездесущие англичане, и французы и прочий «водоплавающий народ». Да и сами американцы упорно продвигались с востока на Дикий Запад.

-И что стоило царице двинуть парочку-другую казачьих полков, тем более, у казаков в крови новые земли откры-

вать и защищать? - высказал Вовка стратегическую мысль. - И они во все времена были способны обеспечивать сами себя всем необходимым...

-Бунтовать они только способны, - возразил Макар Иванович.

-Как это только бунтовать? – почему-то обиделся Вовка. – А Ермак и покорение Сибири, а те же Дежнев и Поярков – ведь они тоже были казаками?.. А, главное, их никто никуда не посылал – они сами шли в неведомое...

-А Пугачёв что натворил? - упирался Ратманов. – Такого изверга Россия ещё не видела...

-Вот и надо было именно его послать туда, да сказать, что он там будет главным военным губернатором, - явно брал в споре верх Вовка. – За ним на новые земли много народа и кроме казаков пошло бы...

Но казаков с верительными грамотами послать не придумали, а с регулярными военными силами в столице медлили. И это, скорее, было не обычной бюрократической волокитой. Царица боялась новых военных конфликтов за бесконечно далёкие от Петербурга «крайние земли». И без того тогдашняя Россия не вылезала из войн. Война на Кавказе, в Крыму, бесконечные притязания воинственной Речи Посполитой на украинские и белорусские земли, которые (не в пример Дальнему Востоку) были совсем рядом, буквально под брюшиной России...

А тут ещё казак Емелька Пугачев, которого упоминал Макар Иванович. Этот «злодей», порой, пугал Екатерину пуще всех внешних врагов вместе взятых...

И всё же как дальше развивались события на Алеутских островах, на Аляске и в Америке?

-Ты бы шёл да поговорил с Петром Головачёвым, - как-то присоветовал старпом. - Вот кто у нас знаток по части восточной географии...

Вовка решил последовать совету. Нужно было подковаться со всех сторон.

Петр Головачев лейтенант и командир Сашкиной вахты. Вовка без колебаний решил следовать доброму совету. Головачев рассказал Вовке и Сашке много...

...В 1795 году Григорий Иванович Шелихов умер, его компанию стали раздирать склоки претендентов на огромное наследство, так и не получившего государственного статуса России.

Но дело Шелихова вовремя попало в руки не менее энергичного и оборотистого Николая Петровича Резанова – зятя основателя компании.

Да-да, в руки того самого камергера, что сейчас плыл с ними на одном корабле!..

Итак, будущий камергер укоротил притязания законных и незаконных наследников и компаньонов. Мало того, сумел привлечь внимание императора Павла I к делам на востоке России. В 1799 году и была создана Российско-Американская компания с правом монопольного пользования промыслами и полезными ископаемыми. Всеми её делами теперь управлял Николай Петрович Резанов.

Правление компании располагалось в Иркутске, откуда было «до Бога высоко, до царя далеко». Бывшие компаньоны Шелихова, как могли, растаскивали компанию по своим карманам. Резанову не всегда удавалось вовремя схватить воров за руку. Стоило больших трудов, но после смерти Павла I Резанову удалось перевести руководство компании в Петербург, тем более что её акционером стал сам новый император – Александр I. Примеру императора последовали многие другие состоятельные люди Петербурга и России, капитал компании намного вырос.

Теперь было самое время вспомнить о грандиозных планах основателя компании – Григория Ивановича Шелихова, который считал, что запад Северо-американского континента имеет все основания стать российским.

Так что Резанов шёл в экспедиции Крузенштерна не только в качестве будущего посла в Японии, а более того, как хозяин Русско-американской компании.

После таких обширных лекций Ратманова и, особенно, Головачева, Вовка опять несколько поколебался в своём негативном отношении к Николаю Петровичу Резанову. Сашка тоже чуть не впал в раскоряку.

Сам Ратманов с первых дней экспедиции продолжал относиться к камергеру с неким предосуждением. Он вообще считал, что географические открытия, поиск новых земель, совершали и совершают только военные моряки, а всякие там Хабаровы, Дежневы, Шелиховы, Резановы попали в новые земли только по воле случая.

«Может, и впрямь Резанов вправе претендовать на руководство экспедицией? – раздумывал временами Вовка, но тут же отвергал подобные мысли далеко в сторону. – Нет уж.

Пока экспедиция в море, никакой камергер не вправе командовать на палубах эскадры. Другое дело, когда корабли придут в Японию и на Камчатку. Там своими грузами пусть распоряжается их хозяин...»

Но это его треклятое письмо с предложением оставить «Надежду» на Камчатке в качестве купеческого судна с перевозками разного купеческого и коммерческого груза!..

Это же удар не только по престижу капитана Крузенштерна и других моряков экспедиции. Это фактический провал первого русского кругосветного путешествия!.. Вот этого никак нельзя было допустить, несмотря ни на какие заслуги камергера Резанова в деле освоения дальневосточных земель.

Но разве Резанов, как это явствует из рассказа Головачёва, не патриот России?!.. Ведь он стремится к укреплению влияния России на американском континенте не только из-за своих шкурных интересов. Скорее всего, он вообще мог бы спокойно полёживать на диване в своей петербургской квартире, чем тащиться с экспедицией за тридцать три моря, а денежки и так текли бы к нему и другим акционерам.

Вовка вспоминал камергера во время штормов, когда бедняга никак не мог совладать со своей морской болезнью. Белое, как полотно лицо Резанова, прерывистое резкое дыхание, взгляд в никуда, в котором читалось только глубокое отчаяние и столь же глубокое мучение.

«А что, если просто поговорить с ним начистоту, – прикидывал бесконечные варианты Вовка. – Должен же он понять, на что покушается...»

Вовка кое-что в поведении людей в необычных для них, как теперь говорят экстремальных условиях, списывал на трудности морского путешествия. Ясно, что человек до такой тесной встречи с морем, в большинстве случаев даже и не предполагал, что ему придётся месяцами, а там и годами, не чувствовать под собой твёрдую землю.

Палубы, словно живые, пучатся под ногами, самого человека бросает от переборки к переборке – всё это накладывает отпечаток не только на физическое состояние, но и чаще всего на повседневное настроение или состояние души. Человек становится раздражительным, поступки его не всегда предсказуемы. Недалеко и до истерики...

Морякам-профессионалам всё же легче. Они подготовлены к морям и океанам и физически, и морально.

«Вот и Резанов, возможно, бросается из крайности в крайность, - длинно вздыхает Вовка. – Взял и придумал от нечего делать, какую свинью подложить капитану и остальным морякам...»

В каюте капитана

Время шло, а чёткого плана у ростовских мичманов всё ещё не было. Да, сейчас стало ясно, чем грозит пребывание в экспедиции камергера Резанова. Но как этому противостоять? Прямой разговор с Резановым Вовка пока отклонил, причиной чему в большей степени стало Сашкино неприятие такого продолжения.

- Не надо раньше времени открывать карты... Бог его знает, что он придумает на этот наш ход, - глубокомысленно рассуждал Сашка. – Ведь он не ровня нам в искусстве интриги и прочей козни...

- А может тогда поговорить с Иваном Фёдоровичем, - опять склоняется к разговору Вовка. - Представь, что письмо Резанова пришло в Петербург, а там ушлый Румянцев сразу к императору...

- А тот подмахивает по молодости всем подряд, - подхватил Сашка на ходу.

- Вот именно – подмахивает, не особенно-то раздумывая, - продолжает Вовка. - Именно из-за этого и возник разлад между капитаном и Резановым – нет чёткости в распределении обязанностей.

- Но капитан теперь знает о намерениях руководства РАКа и притязаниях Резанова, должен же он предпринять какой-то ответный ход. И нам надо его обязательно знать!.. Что следует нам предпринять?..

Казалось, чего проще. Иван Фёдорович пишет письмо морскому министру Мордвинову, который уж сто процентов за то, чтобы состоялась именно русское кругосветное путешествие, и никак не преследует интересы Русско-Американской компании. Хотя сама по себе РАК внесла большой вклад в освоение дальних российских берегов, и даже Америки. А уж морской министр вхож к императору не менее чем Румянцев.

Но ведь письмо Резанова уже в пути, а письма Крузенштерна нет и в проекте!.. Кроме того, в котором он чуть ли не требует своей отставки. И, если император согласится с

предложением Резанова, то вряд ли он будет отменять своё первое решение – не царское это дело!..

В каюту резко заглянул капитанский денщик Ванька Андреев:

-Господа мичманы, капитан приглашает обоих к себе в каюту, и просил побыстрее...

-Да мы и сами собирались, - бросил в сторону Ваньки Вовка.

Он сказал почти правду. Именно в последние минуты в нём всё больше и больше крепла уверенность в необходимости встречи и разговора с капитаном. И вот на тебе – дождались!..

Как и следовало ожидать, Иван Федорович был не один. По каюте нервно прохаживался всегда подчёркнуто спокойный Макар Иванович.

-Присаживайтесь, - пригласил капитан.

Ребята последовали приглашению.

-Так ты говоришь, что ещё в Петербурге слышал разговор о возможности оставления кораблей на Камчатке...

-Точно так! – подскочил Вовка.

-И среди ведших этот разговор точно не было нашего камергера?

-Точно так! – повторил Вовка.

-Ты не подсакивай, как ванька-встанька. Сиди – мы не на плацу...

Вовка расслабился. Иван Федорович с минуту молча смотрел в стол.

Ах, как в эту минуту Вовка хотел выдернуть из-за пазухи злосчастное письмо Резанова и положить его на стол перед капитаном. Но как это сделать?.. Что он сможет ответить на вопрос – откуда оно у него?..

Но что это?!.. Его рука сама (Вовка готов поклясться!) лезет за письмом, медленно достаёт его, и вот оно уже на том самом месте, куда его и хотел положить Вовка.

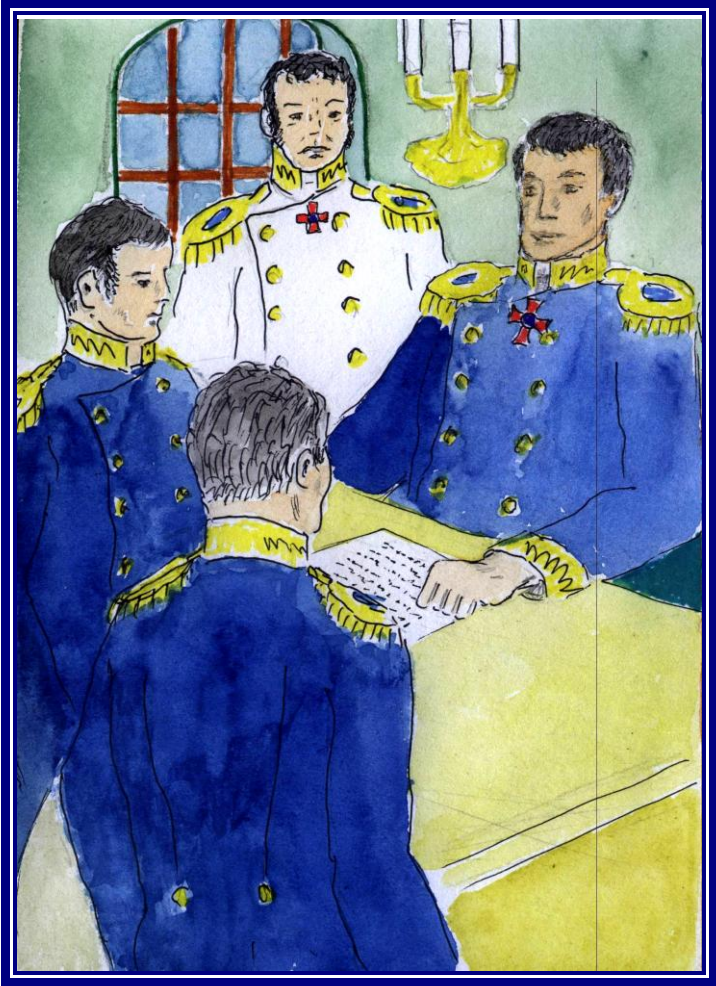
-Что это? – спокойно спрашивает Иван Фёдорович.

-Прошу вас прочесть...

Капитан быстро читает письмо, отодвигает его в сторону Макара Ивановича.

-Как оно оказалось у тебя? - всё же строго спросил капитан. – У вас обоих прямо-таки удивительная способность вступать в самые неожиданные вопросы...

Вовка решил не юлить:

-Как на духу... помогал приказчику Шемелину делать копии с писем, да вот обратил внимание. Только я очень прошу вас не делать виноватым в глазах камергера Фёдора Шемелина...

-Хорошо, - сжал губы капитан. – Мы постараемся обойтись без приказчика. А вам спасибо и можете идти по своим делам...

Крузенштерн и Резанов

-Макар Иванович, не считите за труд, пригласите сюда Николая Петровича.

Действительно, за генералом, хотя и статским, не по чину посылать денщика. В другое время и по другому поводу, Иван Федорович мог просто погромче стукнуть в переборку – ведь апартаменты Резанова рядом, но это в другое время и по другому поводу...

Макар Иванович вошёл в каюту вместе с камергером.

Из всех корабельных офицеров старший помощник, пожалуй, более всех не терпел штатскую братию на судне. Но в последние дни им с Резановым пришлось вместе проверять состояние грузов в трюмах и они непроизвольно общались.

Да и как не признать?.. Умел камергер налаживать отношения с людьми. Даже такой крепкий орешек, как Макар Иванович подобрел к нему.

Но вот как раз ко времени новые обстоятельства, новые препоны...

-Ваше превосходительство, нам стало известно о вашем намерении просить министра коммерции, его превосходительство господина Румянцева, принять меры к оставлению судов экспедиции на Камчатке в услужении Российско-Американской компании. Что вы на это скажете?..

Сразу стало ясно, что камергер никак не ожидал подобного вопроса.

-Откуда же вам стало это известно? – после некоторого замешательства всё же проговорил камергер.

-Это не важно. Нам важно услышать от вас подтверждение или отказ от этих намерений, - старался не повысить голоса капитан.

-Но мне, напротив, важно знать, откуда вам стало известно о моих, как вы говорите, намерениях? – чуть даже напирал камергер.

-Хорошо... не вы ли ещё в Петербурге в разговоре с Румянцевым намекнули на возможность такого исхода экспедиции?

Иван Федорович тоже несколько блефовал. Но, если, даже камергер твёрдо уверен, что в Петербурге он и в мыслях не держал ничего подобного, то этим самым Иван Фёдорович давал ему понять, что известие это или слух тянутся из самого Петербурга...

Да, надо отдать должное и камергеру Резанову. Он не стал отпираться, как холоп, застигнутый в неблагоприятном деянии:

-Считаю ниже своего достоинства оправдываться, но в данном случае я имею в виду оставить одно судно для более эффективного освоения и заселения американских берегов, а также для обороны от возможных посягательств, как аборигенов, так и странствующих каперов*. И это может быть не обязательно «Надежда»...

Капитан и старпом переглянулись.

-Но разве вы забыли, что мы отправлялись из Петербурга в кругосветное путешествие? – с некоторой иронией спросил капитан. – И кто же дал кому-либо полномочия пересматривать цели и задачи экспедиции?..

Камергер опять в суровой задумчивости.

-Надеюсь, вы согласитесь со мной, что экспедиция будет считаться исполненной даже при условии, если моряки вернуться в Петербург на одном корабле, - наконец продолжил камергер. - Я больше чем уверен, что многие офицеры и матросы добровольно согласятся остаться на Камчатке. Ведь там каждый матрос, при благоприятном стечении обстоятельств, может заработать целое состояние. Я не говорю уже об офицерах...

-Офицеры и матросы своим путешествием вокруг света уже обеспечили свои семьи на годы вперёд, - вмешивается, наконец, и Ратманов. – А своей «благодетельностью» вы понуждаете их к рискованному предприятию, в результате которого они вовсе могут остаться ни с чем!..

-Стало быть, вы настаиваете на таком продолжении экспедиции, когда корабли будут разъединены и кругосветное путешествие вовсе окажется под угрозой срыва? – строит

* Каперы – фактические пираты, грабящие суда с ведома своего правительства.

крепкие фразы капитан Крузенштерн. – И какие же фактические действия вами предприняты для достижения этого?

-Мной отправлено письмо на имя его высокопревосходительства министра коммерции Румянцева с таким предложением...

-Да как же вы посмели отправить подобное письмо, не согласовав его с начальником экспедиции?! – чуть повышает голос Крузенштерн. – Вы тайком изволили подложить свинью, и не только лично мне, но и всему составу экспедиции, наконец, России, для которой сия экспедиция должна стать ярким подтверждением её мощи, как сильной морской державы!..

-Я остаюсь при своём мнении, что экспедиция выполнит свою задачу, и будет считаться кругосветной даже при условии, если в Петербург вернётся один корабль. Я же, как коммерческий глава экспедиции, волен давать предложения по своей инстанции...

-Я сейчас же соберу офицеров обоих кораблей... - привстаёт над столом капитан Крузенштерн. - Вы понимаете что вас ждёт, когда они узнают про ваши... ваши низменные проказы?

-Вы опять изволили оскорбить меня, считая действия камергера двора Его величества проказами! – в свою очередь не сдаётся Резанов, также привставая с кресла. - Я ещё раз предупреждаю вас, что по прибытии на Камчатку, я дам ход своему заявлению против вас...

-Господа! - выходит в центр старший офицер Макар Иванович Ратманов. – Господа, полно вам раздувать ссору. Давайте-ка перестанем горячиться и вместе подумаем о том, как нам придти к всеобщему согласию... Ведь даже худой мир – лучше доброй ссоры...

Все опять уселись на свои места.

Инициатор примирения Ратманов не заставил себя ждать с предложением:

-Корабли должны вернуться в Петербург вместе. Но ведь никто не запрещает нам выполнить необходимые вояжи между Камчаткой, Аляской и прочим американским побережьем. Не говоря уже о японской миссии, что предписано нам самим государём...

Пока Макар Иванович говорил, и Крузенштерн, и Резанов не взглянули друг на друга. Но всё же было видно, что запал из них постепенно выходит.

Макар Иванович, закончив свою краткую примирительную речь, в свою очередь, наоборот переводил взгляд с одного на другого. Но ни одна из высоких сторон не захотела говорить о мире первой.

Но искусство дипломатии часто заставляет причастных к нему особ переступить через свой характер.

-Иван Федорович, а ведь правду говорит Макар Иванович. Не более, чем через три месяца экспедиция обязательно придет на Камчатку и там всё разъяснится...

-Но ваше письмо?.. Ведь оно может кончиться соизволением императора о разъединении кораблей! – всё же продолжает кипятиться капитан.

-Но я со своей стороны твёрдо обещаю, что как только будут решены все предписания и инструкции, касающиеся японской дипломатической миссии, - как мог торжественно проговорил камергер Резанов. – А также будут выполнены грузовые операции, связанные с Российско-Американской компанией, оба корабля уйдут в Россию намеченным вами путём...

-Хорошо, будь пока по-вашему, - хмуро согласился капитан. – Но... но соизвольте всё же показать нам ваше письмо...

-Что же... ежели это вам необходимо, то приказчик Шемелин доставит вам копию сию же минуту.

Капитану не нужна была копия, ведь он уже её имел. Просто он не забыл Вовкиной просьбы отвести возможные подозрения камергера от простодушного приказчика.

Когда, наконец, трудный разговор закончился и камергер покинул каюту капитана, Иван Федорович задумчиво взялся за подбородок:

-Не очень-то я ему после всех его каверз доверяю. Придём на Камчатку, а там высочайший рескрипт*... И прикинется он невольным исполнителем царского указа... Эх, коли бы знать заранее...

-Иван Федорович, прошу не забывать, что мичман Панин как-то обмолвился, что они с Назыровым имеют возможность быстрой связи с любым адресатом, - заметил Ратманов, выходя из каюты капитана.

Капитан не ответил.

* Рескрипт - ответ императора, имеющий силу закона.

Остров Нукагива

Впереди остров Пасхи, который планировали посетить оба капитана для выполнения там работ по географии, гидрографии, зоологии. Но сильнейший туман сразу после выхода в Тихий океан из Атлантики снова разъединил корабли. Юрий Лисянский продолжил курс на остров Пасху, чего не мог столь же решительно сделать Крузенштерн.

Всё дело в том, что не зря целыми днями матросы качали воду из трюмов, не зря старпом с камергером и прочими специалистами, то и дело лазили в чрево корабля.

Грузы основательно подмокли... Крузенштерн решил, что в целях спасения грузов, он не должен терять много времени, посещая попутные острова.

Каким-то шестым, а может и десятым чувством Крузенштерн с Лисянским договорились задолго перед тем, как обошли с юга Огненную землю, встретиться на острове Нукагива, если кораблям не суждено будет встретиться на острове Пасхи.

Так и вышло. Лисянский пробыл на Пасхе недолго, он обошёл вокруг острова, но следов пребывания на нём «Надежды» не увидел. Это же подтвердили аборигены острова. Лисянский взял курс на Маркизские острова.

И вот остров Нукагива, который в полной мере соответствовал рассказам бывалых моряков о сказочных красотах тропических райских уголков.

При виде этих красот у Вовки новые вопросы, на которые он ищет ответа.

Почему цивилизация идёт с севера на юг, а никак не с юга на север?.. Да, древнейшие цивилизации всё же были где-то в Египте, в Месопотамии... но они подверглись упадку ещё в глубокой древности, так и не достигнув современного европейского уровня

Вот он абориген. Он абсолютно голый, у него только на поясе висит какая-то мочалка. Впрочем, мочалка эта ничего толком не скрывает. То есть, ему не надо хлопотать об одежде как таковой. Не нужно придумывать, как сотворить ткань. Им даже не нужно убивать животных, чтобы снять с них шкуру и натянуть на себя...

Захотел есть – пожалуйста! Протяни руку, сорви банан и жуй на здоровье!..

Не зря у англичан есть пословица: «Необходимость-мать изобретения...»

Вот уж со всех сторон верно. Сытый человек не будет думать о том, чтобы вырастить хлеб, если ему всё время тепло, то не надо думать об одежде и жилище...

До прибытия на остров Нукагива на шлюпе уже несколько недель действовало ограничение с питьевой водой. В сутки не более одного литра на каждого члена экипажа и на пассажиров. Тяжело и с продовольствием.

Крузенштерн предвидел, что на таком райском острове члены экипажа, а тем более, пассажиры, будут стараться выменять всякую заморскую экзотику. Начальник экспедиции издал приказ, в котором категорически запретил обмен всяких островных рукоделий, прочих вещей у местных островитян, до тех пор, пока корабль не будет в полной мере обеспечен провиантом и прочим снаряжением, необходимым для нормальной жизни всего корабля.

Но островитяне не очень-то спешили везти свиней и другое продовольствие на корабли, несмотря на то, что и капитан, и другие офицеры шли навстречу любым капризам аборигенов. Оставалось только удивляться, откуда столько гонора у местных, особенно у вождя племени, которое встретило «Надежду» первым.

Крузенштерн знал, что райский остров Нукагива открыт всего 13 лет назад до нынешнего визита европейцев на далёкий тихоокеанский остров. И за эти менее полутора десятков лет островитяне так разбаловались вниманием белокожих людей?!..

А ведь нельзя сказать, что все посетители этого острова были образцом любезности. Были и такие визитёры, которые разговаривали с островитянами на языке пушек и ружей.

Крузенштерн вынужден был отменить свой приказ о торговле натурой с островитянами, но только в отношении офицеров. Что же до пассажиров (в том числе и самого Резанова), то их изменения в приказе не коснулись, а ведь именно в их числе находились учёные мужи, которым предписывалось «искать редкости» для царской кунсткамеры и для Академии наук.

И снова было ущемлено самолюбие царского камергера. Ведь он продолжал всем своим поведением, всем видом своим пытался выказывать своё главенство в экспедиции.

Но как, и чем он мог командовать во время морских переходов, где всё строго подчинено морскому уставу. А именно в морском уставе значится, что капитан корабля единственно ответственен за всё, что происходит на корабле и с кораблём. При этом, не имеет значения каких чинов и званий пассажиры на нём следуют.

Разумеется, все офицеры, в том числе и ростовские мичманы, знали о приказе, а потом и про изменения в нём. Вовка сразу решил, что здесь явный перебор.

-Уж тут-то капитан действительно неправ, - согласился с ним и Сашка. – Можно было обойтись и без такой дискриминации... какой-никакой, а всё же царский сановник, да не малого ранга. Выходит, нам, мичманам, можно, а камергеру нельзя...

Видимо, мысли Резанова по этому поводу совпали с мнением мичманов, и он вспылал. Вот что записал в свой походный дневник камергер о произошедшем:

«Чувствуя такая наглости, увидя на другой день на шканцах Крузенитерна, что было мая 2-го числа, сказал я ему: «Не стыдно ли вам так ребячиться и утешаться тем, что не давать мне способов к исполнению на меня возложенного.*

Вдруг закричал он на меня:

-Как вы смели мне сказать, что я ребячусь?!..

-Так, государь мой, - сказал я, - весьма смею, как начальник ваш...

-Вы начальник! Может ли это быть? Знаете ли, что я поступлю с вами, как вы того не ожидаете?

-Матросы вас не послушают, я скрываю вам, что, ежели коснетесь только меня, то чинов лишены будете...

*Созвали экипаж, объявили, что я самозванец и многия делали мне оскорбления, которые, наконец, при изнуренных уже силах моих повергли меня без чувств. Вдруг положено вытащить меня на шканцы к суду...»**

В свою очередь и Макар Иванович не мог не оставить следа в своих записках:

«Здесь, в Нукагиве, наш дражайший амбасадер выказал вполне свой характер и открыл свою черную душу. Он на*

* По старому стилю

* Из дневника камергера Н.П. Резанова

* амбасадер (ambassader –англ.) - посол

шканцах назвал капитана ребенком за то, что капитан приказал от прикащика американской компании отобрать топоры, которые он начал продавать диким за безделушки, чрез что совершенно остановилась покупка свиней. Посол, сказавши сию дерзость, упомянул, что он - все, а капитан, с которым мы отправились из России и который шеф экспедиции - ничего. Мы, услышавши от посла, что он всему и над всеми начальник, потребовали, чтобы он объявил на это именное повеление; но он отказался это сделать.

*Я, предполагая, что все сказанное послом есть его выдумка, ибо он об этом должен был объявить, вступя на корабль, а не через 10 месяцев, сделал предложение - поступить с ним, как с нарушителем общественного спокойствия и как с человеком, который выдает себя за начальника, не имея чем это доказать. Но инструкция подписана рукою Александра и мы повинuemся с благоговением. Еще, когда мы подходили к Бразилии, посол однажды пришел ко мне в каюту и, между многими разговорами, за секрет мне показал свою инструкцию; я, увидав рескрипт Государев - ужаснулся, что он до сих пор остается не объявленным; но посол мне отвечал, что на это еще будет время. С тех пор, я осмелился взять подозрение, что действительная ли сия инструкция, и на основании сего-то подозрения я более всех и настаивал о ее объявлении»**

То есть, из записок Ратманова становится ясным, что люди камергера, в том числе приказчики РАКа, меняли шанцевый инструмент на безделушки, которые везли на суда островитяне. И это в то время, когда топоры и прочий подобный инструмент предполагалось выменивать только на свиней и другое продовольствие...

Но нелицеприятный, откровенно грубый выпад в сторону капитана, который позволил себе камергер Резанов именно на корабельных шканцах, то есть, в месте, особо почитаемом всеми моряками, тоже возымел широкий резонанс, подтверждением чему и являются записки старшего помощника Ратманова.

Шканцы на корабле – это что церковь на земле для верующего, библиотека для интеллигента, театральные подмостки для истинного актёра... то есть, шканцы – священное

* Из дневника М.И. Ратманова

место для каждого настоящего моряка. Здесь всё как на духу, здесь очищение, как на исповеди...

Из записок Ратманов, кроме того, следует, что Резанов, имея на руках царский рескрипт о своих полномочиях, не объявил о них своевременно, то есть при вступлении на корабль. Этим он и вызвал справедливые подозрения со стороны старшего помощника.

Возвращение к теме

Возможно, случай на шканцах, когда камергер Резанов, наконец, прилюдно объявил о своих претензиях на верховенство в экспедиции, и стал поводом к поиску скорейшего решения этой наболевшей проблемы.

Разговор с Резановым в каюте капитана о судьбе экспедиции и возможным разъединением кораблей, который вроде бы завершился обоюдным компромиссом, теперь и во все никого и ни к чему не обязывал.

-Иван Федорович, считаю необходимым снова пригласить в каюту мичманов Панина и Назарова, - предложил вскоре после громкой стычки капитана и камергера старший помощник. - Непростые они отроки, ох непростые... вспомни-ка письмо камергера в столицу.

-Откуда они родом? – вдруг спросил Иван Фёдорович.
– Что-то подзабыл...

-Швамбранию какую-то поминают, - пожал плечами Макар Иванович. – А я отродясь не слыхивал про такую...

-Да и я тоже, несмотря на то, что весь свет объездил и обошёл...

Вовка в каюте торчал один. Он вот-вот собирался выйти на палубу и занять место в шлюпке, собиравшейся отойти к берегу.

-Их благородия вас зовут, - вякнул всё тот же Ванька Андреев, просунув через дверь голову.

-Да ведь мичман Назаров на вахте...

-Капитан сказал – обоих.

-Ну, тогда иди и зови его с мостика.

Вовка дождался, когда Сашка спустился к нему.

-Будем предлагать вариант с Петербургом? – быстро спросил Сашка.

Оба сразу поняли причину и тему будущего разговора.

-А что же остаётся?.. Другого нет...

Ребята тоже времени зря не теряли. После долгого спора всё же решили, что надо просто опередить письмо Резанова и заранее получить рескрипт о несогласии императора на разъединение эскадры Крузенштерна.

Существовал ещё вариант перехвата самого письма. Можно было вернуться всего-то на пару месяцев назад в Дес-теро и там попробовать его изъять либо у самого камергера, либо на том самом судне, что следовало попутной оказией* в Европу.

Но где его искать?.. Можно потерять уйму времени, но так и не найти, тем более, на совершенно чужом судне.

Оставался только Петербург.

До капитана – начальника экспедиции, обоим мичманам была «дистанция огромного размера». Они все понимали субординацию. Да и капитан не был склонен вести с ними речи запанибрата или просто как с равным собеседником.

Разговор начал, или лучше продолжил, Макар Иванович, который тоже являлся если не вторым, то третьим лицом в экспедиции – это уж точно. Но с ним Вовка вот уже который месяц стоял вахту, а это не только в большой мере стирает различия в рангах, но и сближает.

-Вот что ребята, тогдашний разговор с камергером не достаточно прояснил обстоятельства. Хоть мы вроде бы и пришли к единому мнению, но опасность разъединения судов экспедиции остаётся... Тем более, в свете новых обстоятельств, у нас нет никаких оснований доверять господину Резанову.

-Мы знаем, что вы обладаете определёнными возможностями, - подключился и капитан к разговору. – Знаем, что за вами стоят некие силы, которые вам благоволят... есть ли у вас какие-либо суждения по сути известного вам дела?..

Вовка с Сашкой не стали разводить лишние тары-бары:

-Нам теперь же нужно письмо за вашей подписью либо на имя морского министра Мордвинова, либо самому императору с изложением существующего положения и просьбой обязательно сохранить корабельный состав экспедиции в изначальном виде...

-И что же с письмом?

* Оказия – удобный случай для посылки

-Господин капитан, мы имеем возможность передавать информацию на расстояния, но это связано с риском, о котором я пока не имею права говорить. Так же хочу особо отметить, что воспользоваться этой возможностью мы можем только в крайне исключительном случае...

-Да разве сейчас не самый важный случай?!.. – чуть пристукнул капитан по столу.

-Как раз этот случай мы имеем в виду, - как мог твёрдо, выговорил Вовка.

Принято решение, что Иван Федорович с Макаром Ивановичем сейчас же принимаются писать письмо на имя министра морских сил России Н.С. Мордвинова с изложением возникших обстоятельств и предложением сохранить главное назначение экспедиции, а именно **Первой российской кругосветной...**

-Всё же не будем прыгать через голову министра, - решает Иван Федорович. – Будем надеяться, что он сам получит аудиенцию у государя императора.

-Прошу указать в письме, что передаст его лично в руки министра казачий полковник Алексей Петрович Чернышёв, - смотрит Вовка прямо в глаза капитану. – Это наше доверенное лицо... Кроме того, дату прошу указать ту, в кое время экспедиция находилась на острове святой Екатерины... Иначе говоря, в Дестеро.

Россия Снова в Ростове

Через час письмо было готово. Ребята снова заходят в каюту капитана.

-Извольте получить, - передаёт ребятам письмо Макар Иванович. - Хоть оно и запечатано, но вы знаете, о чём здесь речь.

Иван Фёдорович, подчёркивая важность момента, привстал из-за стола:

-Мы надеемся на вас и ждём... - капитан чуть запнулся, - ждём хороших вестей, - закончил он короткую фразу.

-Разрешите исполнять! - лихо козырнули ребята.

-Разрешаю...

На выходе из каюты капитана ребята нос к носу столкнулись с камергером. Они замерли и почтительно вытянулись во фронт вплотную с коридорной переборкой.

Камергер излишне внимательно осмотрел обоих с головы до пят. Обычно он не жаловал подобным вниманием кого бы то ни было из корабельного экипажа.

-Уж не под разнос ли капитанский угодили? – участливо спросил камергер. – Чтой-то вы, господа хорошие, зачастили в наш коридор...

-Так что получили указание ещё раз проверить состояни-
е грузов в трюмах! – гаркнул Вовка, как это он иногда умел
делать.

Не помешает, что и командиры в капитанской каюте услышат.

-Ну, ну... Бог в помощь... - тихо прошёл мимо Николай Петрович.

Ребята снова в своей каюте.

-Т-а-а-к, - такает Сашка. – В этот раз надо продумать всё до мелочей, чтобы не получилось, как тогда «во саду ли в огороде...»

-Прежде всего, мы должны попасть к нашему другу Алёхе, а это значит, нам надо опять быть в мичманской форме, - снова перематывает Вовка настоящие и будущие обстоятельства. – Ты как насчёт Ростова?..

Вообще-то Вовка настроен скорее попасть в Петербург вместе с Алёхой Чернышёвым, состыковать его втихую с Платоном Яковлевичем Гамалея или даже с директором Морского кадетского корпуса Карцовым. Ведь самим им в мичманском звании вряд ли удастся быстро пробиться в такую высокую приёмную, не говоря уже о кабинете Морского министра.

Зато Гамалея и директор Морского корпуса Карцов, наверняка, вхожи к Морскому министру, и письмо выходит на широкую прямую с направлением к самому государю-императору.

Ребята ещё в своих спорах решили, что если письмо камергера направлено Министру коммерции Румянцеву, то приказ другого министра вряд ли будет иметь такую силу, чтобы переломить намерение Румянцева к удовлетворению предложения камергера Резанова.

Да Мордвинов и сам должно быть понимает силу царского фаворита Румянцева.

Объяснить ситуацию Алёхе труда не составит – уж он-то поймёт все эти перипетии с экспедицией, кораблями, письмом...

Отчасти потому, что ребятам не хотелось лишний раз объяснять кому бы то ни было своё появление в Петербурге в середине кругосветной экспедиции, и привело их к мысли о привлечении к выполнению поручения Крузенштерна казачьего полковника Алексея Чернышёва.

Что же до Ростова, то Сашка замялся.

-Честно говоря...

-Ладно... вижу уже...

-Но мы ведь ничего не теряем, имея возможность перескочить в любое время, – оправдывается Сашка. - И, наверное, мы вернёмся на «Надежду» не более, чем через...

-Вернёмся в это же время...

-Зря... не стоит лишний раз ставить в недоумение капитана и Макара Ивановича, - не согласен Сашка. – Давай хоть пару недель каникул возьмём...

-А как наше отсутствие поймёт команда? – категорически возражает Вовка.

-Ну, ладно, - быстро соглашается Сашка. – Тогда вернёмся, как ты скажешь. – Но в Ростов мне бы хотелось...

-Пусть будет так... и в самом деле, грех не побывать, когда мы будем совсем рядом, - не очень-то сопротивляется Вовка. - Но тогда сначала в Ростов, чтобы потом заниматься только делом...

Помня о прошлом ляпе, ребята одеваются в своё гражданское.

-Вот как пригодилось, - радуется Сашка. – Хорошо что додумались...

Мичманскую форму прячут в освободившуюся спортивную сумку.

-Что с оружием?

-Братъ, конечно, - сразу заявляет Сашка. – Мало ли чего стрясётся...

-Может, не стоит таскать лишнюю тяжесть? – сомневается Вовка.

-Если тебе лень, то эту приятную тяжесть я беру на себя, - непреклонен Сашка.

-А как у нас с деньгами? – первым вспомнил Вовка. – Мы же в тот вечер в «Донской волне» и на такси почти всё просадили... думали больше они нам не понадобятся...

Обшарили все штатские карманы, загашники в сумке – нашли без малого пару сотен.

-Ого! – на первое время хватит, а там разживёмся... не впервой.

Заодно проверили и мичманские мундиры. Нашли несколько екатерининских портянок. Тоже ведь пригодятся во «второй серии».

И всё же нужно ещё и ещё раз предусмотреть возможные ляпы со своей стороны, и возможные неожиданности с любой другой.

-А вдруг полковник Чернышёв где-нибудь в походе...

-А вдруг он болен или, сохрани Господи, и вовсе погиб в этих бесчисленных стычках с горцами и прочими разбойниками, сильно охочими до чужого добра...

Но ребята гнали прочь чёрные мысли. Тем более, вспомнили про ангела-хранителя Алёхи по имени Гарри.

-Время!.. Какое время попросим? – почему-то нервничает Вовка.

-Число... число сегодня какое? – бьёт себя по лбу Сашка.

-15 мая, - помнит Вовка из записей в судовом журнале, которые он просматривал во время отсутствия Макара Ивановича.

-А давай-ка в Ростов на Первомай! – загорелся Сашка.
- Числа 28 апреля... Люблю этот весенний праздник... в этот день и давай ко мне на Тульскую...

На сей раз решили не изобретать чего-то нового – ростовчане прибыли в Николаев за очередным большим траулером для Камчатки. Тем более, что с момента расставания прошло, как ни крути, больше полугода.

Вовка всегда волновался, когда становился на старт. Ему казалось, что Кольцо не сработает или вовсе случится что-либо из ряда вон. Но ему показалось, что он не успел и рта раскрыть, и даже толком произнести в уме, как они с Сашкой уже стояли на той самой, родной для Сашки остановке с табличкой «Тульская».

-Вот что значит проторенный путь, - пробормотал Вовка.

Встречи в родном доме всегда одинаковы. Радуются родители, радуются братья и сёстры, рады друзья, до которых известие доходит через какие-то неведомые флюиды.

Правда, у Сашки, не в пример Вовке, братьев не было, а была только одна сестра по имени Лиля, да и то много моложе старшего сына.

-Да что же опять за полгода ни весточки?! – плачет мать, обнимая Сашку, а попутно и Вовку. – Ведь мы письмо послали в ваше управление о том, что вы... что от вас нет известий...

Вовку точно током шибануло. Наверное, Сашку тоже. Ну и ослы же они!..

-Мам... ну с моря так плохо почта ходит, - блял Сашка, тыкаясь матери в плечо.

Вовке показалось, что Сашка и в самом деле для достоверности по-овечьи трясёт головой и вот-вот заблеет по-овечьи.

Это что же получается?.. Они вовремя не явились в Управление Океанического рыболовства, куда были направлены по распределению вместе с получением мореходских дипломов?

Тьфу, ты чёрт... конечно и Вовка, и Сашка были спокойны, что из начала 19 века Кольцо переправит их в то время, которое им будет нужно. Но они не могли предусмотреть,

что в Ростове и на Камчатке в 20 веке время шло так же, как и в 19 веке с ноября 1803 года по 28 апреля 1804 года.

На корабле «Надежда» прошло полгода, и в Ростове с Камчаткой ровно столько же!.. Только с небольшой разницей между временными пластами – «всего-то» около 200 лет.

А в Зеленогорске ведь тоже полгода. Там тоже потеряли Вовку, который вообще-то никогда не ленился писать письма, а ему было кому писать, кроме родного дома... да и Надя задаст вопросы...

Ё-моё, а задаст ли? Она же полгода не имела от меня ни весточки!.. Ведь она молодая, красивая девчонка!.. А что, если...

Вовка бросился к телефону. Телефон батайской библиотеки не мог у него выветриться и «сквозь века».

Телефон молчал. Вовка снова и снова набирал номер, позвонил и в справочную, но в номере ошибки не было.

-Какой сегодня день? – наконец, что-то сообразил он.

-Ты что, с резьбы сорвался? – вытаращился Сашка. – Сам же ещё в каюте сказал - 28 апреля... а послезавтра Первое мая...

-Я спрашиваю про день недели...

-Да воскресенья же, - поспешила на помощь мать. – Что это вы счёт дням потеряли?

Знала бы она...

Вовка немного успокоился, когда в дверях нарисовалась Танька-слезокапка. То ли сработали те самые флюиды, то ли за ней незаметно сбегала Лилька. У Таньки и впрямь полные глаза. Но она не стала устраивать сцену при всех, утащила Сашку в соседнюю комнату и уже там дала волю.

Потом она долго по-змеиному шипела на Сашку. Было слышно, как тот угрюмо отнекивался и оправдывался. Наконец, пара появилась в дверях. Танька принялась помогать матери, а Вовка с Сашкой вышли в беседку. Ту самую, в которой когда-то состоялись проводы мореходов-практикантов в Мурманск.

-Пошли, посмотрим, - увлекает Сашка.

-Чего?

-Я вон под той виноградиной свой пакет тогда зарыл...

Заветный пакет оказался на месте. Сашка всё же чуть дрожащими руками развернул его. Блеск камней оказался настолько ярким, что едва выдержали глаза.

-Надо пару штучек взять.

-И что потом? – не понимает Вовка, у которого всё же мысли где-то между Волгой и Уралом, а точнее, на улице Овражной. То и дело предстаёт и тихая улочка в Батайске, а вместе с ней и библиотекарша Надя...

-У нас же денег-то...

-На базаре продашь?..

-Да... надо подумать...

Сашка всё же взял два огранённых камешка, остальное также завернул и упрятал в то же место.

-Ты понимаешь, Сашка, что меня дома наверняка считают погибшим?.. Надо ведь что-то и мне делать... и Надя тоже...

-Да уж... - проникается, наконец, и Сашка настроением друга.

-Поехали в Батайск! – вдруг встрепенулся Вовка. – Я же знаю адрес её брата, а она жила у него. Не могла же она съехать...

-Подожди хоть – посидим чуть дома, а то мать и без того...

Помолчали.

-Нам тогда надо было признаться, куда мы направляемся, ведь они же с нами на острове были, - задумчиво говорит Сашка.

Вовка внимательно посмотрел на друга.

-Ты что... забыл, что ни Танька, ни Надюша не помнят ничего ни об острове, ни о кладе...

-Ах, да... конечно же. Для них ведь мы тоже приезжали на перегон траулера...

Опять помолчали.

-Слушай, Вовка, вот ты помнишь про своё первое путешествие, а говорил, что твои друзья, которые были вместе с тобой, ничего не помнят... и даже посчитали твои попытки напомнить им чуть ли не за байки сумасшедшего...

-Да я понимаю, о чём ты... тут уж я ничего не могу поделать.

-А если всё это как-то записать и спрятать понадежнее... Да и как быть с кладом?.. Вдруг и у тебя память отключат?..

Вовке такая мысль в голову не приходила - «А вдруг!..»

«Жизнь человека – это память, если её отключить хоть на время, значит именно в это время человек не жил. Можно

допустить, что существовало его тело, и оно даже совершало разумные действия, но для сегодняшнего сознания человека его не было. Это было нечто другое, это было в параллельном мире...»

Вовка не дал развития сумбурным мыслям. Так можно свихнуться.

-Мы ничего не сможем поделать, кроме того, чтобы попросить Эльтину, а я надеюсь, что мы с ней ещё встретимся. Возможно, Эльтина проникнется и сделает что-то в этом смысле, если она вообще в состоянии хоть чем-то помочь...

Но в голову так и лезли со всех сторон навязчивые мысли:

«Значит, нас не было ни в Ростове, ни на Камчатке... мы были в 18 веке.... А когда мы вернёмся к истоку нашего путешествия во времени, то где будут те Вовка и Сашка, которые были на шлюпе «Надежда»?.. Они исчезнут, как будто их и вовсе никогда не было?..»

Вовка резко покрутил головой, стряхивая наваждение. Он несколько раз глубоко вздохнул, медленно провёл глазами по окружающим его предметам, стараясь не пропустить ни одной детали. Вроде помогло...

-Так что ты на это скажешь? – выплыл откуда-то Сашкин вопрос.

-На что?

-Если записать, сфотографировать, наговорить на магнитофон...

-Думаю, что, если Эльтигена или её помощники могут стереть человеческую память из мозга, то уж с магнитофона или фотоаппарата – запросто... тем более, опыт с фотоаппаратом у нас уже есть.

Сашка принялся разглядывать беседку.

-Знаешь, Сашка, ты не подумай чего, но вот эти наши вояжи по Ростову иногда кажутся мне самоволкой, - говорит Вовка совсем не о возможностях человеческой памяти. - На меня всё время давит ощущение, что я делаю что-то такое, чего делать мне не следовало бы...

-Как ни странно, но у меня тоже временами проскакивает нечто подобное, - говорит Сашка, - но ведь ты же сам видишь, что у нас получилось. Тебя же, по сути, посчитали навсегда пропавшим.... хорошо, что мои родители воздержались подавать в розыск, а то неизвестно, чем бы всё кончилось. У матери сердце всю жизнь больное...

-Да я всё понимаю, но вот гнетёт и скребёт и всё тут...

-А может, гнетёт как раз то, что мы так сильно, мягко говоря, опростоволосились перед родными... и ещё перед некоторыми...

-Может и так... но как бы ни было, нам не следует задерживаться... лишнего.

Странное всё же желание, если вспомнить, что у ребят есть такое Кольцо, которое в сила передвинуть их из любого настоящего времени в любое прошлое или будущее...

Но вот и кое-какие конкретные соображения по неожиданно сложившимся обстоятельствам:

-Сашка, крикни-ка Таньку!

-Для чего?

-Крикни!..

Выскочила Танька с ножом в руке и цветастом переднике.

-Тань, вы не встречались за это время с Надей?.. Может, хотя бы перезванивались?..

-Встречались раза два после вашего отъезда, - вполне обыденно докладывает Танька. - По базару вместе гуляли. Потом звонила, спрашивала - пишет ли Сашка...

-И что ты отвечала?..

-Что-что... правду говорила... говорила, что писали в управление, что на розыск собираемся подавать...

-А она что...

-Тоже говорила, что писем от тебя нет... что писала твоим родителям, а там тоже не знают, где ты... и тоже все беспокоятся. Им даже сообщили, что какой-то красноярский самолёт потерпел крушение....

-Ё-моё!!! - чуть не стонет Вовка. - Крушение!.. Ну, конечно, это настырный Генка написал во все инстанции и получил такой ответ...

-Давно в последний раз разговаривала?

-Ой, давно! - легкомысленно продолжала Танька, очень довольная, что Сашка рядом. - Месяца два, наверное...

Позвали к столу.

За столом Вовке кусок не шёл в горло. Механически пил, жевал...

«Что делать?.. Слетать домой?.. Но чем объяснить своё отсутствие?..»

-Ты дай домой телеграмму, - услышал Вовка сквозь мешанину.

Сашка наблюдал за Вовкой и чувствовал, чем занята голова друга.

«Телеграмма!.. Ну, конечно же, телеграмма!.. Но что в ней отстучать?..»

Несмотря на праздничность момента, обед всё же затяжным не стал.

-Вызывай такси!

Вовка, пока ждали машину, и в машине сочинял текст телеграммы:

«Работаю Приморье тчк был дальнем рейсе тчк меня всё нормально подробности зпт адрес сообщу письмом тчк»

Вот и почта с телеграфом. Сашка одобрил содержание телеграммы:

-А подробное письмо обязательно напиши, и сегодня же. Вот только... только почему телеграмма из Ростова?

Вовка аж скрипнул зубами и крутнулся на месте.

-Снова закавыка!.. – стучит себя по отупевшему лбу Вовка. – Что же теперь?!..

-Добавь, что зашли в морской порт города Ростова, - вправляет мозги друг Сашка. – Потому и телеграмма отсюда.

Ну, конечно же!

Окончательный текст Вовкиной телеграммы выглядел так:

«Работаю Приморье тчк нахожусь дальнем рейсе тчк зашли Ростов тчк меня всё нормально подробности зпт адрес сообщу письмом тчк»

...Забегая вперёд, скажем, что в письме, которое друзья писали вместе, сообщалось, что Вовка по пути на Камчатку встретил своего друга-однокашника, который переманил его во Владивосток. А там сразу на судно. Не успел сообщить домой только из-за того, что судно ушло в дальний рейс в первые же сутки.

Да простят Вовку родные за такую нехитрую ложь. Ведь на каждом судне есть радиорубка, из которой любое сообщение в любое время можно передать в любую точку Земного шара...

Обратный адрес Вовка сообщить «забыл».

Потом он сочинил ещё два письма, попросил Таньку отправить их с интервалом через месяц.

-А для чего это, - что-то заподозрила пронырливая Танька. – Вы опять собираетесь «пропасть»?..

-Не опять, а снова...

В Батайске

С почты прямым курсом в Батайск. Пролетели по широким и узким улицам, выскочили на Ворошиловский мост, с которого Вовка кинул взгляд на знакомые до боли очертания набережной.

Вот и Батайск. Вовка быстро нашёл знакомую улочку.

-Здесь чуть потише...

На лавочке, возле уютной, перевитой зеленью, калитки, сидела... Надя.

Вовка дико струсил. Да-да, именно струсил! Что он скажет, а, главное, что скажет она?!.. Так уже было, когда они впервые встретились в Ростове после его почти годовой рабочей практики в Мурманске. Но тогда они ведь переписывались!..

Правда, почта тогда тоже долго искала Вовку по всему Баренцеву морю, но зато его находила целая пачка листов, исписанных каллиграфическим почерком.

А сейчас?!..

Такси уже проскочило мимо лавочки.

-Вовка, ты что?! - ахнула с заднего сиденья Танька. – Надя же сидела!..

-Вижу, - процедил сквозь зубы Вовка. – Вот теперь стой...

Такси остановилось возле ближнего перекрёстка, проехав около полусотни метров дальше калитки.

-Сашка, может, ты первым подойдёшь... - трясётся в душе Вовка. – С Танькой...

-Ну, если так надо...

-Нет!.. – решается Вовка головой в омут. – Сам пойду... а вы за мной...

Пожалуй, Вовка впервые понял, что такое ватные ноги. Да это же он сам сейчас еле переставляет ничего не чувствующие ходули, которые вот-вот подогнуться и... позор всему российскому флоту!..

Вовка гипнотизировал Надю. Теперь ему хотелось, чтобы она как можно раньше увидела его. От того, как она поведёт себя в следующий момент и станет всё ясно...

-Володя!.. – услышал Вовка.

Надя срывается с лавочки и бежит к нему. У неё забавно слетела летняя сандалетка, но Надя даже не остановилась. И вот уже объятия...

-Всё – выдохнул Вовка все свои сомнения и ожидания чего-то страшного.

-Что всё? – смотрит Надя широко открытыми, чуть близорукими глазами.

-Наконец-то встретились, - говорит Вовка совсем не то, что было у него в душе. – Наконец-то мы снова вместе...

Ветром подскочила Танька, тоже с маху объятия. Сашка сдержанно поздоровался и чуть чмокнул в щёку.

-Ну что же ты?.. Где ты...где вы были?

-Надя, Надя, это долго рассказывать... где нас только не носило...

-А коротко никак нельзя... что я только не передумала. Особенно после письма, которое прислал твой брат.

-Генка?

-Да, Геннадий... он сообщил, что один из камчатских рейсов совершил вынужденную посадку в глухой тайге, но весь экипаж и все пассажиры спасены – никто даже не пострадал. Но в списках этого рейса ни тебя, ни Сашки нет...

Вовка внимательно слушал.

-По этому случаю было следствие, - продолжала Надя интересный для всех рассказ. - Все члены экипажа, в том числе и стюардессы категорически отказывались, что они устроили вас на этот рейс тайком...

«Вот что значит Эльтина. Это она вырубилась у них память о нас, а то бы признались – никуда не делись...»

- А письмо сохранилось?

-Да, конечно... я дам тебе почитать...

Надо было что-то делать. Вовке показалось, что та самая Надюшина берёза сильно подросла. Конечно, он не собирался тайком от Нади проверять сохранность их пакета. Но его всё время смущала взбалмошная Танька.

«Начнёт орать и прыгать на весь Батайск... но ведь и Наде придётся как-то объяснить»

-Поехали в Ростов! – и в самом деле запрыгала Танька. – Посидим в нашем кафе...

- Какое это «наше»? - удивился Сашка.

-То есть как это - какое?!.. «Донская волна», конечно...

Вовка не против «Донской волны», больше того, он обязательно навестит его в ближайшие дни и с Сашкой, и с Надей, и с Танькой. Но сегодня он хотел побыть в своей компании.

-Надя, ты не против, если мы чуть посидим в вашем садике?..

-Ой, конечно... я и сама хотела это предложить. Жалко только, что брат в море. Но мы Валю пригласим...

Вовка вспомнил, что Валей звали жену Надиного старшего брата.

Сашка с Танькой тут же вызвались пойти в магазин. А кроме них больше и некому – пусть себе гуляют...

...Надя забежала в дом. Вовка подошёл к берёзе. Прошлогодняя листва прибрана ещё с осени. В конце апреля в Ростове и Батайске уже выросла травка – никаких следов.

Вовка не сразу заметил, что сзади подошла Надюша.

-Я так и думала, что это связано с тобой.

-Что, - перехватило у Вовки. – О чём ты?..

-Мне приснился сон почти сразу после того, как ты уехал в Николаев на свой перегон.

Вовка каменно слушал.

-Приснилось, что мы с тобой зарыли пакет с драгоценностями именно под этой берёзой. Вот я его и выкопала...

-Ну и как? – не совсем впопад брякнул Вовка.

-Всё в целости и сохранности... я сразу опять закопала пакет в этом же месте...

-И никому ни слова?..

-Нет...

-До чего же ты молодец у меня. И какие же вопросы и догадки по этому поводу.

-Пока не знаю, но мне ещё снились остров в океане, клады на дне моря и мы с тобой там...

«Опять проделки Эльтины, - сразу догадался Вовка. – Что-то она к Надюше неравно дышит...»

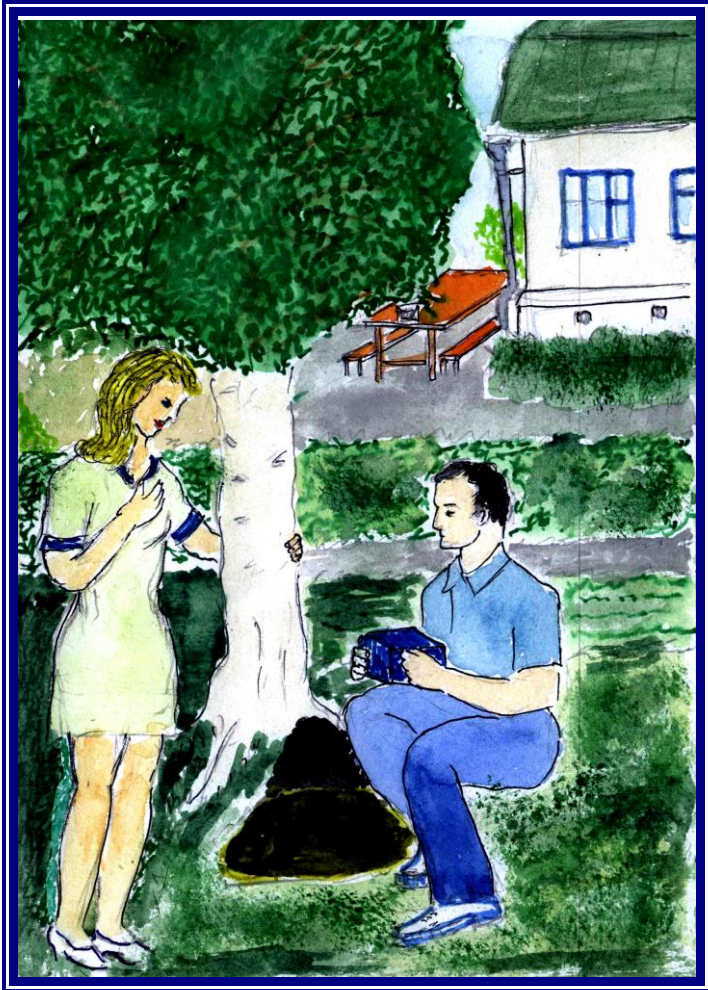
-А пираты тебе не снились?

-Пираты не снились...

Ах, как захотелось Вовке взять сейчас Надюшку на руки, утащить в какой-нибудь укромный закуток и... не отпускать сутки напролёт.... Но Вовка помнил тот случай на левом берегу Дона. Перед ним заслоняли всё пространство её глаза, тогда полные страха и отчаяния...

Появились, издали слышные, Сашка с Танькой.

-Ну вот, мы тут торопились, чуть не бегом, а они по саду гуляют, - добродушно ворчит Сашка, выкладывая на пока пустой столик под окнами стеклянную тару и всякую мелочь.

-В «Донской волне» уже бы сидели и радовались жизни, - поддержала своего Танька.

-Танюха, а ты, по-моему, в любое время дня и ночи жизни радуешься как Винни-пух... за что только Сашка тебя слезокапкой зовёт?..

-Это наш маленький секрет, - опять смеётся Танька.

Надюша снова спешит в дом, Танька хвостиком за ней.

-Как с финансами? – тихо спрашивает, улучив момент,

Вовка.

Он сам старается никогда не брать на себя финансовую часть – у него всё быстро пойдёт бесполезно и прахом...

-У матери немного взял. Сказал, что зарплата по почте идёт...

-С этими приключениями мы скоро станем оголтелыми врунами, - замечает Вовка.

-Это не враньё, это необходимость, - не согласен Сашка. - А насчёт денег – надо разобраться с камушками...

-А ты не бойшься, что нас с ними «компетентные органы» заметут?..

-Я придумал найти Геннадия и спросить, как он с ними определился...

-Не дай Бог – может, срок где-нибудь мотает наш друг и тренер...

-Брось ты вороной каркать, - недовольно картравит Сашка. – Тебя другой раз послушаешь, так и впрямь слезокапкой станешь...

Выскочила, легка на помине, Танька, быстро разбросала по столу посуду.

-Так и давай попробуем позвонить, - не любит тянуть резину Вовка. – В тот раз ты быстро его нашёл...

В Батайске пока в редком доме телефоны, но брат Нади капитан – ему положена оперативная связь по должности.

Трубку «поднял» женский голос.

-А он на водной станции...

-А как туда?..

Женщина назвала номер. Перезвонили. В этот раз в трубке голос мужской:

-Кто вы, как вас представить?..

Что за номера?!.. Да никак у него приёмная с секретарём-референтом?

-Скажите, что с Камчатки...

-С Камчатки... соединяю...

-Вовка, Сашка!!! – истошный крик в трубке. – Где вы?.. Неужели в Ростове?..

-В Батайске...

-Адрес!.. Лечу к вам!..

Геннадий

Через двадцать минут у калитки тормознула роскошная иномарка.

-Друг ты наш Геннадий!.. Ты ли это?.. – широко распахнулись ребята.

Внешне Геннадий не изменился, да и прошло-то всего полгода. Разве что тонкая шкиперская бородка. На нём обычная белая рубашка, ярко-синие джинсы. Но вместо кроссовок лакированные туфли неизвестной породы.

Из машины вышел почти так же одетый парень. Он держит в руках чемоданчик, больше похожий на бабушкин сундучок чёрного дерева.

-Куда?.. – озирается парень.

-А что там?

-Пить – есть, - бормочет парень.

А в сундучке – это оказался автомобильный холодильник, сразу запотевшие на открытом воздухе бутылки со звёздочками, плитки, баночки...

Девчонки с удивлением смотрят на Геннадия. Вовка никак не может припомнить, с какого момента Эльтина сделала перерыв в их памяти.

-А я вас сразу вспомнила, - первой успеваеТ Танька. – Вы тренер с водной станции и зовут вас Геннадий...

-А ещё что ты помнишь? – спрашивает Вовка, втайне надеясь, что девичья память не зашла слишком далеко.

-На водной станции смотрели подводную лодку, - опять что-то вспомнила Танька. – Надя, а ведь ты тоже тогда с нами была...

-Помню, помню...

Надя явно не желает копаться в памяти всего-то полугодовой давности. Вовка чувствует, что она помнит гораздо больше, но что-то его останавливает, и он не решается задавать ей вопросы...

«Эльтина запретила или, скорее, посоветовала ей не распространяться, - делает вывод Вовка. – Значит, Надя что-то вроде посвящённой... что бы это значило?..»

Но вот и застолье. Вовка дождался удобного случая.

-Гена, ты вроде как разжился?..

-Ещё как!..

Как ты распорядился со своими драгоценностями?..

-Значит, они действительно связаны с вами – так я и думал.

-А почему?

-Сопоставил ваше появление на моём горизонте, потом провал в памяти, несмотря на то, что я нашёл в лодке засушенную морскую звезду и «брусок жёлтого металла». Почитал кое-что из теории относительности, о перемещении в пространстве и времени...

-Однако...

-Потом «нашёл» клад и получил свои 25 процентов, - продолжал рассказывать Геннадий свою историю. – Этого хватило, чтобы построить домик на берегу Дона чуть выше острова Зелёный... так что приглашаю...

-С полным нашим удовольствием, но это, скорее всего, чуть позже, - встрял в разговор появившийся Сашка. – Ты нам подсказки-ка что делать с камушками? Тем более, именно сейчас мы очень даже стеснены в средствах.

-Ребята, сдавать клад - это длинная волокита, - вздохнул Геннадий. - А куда-то тыкаться к ювелирам опасно – заметут... но сколько вам надо?!.. Надеюсь, я смогу вам помочь?

-Сколько не жалко, - раскатал губу Сашка. – Мы ведь отдадим рано или поздно.

Геннадий проскочил в машину и тут же сунул Сашке пачку сотенных.

-Я же, парни, вам обязан всем на свете... а я не из тех, кто забывает...

В этот день Вовка остался в Батайске. Здесь же он был и весь Ростовский Первомай... они с Надей с утра пораньше выезжали в Ростов на Тульскую, а оттуда по городу. Встречу с Геннадием не стали откладывать надолго. Тем более, он приехал на Тульскую сам.

-Ну и дом, - озирались ребята по множественным постройкам, окружавшим двухэтажный особняк с ещё двумя этажами, которые уходили в землю.

-Это не столько жилой дом, сколько водная станция, - водил Геннадий экскурсию друзей. – Сколько я нервов потратил, пока построил всё это. Дом в два этажа разрешили

построить только как премию за то, что особо крупный клад сдал государству. А то, что в землю ушел, так это «военная» хитрость. Знатoki научили... все хозяйственные дела и мастерские – там.

Особая гордость Геннадия – эллинг, на котором стояло сразу три непонятных на первый взгляд сооружений. Но непонятными они могли быть для непосвященных, а не для Вовки с Сашкой. Ведь в каждой их них просматривались черты подводных аппаратов.

-И всё это чуть больше, чем за полгода! – удивлялись ребята. – Как же это ты умудрился так раскрутиться?

-Деньги всё делают. Тут целое СМУ* работало и... работает пока. Это уж я сегодня их попросил убраться в честь вашего приезда. Так что полный порядок ориентировочно к осени будет...

-А лодки?.. Лодки кто помогает делать? Неужто сам?!..

-Ребят подобрал из своей секции... самых способных и мастеровых. Их у меня пятеро...

-И зарплату, наверное, платишь, буржуй недорезанный?..

-Они на меня не в обиде – и дело интересное, и стимулы всякие.

Ребята не стали расспрашивать подпольного миллионера о его буржуазной сущности.

-Пошли прокатимся!..

В этот раз в лодке среднего размера смогли свободно, и даже комфортно, уместиться все. В надводном положении лодка шла не хуже адмиральского глиссера*.

-Спустимся?!..

-Конечно, давай... девчонки, не бойтесь?

-А чего бояться! – кричит Танька сквозь шум мотора. – Поехали на море!..

До Азова из Ростова чуть больше 40 километров. Правда, Азов – это ещё не море. Он стоит на берегу Таганрогского залива, но водного простора в нём, как в настоящем море.

Вовка с Сашкой только что были в безбрежном Тихом океане, но морское притяжение настолько велико, что все сразу согласились с Танькой-баламуткой.

* Строительно-монтажное управление

* Глиссер – небольшое быстроходной судно

-Всего-то полтора часа ходу! – веселится и Геннадий. – Оттуда чуть больше...

-А припасы?.. С припасами как? – волнуется Сашка.

-Не переживай, Саша, лодка с вечера укомплектована всем необходимым...

-А как ты сам?

-В смысле?

-Ты же вроде как «за рулём...»

-На Дону пока ГАИ не придумали! – смеётся Геннадий. – А если что, то мы в любое время уйдём под воду... да и не пью я лишнего...

Вовка широко смотрел по сторонам. Он чуть приобнял Надю и рассказывал ей как они на третьем курсе мореходки ходили на парусном яле* до Азовского моря.

-Сашка, помнишь сторожевик?.. Он вроде бы где-то здесь на мели стоял?..

-Стоял, а теперь не стоит. Наверное, на переплавку всё же отправили.

-Я его тоже видел, - подтверждает и Геннадий воспоминания друзей. – Вот только не засёк момента, когда его утащили и куда...

-Вовка, а ты помнишь, как на рысаке гарцевал вон по тому полю...

-Ты и на коне скакать умеешь? – удивилась Надя. – Прямо супермен...

- Все скакали, и я поскакал...

-Нет, Надя, всё же он первым поскакал, если не считать Мишку Романова, который из казачьей станицы – тому-то это не в новинку...

Но вот и устье Дона. Бесчисленное количество протоков, заросших ещё прошлогодним камышом.

Эх, жаль удочек не догадались взять, взгрустнул Вовка. – можно было попробовать...

-Как это нет! – лыбится Геннадий. - Да удочки и прочее у меня всегда с собой.

-Ну, ты сегодня сам себя превзошёл!

Но решили сначала спуститься под воду и снизу посмотреть на урожайность рыбного промысла в низовье Дона.

-Только идти под водой здесь опасно. Слишком много всякой растительности, - просвещает Геннадий своих гостей.

* Ял – большая шестивесельная шлюпка с парусным вооружением.

– Один раз я так зацепился, что пришлось весь балласт сбросить...

-Ну и не надо, - соглашаются в лодке. – Найдём чистое место...

Больше всего восторга выдали девчонки. Конечно, Таньке тут не было равных, но и сдержанная всегда Надя веселилась, как ребёнок. Да и как не веселиться, когда в иллюминатор пучиться на тебя целая стайка глазастых окуньков, а чуть дальше шевелит клешнями рак, величиной чуть ли не с океанского омара*.

А на дне бревно – не бревно, но и на рыбу вроде бы не похоже... Ан нет! Не выдержал всё же непонятого существа по соседству.

-Да это же громадный сом! – вопит Сашка. – в нём же не меньше центнера!.. Эх, вот бы кого приловить...

-Я и сам-то такого сома в первый раз вижу, - признаётся Геннадий. – Но в такую громаду из ружья опасно стрелять – если сразу не убьёшь, то он может тебе руки-ноги переломать... Или затянуть в такие дебри, откуда не выберешься...

А вон и царь-рыба!.. Осётр... Но он не один. Чуть поодаль ещё и ещё...

-Нерестовые, - со знанием дела говорит Геннадий. – Они пробираются в верховья, да разве сейчас проберёшься через целый каскад плотин. Вот и пропал почти весь осётр и другая рыба в нашем Приазовье.

-И браконьеров хватает, - не понаслышке говорит Сашка. – Их с каждым годом всё больше и больше плодится.

-Чем меньше рыбы, тем больше на неё рыбаков, - мрачнеет Вовка. – Убивать их надо... не тех, кто от этой рыбалки кормится, а тех, кто наживу себе на этом строит...

Рыбалка на южном солнечном Азове мало чем отличалась от многих из тех, что были в жизни Сашки и Вовки. Вот только в те разы не пришлось плавать на подводной лодке. Да и улов был бы несоизмерим, если бы рыбаки поддались жадности и азарту.

Что же до уха на ласковом, песчаном берегу, такого же ласкового, тёплого ветерка, облаков над головой – всё это уже было. Было, но никто и никогда не скажет, что у него пропало желание пережить всё это вновь и вновь...

* Морской рак весом до 15 кг.

Наступило время обратного курса. Против течения лодка шла чуть медленнее, но вот и набережная. Несмотря на уговоры Геннадия провести вечер в его резиденции, Вовка с Сашкой и девчонки вышли из лодки на одном из многочисленных донских дебаркадеров*.

-Ребята, если вас снова занесёт к нам, то знайте, что в здесь вас всегда ждёт ваш друг и товарищ, - рвал рубашку заметно повеселевший Геннадий. – А если кому потребуется помощь и не обязательно в Ростове – только скажите...

Ребята не могли пока оставить ему какие-либо координаты, но тоже обещали поддержку.

-Мы только определимся с нашими делами, а уж потом обязательно наладим не просто связь, а постоянное общение...

Как Вовке сейчас хотелось, чтобы и Геннадий и девчонки хоть чуть представили всё то, через что они прошли, и что ещё осталось пройти...

Оставшиеся сутки прошли быстро. Снова наступило прощание. Вовка в садике у Нади в Батайске.

-Надя, скажи честно – ты не слышала имя Эльтина?

-Слышала...

-Так я и знал.. и что она к тебе имеет?

-Я не могу тебе это сказать. Но...

-Что но?..

-Это может кончиться... странным образом...

Больше Надя ничего не сказала.

Полковник Чернышёв

Вот и знакомая площадь перед собором. Опасения были напрасными. Войсковой полковник Алексей Чернышёв оказался на своём месте.

-А у меня вот так и сосало где-то под ложечкой, что вы обязательно в скорости будете! – тискал обоих рослый и несколько грузноватый казачий полковник. – Ну, рассказывайте - как и что у вас?..

Что могли рассказать ребята? Конечно, тайны от своего давнего друга у Вовки не было. Да и не за тем они к нему прибыли, чтобы таиться.

* Дебаркадер – плавучая пристань

-В дальнем плавании мы были. Видели много стран – Альбион, острова Канарские, Бразилия...

-Эко вас носило по свету! – удивляется и радуется за своих друзей Алексей. – Я старше вас, да и малой толики из того не видал...

-Каждый из нас своего достаточно насмотрелся, - философски замечает Вовка. – Зато ты повоевал вместе с самим Александром Суворовым за матушку Россию...

-Было, было... да ещё чать не раз придётся. Слышно вон француз Бонапарт сильно поднялся – поколачивает всю Европу. Ежели не остановить, то ему прямая дорога и к нам наведаться...

-Мало ли врагов на Россию покушались, - замечает Сашка. – Да что от них осталось?..

-И то правда...

Но разводить тары-бары вроде бы не место, а главное, не время.

-Просьба у нас к тебе, Алеха.

Полковник весь внимание.

-Вот письмо мы имеем – надо его доставить прямо в руки нынешнему министру морских сил Мордвинову Николаю Семёновичу. А, знаю дело, что без поручительства быстро попасть в приёмную к такой персоне не получится...

-К Мордвинову!.. Да ведь слышан я про него ещё в крымскую кампанию... в то пору он на Днепре флотилией командовал. Не шибко жаловал его Александр Васильевич... А вон как взлетел – Министр!.. Правда, лично незнакомы... да я в то пору войсковым старшиной был или майором по табели о рангах, а он уже адмиралом...

-Может, какую подробность помнишь, - при встрече для завязки разговора пригодились бы...

-Да какая подробность?.. Наши донские казачки тогда вместе с пехотой генерала Река стояли под Кинбурном. Казаки первыми встретили турецкий десант, а потом и регулярные войска вступили – ни один басурман не ушёл. Да и куда им было сбежать – корабль их сгорел дотла...

-А Мордвинов тут с какой стороны?.. – не терпится Сашке.

-Вот тогда-то мы и ждали флотилию Мордвинова, но того всё нет и нет. А турки с моря стреляли без передыха – считай, две недели бомбили. Только десанта больше не высаживали – отвадили мы их. Наконец, и наши корабли появи-

лись, и всё же отогнали турок с их кораблями и пушками... А могли бы и раньше – недалеко ведь адмирал со своей флотилией стоял...

-Да... это явно не тот случай, про который следует помнить для завязки разговора, - глубокомысленно выразился Вовка. – Другого, значит, ничего не было...

-Да к чему нам что-то другое! – шумно удивляется Алексей. - Нешто полковнику к министру дорога заказана?!.. Завтра же!

-А почему завтра?.. Давай речь держать о том, как и что говорить будешь – да и двинем...

Полковник откинулся в своём кресле и внимательно посмотрел на Вовку, перевёл взгляд на Сашку.

-Ну, братцы, не ожидал... да неужто не хотите на крестницу глянуть и дом мой проведать?.. Когда такое на Руси было, тем паче на Дону?!..

-Да мы... мы бы на обратном пути... - оправдывается Вовка, явно чувствуя, что всерьёз обидел Алёху. – Нам же всё равно сюда возвращаться с тобой. А хочется дело сделать и уж потом...

-И дело сделаем и родных людей не обидим! – категоричен полковник Чернышёв.

Да... в самом деле, разве мог кто-то другой, кроме Вовки, разглядеть в грозном полковнике того самого вихрастого мальчишку из штаба пугачёвского атамана Зарубина-Чики. А чуть раньше Алёха и вовсе забитый крестьянский парнишка, который был бы сейчас в чьих-то крепостных, не попади он случайно в казачье воинство.

-Всё, всё, всё! – задирают лапки флотские мичманы перед казачьим полковником. – Мы согласны на всё...

Не будем долго останавливаться в доме Чернышёва – мы там уже были. Скажем только, что стоит он на месте. Да вот стоять-то ему осталось недолго – через год-другой переводят всё казачье начальство в новый Черкасск*, что отстроился в тридцати верстах от Ростова.

Увидели Вовка с Сашкой и заметно подростшую крестницу Татьянку, Петра с Ариной, и брата Василия, которого так и оженили на дочке Ефима Зырка. А Зырок с остальной семьёй всё же переселился в обширный дом своего зятя. Не преминул навестить гостеприимный полковничий дом и свя-

* Нынешний Новочеркасск

щенник отец Егорий, тот сразу вспомнил прошлогодних мичманов, в честь которых был великий праздник.

Ребятам снова и снова пришлось рассказывать о кораблях, о море, о Крузенштерне, других моряках... а чем больше рассказываешь про это, тем больше вопросов...

Но пора и честь знать!..

Полковник уединился с ребятами в своём домашнем кабинете.

-Ежели спросят, как ко мне письмо попало – что говорить?

-Ты, Алексей Павлович, был в Херсоне по службе, да признался там, что в скором времени в столицу собираешься. Вот и передали тебе это письмо, которое доставил в Севастополь португальский корабль из дальних морей... - втолковывал Вовка казачьему офицеру. – Ну, как, похоже на правду?

-Да вроде так и бывает, когда с оказиями почта добирается, - согласен полковник.

Вовка уже давно придумал, что появляться перед Платоном Гамалея – это опять вызвать множество вопросов, на которые снова как-то придётся отвечать. Тем более, что само имя капитана Крузенштерна должно послужить пропуском в самые высокие инстанции.

Но уж, если они задумали навестить Алёху, то он должен обязательно остаться в цепочке почтовой связи. Кроме того, они просили Ивана Федоровича указать в письме, что его вручит морскому министру именно казачий полковник Чернышёв.

Но тут Вовка сообразил, что стройная версия с письмом рушится.

«Как же из Севастополя в Херсон попало письмо, в котором указано имя Чернышёва?..»

Алёха и Сашка согласились, что это действительно неувязка.

-Придётся исправить, - решает Вовка. – надо вскрыть письмо.

-Да как же! – встаёт на дыбы полковник. – Сие государева почта!..

-Ничего, для нас это не впервой, когда дело касается государственной безопасности, - темнит для важности Вовка. – Нужен самый острый нож.

В доме полковника острый нож нашёлся. Сургучные печати аккуратно срезаны, письмо развёрнуто.

-Интересно, чей это почерк? Капитана или старпома, - любитесь Вовка на каллиграфию. – В наше время так никто не напишет...

Вовка прикрыл ровным клочком бумаги фамилию подателя письма и сделал копию. Теперь надо что-то вписать в образовавшийся пробел.

Да, Вовка писал куда хуже курицы, Сашка чуть лучше. Полковник писать мог, но его рука (почерк) разительно отличалась от руки писавшего письмо.

Но ведь, если Вовка не умел красиво писать, то умел неплохо рисовать!.. Рисовать буквы... Всего-то полтора десятка, главное, чтобы чернила подошли.

Слава Богу, подошли... письмо снова аккуратно сложено по образцу, Вовка чуть подогрел печати из-под низу и дело сделано.

-Значит, Алексей Павлович, передаёшь письмо из рук в руки, а дальше действуй по обстоятельствам...

-Но уж сей день догуляем, а утро вечера мудренее, - поставил условие Алексей Чернышёв.

Утром казачий полковник Чернышёв предстал перед мичманами во всём блеске и при всех регалиях.

Вовка вдруг загорелся новой идеей:

-А что, если нам одеть казачью форму и предстать перед Морским министром как сопровождение господина полковника.

-Да ведь и то верно! – подхватил полковник. – И в самом деле, полковники у нас не ходят с официальными визитами по одиночке...

Через полчаса два комплекта казачьей офицерской формы были приготовлены. К ним и документы двух действительно служивших с Алексеем Чернышевым офицеров. Вовке достался чин есаула, Сашке сотника.

-Вот теперь всё в порядке!..

Мордвинов и Штейнгель

Ребята ещё со времён учёбы в Морском корпусе знали, что все или почти все высокие инстанции, службы, занимающиеся вопросами морского флота, находятся в Адмиралтействе.

Вовка хорошо представлял себе здание Адмиралтейства. Он не раз бывал у истока Невского проспекта, который

как раз и начинался, что называется, от порога этого величественного здания. Как-то раз ему даже пришлось отнести пакет из канцелярии Корпуса – тогда он был дежурным вестовым.

Мордвинов Николай Семёнович является первым российским Министром морских сил, чей высокий кабинет тоже размещается в этом здании. Его и обозначили, как пункт прибытия для Кольца, путешественники во Времени и Пространстве.

Конечно, Алёха последний раз перемещался во Времени и Пространстве лет эдак тридцать назад, но в этот раз он к этому отнёсся вполне спокойно, как и подобает казаку, воину и командиру.

В Петербурге казачий полковник в первый раз. Но он не крутит головой – всякое повидали... полковник сразу входит через высоченные двери, Вовка с Сашкой за ним. А вот и постовые офицеры в морской форме.

-Куда изволите, господин полковник?

-К его высокопревосходительству Министру морских сил Николаю Семёновичу Мордвинову с письмом от капитана-командора Крузенштерна! – чётко рапортует полковник Чернышёв.

-Как вас представить?

-Войсковой полковник Его императорского величества Донского казачьего войска Чернышёв Алексей Петрович.

-Предъявите письмо.

Письмо предъявлено. Офицер внимательно просмотрел конверт. Мало того, поднёс к окну и посмотрел на свет. У Вовки ёкнуло.

«А вдруг у них тут тоже не лыком шиты, да определит офицер, что печати переклеены...»

Но, видимо, Вовка сработал профессионально, офицер возвращает письмо.

-Ждите...

Ждать пришлось недолго, но полковник в сопровождении офицера прошёл один...

Через полчаса по широкой лестнице спустился важный адмирал лет пятидесяти, который вёл оживлённый разговор с Алексеем Чернышёвым. Сзади их сопровождал постовой офицер.

-Следуйте за нами, - коротко и резко приказал полковник своим сопровождающим (Вовке и Сашке).

Подали карету и пролётку. В карете адмирал Мордвинов и полковник Чернышёв, в пролётке два казачьих офицера и всё тот же офицер из постовой охраны.

Вовка поглядывал на офицера:

«Лейтенант флота... когда другие лейтенанты ходят по морям, этот ошивается при штабе, - почему-то неприязненно подумал Вовка. – Но ведь на всех кораблей не хватает, - тут же оправдал он офицера...»

-Прошу извинить, не скажете ли, куда путь держим? – спросил всё же Вовка.

-В коммерц-коллегию, к его высокопревосходительству графу Николаю Петровичу Румянцеву, - доложил офицер.

«Всё правильно... Мордвинов решил не обострять отношения с Румянцевым, тем более, что тот ещё письма от Резанова не получил...»

Современник адмирала Мордвинова, выдающийся русский флотоводец и путешественник вице-адмирал Василий Головин, в своем сочинении 1824 г., "О нынешнем состоянии Российского флота", так отзывается о Николае Семеновиче Мордвинове:

«...Муж ... умный, с обширными познаниями, в государственных делах и в морском искусстве сведущий, знатного рода, с двором знакомый, пред Царем и в Думе смелый и решительный; словом, муж, имевший все способности быть морским министром, но к несчастью, не имевший охоты быть им...»

Пролётка сопровождала карету весь день. Вот когда Вовка и Сашка насмотрелись на Петербург начала 19-го века. Познакомились ближе и с офицером, который представился бароном Владимиром Ивановичем Штейнгелем*.

-Да не учились ли вы совсем недавно в Морском корпусе? – пригляделся Вовка, но тут же прикусил язык.

Но барон вопрос услышал.

-Имел честь быть воспитанником корпуса... но разве мы знакомы?..

-Брат мой выпущен из корпуса в прошлом году и ныне находится в плавании с капитаном Крузенштерном...

-А как звали брата? – приглядывался офицер к ребятам.

* Штейнгель В.И. – будущий декабрист, участник Северного общества.

Опять влипли. Язык бы отрезать... но надо было что-то отвечать:

-Панин... Владимир Панин...

-Про Владимира Панина слышал... хоть он и младшего выпуска...

Вовка подумал, что барон Штейнгель мог слышать про гардемарина Панина только из-за его участия в дуэли, которые всё же являлись редкостью в корпусе, и слух о них витал по всем дортуарам и аудиториям.

Но барон продолжал приглядываться. Орлиный Сашкин профиль, видимо, напомнил ему не только о дуэлянте Владимире Панине.

-Господин барон, не извольте сомневаться, - очень натурально засмеялся Сашка. – Гардемарин Александр Назыров мой единоутробный брат. Только я отучился в казачьем кадетском корпусе, а он настоял батюшке отправить его в Морской корпус.

Рассеял или нет сомнения лейтенанта флота Владимира Штейнгеля Сашка Назыров – ребята не почувствовали, но тот перестал задавать вопросы про Морской кадетский корпус.

Дальше разговор перешёл о житье-бытьё казаков, где Вовка мог без особой осторожности вешать лейтенанту любую лапшу. Сашка ему усердно помогал.

Полковник Чернышёв с адмиралом Мордвиновым долго катались от инстанции к инстанции. Румянцева в своей резиденции не оказалось и его пришлось искать. Но это было только в удовольствие. Разве плохо прокатиться по неизвестному Петербургу...

Казачьи офицеры тепло попрощались с новым знакомым.

-При случае наведайте... - махнул лейтенант, - да отметим морское братство...

Но не пришлось...

Так что офицерам сопровождения удалось встретиться со своим полковником наедине только в самом конце дня. Владимир Семёнович Мордвинов любезно предложил господину полковнику и сопровождавшим его офицерам остановиться в его доме. Донцам были выделены роскошные апартаменты.

Алёха рассказывал про встречи в высоких кабинетах своим друзьям:

-Принял меня Николай Семёнович, как родного. А уж когда я сказал, что воевал с турками в крымских компаниях, так долго меня расспрашивал про наши баталии...

-А Румянцев что?

-Тоже весьма приятный господин. Это ведь сын того самого Петра Александровича Румянцева, который воевал с батюшкой Александром Васильевичем Суворовым в Крыму, на Дунае...

-А как же с письмом?

-Николай Петрович Румянцев при нас завизировал письмо, где изволил дать согласие и корабли ваши никто теперь не посмеет разъединить...

-А дальше-то?

-Министр коммерции сегодня же обещал ехать во дворец добиваться аудиенции государя – самое большое через два дня царский рескрипт будет готов...

Скоро гости с Дона были приглашены к ужину, который продолжался довольно долго.

Во время ужина хозяин спрашивал о жизни на Дону, о казаках, о казачьем воинском распорядке. Отвечал полковник Чернышёв, младшие скромно помалкивали, налегая на угощение. Ведь в течение дня им не пришлось нигде перекусить.

Разговор коснулся и казачьей вольницы. Вспомнили Емельяна Пугачева.

-И ведь без того казаки на особом положении в государстве, - говорил хозяин дома. – Ан нет, находятся и такие, с позволения сказать, казаки...

-Сие от недогляда царского. Ведь казаки, кроме Дона-батюшки, на Кубани, в Запорожье, на Урале, в Сибири, Забайкалье - повсюду на окраинных землях, - поддерживает разговор Алексей Петрович. – Да местные воеводы-губернаторы всё норовят обделить казачков, обобрать их исконными землями, лишают рыбного и охотного промысла...

-Не без того, не без того, - кивает Николай Семёнович. – Да разве углядишь за всем из Петербурга...

-Вот и надобно здесь, в Петербурге, при царе учредить главную коллегию по казачьим делам, которая бы надзирала за казачьими землями да вовремя была бы вхожа к государю... - затрагивает вопросы большой политики казачий полковник.

Николай Семёнович дипломатично переводит разговор в другое русло, но Алексей Петрович опять вспоминает:

-Жаль, светлейший князь* не успел свершить такую коллегия. Жаловал он нас – казаков...

-Великий был воин и гражданин! - поднял чарку Николай Семёнович. – Мир его праху...

Помянули. Николай Семёнович обращает внимание на другую сторону стола:

-А что наша молодёжь?.. Как служба государева?..

От неожиданности ребята даже чуть подскочили над столом.

-Сидите, сидите...

-Мечтаем и мы свершить подвиги во славу русского оружия! – чуть повысил голос Вовка. - Тому почитаем великим примером службу царю и отечеству вашего высокопревосходительства и нашего прямого командира его высокоблагородия войскового полковника Алексея Петровича Чернышева.

Слова казачьего сотника были приняты за очередной тост, который все дружно поддержали.

Весёлая прогулка

Впереди целый день. Не хватало ещё провести его в четырёх стенах, пусть даже в доме Министра морских сил России.

-Ну что, прошвырнёмся по набережной, в Летний сад?

-Чего? - не понял Алёха курсантский жаргон.

-В смысле прогуляемся...

-А то ж, - соглашается на донском наречии Алёха. – Хоть будет что своим рассказать, да самому потом вспомнить...

Погода благоприятствовала. Правда, здешнее солнце, это не то, что в Ростове или в Черкасске. Если южное солнце чуть ли не весь день даже в мае стоит над головой, то в Петербурге оно на самую верхушку небесного купола вовсе не забирается.

Но мичманы, а теперь казачьи офицеры, прибыли в столицу не солнечные ванны принимать. Тут и без того можно целый день ходить с разинутым во все стороны ртом.

* Потёмкин Г.И. - выдающийся полководец, фаворит Екатерины Второй.

Правда, за время учёбы в Морском корпусе, ребятам не раз и не два выпадало в компании других гардемарин, и по одиночке гулять по набережным и проспектам Петербурга.

Но в том то и дело, что улицы эти, проспекты и набережные с Летним садом, привлекали любого праздного человека снова и снова...

Вовка с Сашкой совершенно забыли, что они в Петербурге по делу великой важности, забыли, что они мичманы флота Его величества, забыли, что на них форма казачьих офицеров...

Вовка даже задумал, было, попасть в дом к генерал-аншефу Васильеву. А что такого?!.. Ведь они полноправные гости в доме самого министра!.. Тем более, Вовка лелеял тайную надежду встретиться с дочкой генерала – Наденькой. Но всё же он вспомнил, что он теперь не гардемарин и даже не мичман.

«И для чего они переоделись?..»

Но Вовка признавал и правоту Алёхи. Ведь сопровождение казачьего полковника из морских мичманов могло кого хочешь поставить в непроходимый тупик.

«А вот взять свои мундиры – это бы не помешало...»

Очень скоро Вовка с Сашкой убедятся в справедливости такого хода.

Невская Перспектива.

В Ростове в семидесятых годах XX века на улице Энгельса, в парке Горького, особенно на набережной можно было встретить, кого хочешь. И не хочешь...

Вот и в Санкт-Петербурге начала XIX-го века в местах общего гуляния кого только не встретишь. А вот и первая...

-Господин полковник!.. Алексей Петрович!..

Оглянулись на крик.

-Вы ли это?!..

К ним спешил, широко раскинув руки, и чуть не путаясь в полах офицерского плаща, великолепный майор из кавалергардов.

-Григорий Иванович!- в свою очередь воспрял полковник Чернышёв. – Вот так встреча!..

-Какими судьбами?.. Ведь не чаял увидеть!..

-Из Черкаска по делам службы, - стандартно ответил полковник. – А это мои сотоварищи и... подчинённые...

Оказалось, что майор и полковник, в ту пору ротмистр Алексей Чернышёв вместе воевали под тем самым Кинбур-

ном, вместе отбивали турецкие десанты, а потом вместе с Суворовым штурмом брали Измаил.

Конечно, такие встречи просто так не проходили и в те славные времена.

-Зайдём, - сделал широкий жест кавалергард.

-Да как же не зайти!..

Уютный кабачок, каких было множество по обеим сторонам проспекта, радушно встретил шумную компанию.

Час долгих воспоминаний затянулся. Офицеры вспоминали минувшее, вспоминали командиров, вспоминали павших друзей.

Грешно сказать, но ребята заскучили. Поток незнакомых фамилий, имён, и просто терминов чуть притомил их.

-Да вы прогуляйтесь часок... только сюда возвращайтесь,- наконец, сквозь звон бокалов, заметил Алёха скучающие лица.

Что же... надо только постараться запомнить расположение кабачка, а то, неровён час, и заблудиться можно.

Ещё одна встреча

Ребята отошли от кабачка уже на вполне приличное расстояние, хотя спешить им было некуда и незачем.

-Господа, казаки!

Бог ты мой, да ведь это Гришка Хохлов и Серёга Марков!.. Да-да!.. Тот самый Григорий Хохлов, который так «ловко» посадил себе огромную шишку собственным пистолетом во время дуэли с Вовкой Паниным...

-Не имею чести, господа офицер-ры... - отвернулся, было, Сашка далеко в сторону...

-Как это?! – чуть не превратился в соляной столб в форме знака вопроса мичман Григорий Хохлов. – Да как смеее вы отказываться?!..

Сашкину картавость вместе с гордым орлиным профилем вряд ли можно с чем-то и с кем-то спутать.

Хохлов и Марков широко расставили руки и явно намерились не пропустить мимо себя непонятных казаков.

Кроме того, отношение военных (и флотских и пехотных) к казачьему сословию было несколько пренебрежительным. Хотя следует сказать, что редкий гусар мог соперничать с казаками в джигитовке, выездке, владению саблей или пикой. Отношение военных к казакам переменялось

только после войны с Наполеоном, в которой они проявили себя со всех сторон блестяще.

Но до этого времени было ещё далеко.

Правда, казаки из флотских мичманов, какими в данный момент были Вовка и Сашка, не могли не только саблями махать и пиками орудовать, но и просто толком сидеть в седле. Разве можно счесть опытом ту короткую встречу с табуном донских рысаков ещё в курсантское время?..

-Мы требуем ясности! – поставил вопрос ребром Григорий Хохлов. – Иначе будем вынуждены прибегнуть к услугам тайной полиции. Нам ведомо, что вы сейчас должны быть с экспедицией Крузенштерна!..

– Вы дезертировали и потому устроили этот маскарад?! – не менее грозен Сергей Марков. - Извольте объясниться сей же момент!..

Так вляпаться ребятам ещё не приходилось. Казалось, они продумали всё. Но самое элементарное – возможную встречу со своими бывшими однокашниками – Бог не привёл в голову. Как же выкручиваться?.. К полковнику вернуться?.. А как их оправдает Алёха?..

- Гришка, Серега, правильно вы говорите... мы должны быть в экспедиции, - начал Вовка только потому, что дальнейшее промедление с ответом могло привести и впрямь к решительным действиям со стороны бывших однокурсников. – Но то, что вы сейчас видите – это... Мы прибыли от острова святой Екатерины, что у северных берегов Бразилии с тайным поручением капитан-лейтенанта Крузенштерна...

Конечно, Вовка мог шепнуть Кольцу, чтобы оно перенесло их в тот же миг хотя бы на другую сторону проспекта, но что-то сдерживало его. Да и грозные собеседники были слишком близко, чтобы Кольцо могло их разъединить.

Возможно, разъяснения Вовки хватило бы для того, чтобы умерить пыл бывших гардемарин, но в спор вмешался ещё один офицер, которого привлёк шум, явно готовый перерасти в уличный скандал или чего хуже в дуэль...

-Мне кажется, что господа офицеры перебрали и явно не поделили хорошеньких дам?

-Дамы тут не при чём, - глянул на полицейского пристава Григорий Хохлов. – А вот выяснить личность этих, с позволения сказать, казаков не мешает!..

-Ваши бумаги, господа офицеры, - участливо повернулся полицейский пристав к Вовке и Сашке.

Доставать бумаги было бесполезно. Рядом такое «свидетельство» в лице двух мичманов, что никакие бумаги его не заменят.

-Позвольте заверить ваше высокоблагородие, что бумаги свои мы, по причине суеты и торопливости, забыли в доме его высокопревосходительства адмирала Николая Семёновича Мордвинова.

Вовка успел заметить, как резко изменились лица полицейского и особенно Хохлова и Маркова.

-Но позвольте! – опомнился Хохлов от действия магического имени. – Это не казаки, господин пристав, это выпускники Морского кадетского корпуса, с которыми мы имели... имели случай учиться в одно время!..

Присмиривший на всякий случай полицейский пристав тоже приободрился:

-Да как же вы изволите пребывать в столице без документов... и как позволительно господам офицерам ссылаться на забывчивость, коя присуща детям неразумным?..

-Господин пристав, здесь недалеко наш командир, - решает Вовка всё же привлечь полковника Чернышёва. – Прошу вас пройти к нему для выяснения недоразумения.

Но настырные Хохлов с Марковым не отстают.

Вот и кабачок, в нём продолжают дружеское застолье два старших офицера, притом один полковник, пусть и более скромно выглядевший.

В отличие от подчинённых, у полковника все бумаги при себе.

Заметно подвыпивший майор-кавалергард уверенно качает права.

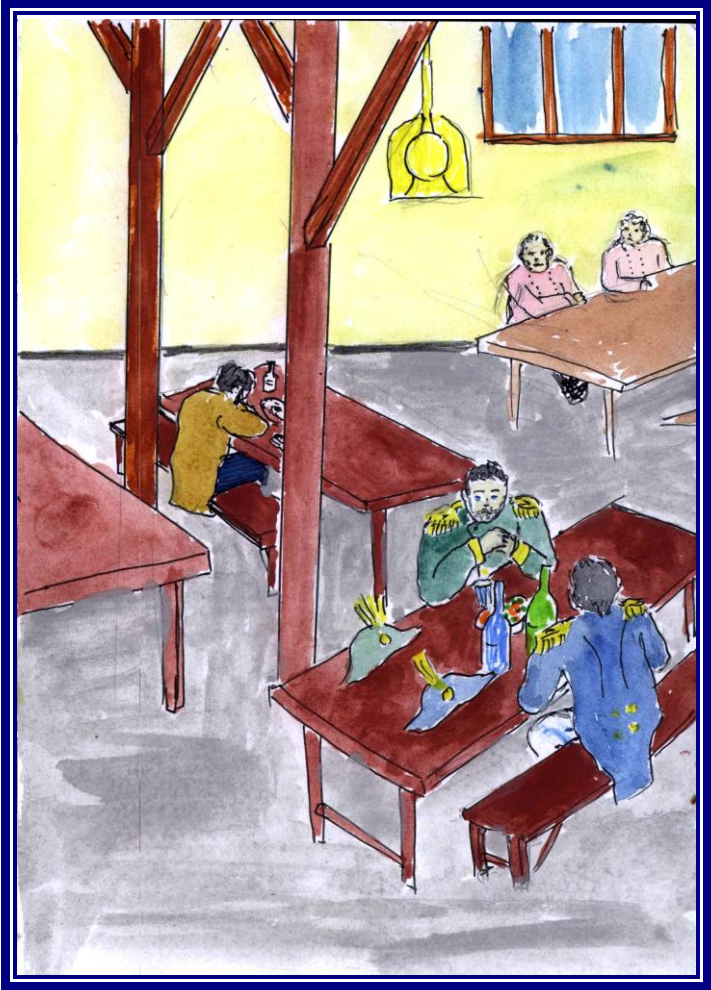
-Да как вы смеете?!..

Закрученные, было, Павлом I гайки всяких свобод, резко ослабил его сын Александр I. Именно поэтому лихой кавалергард безбоязненно кричал на полицейского пристава, который был никак не ниже его по чину.

Более спокойный и уравновешенный полковник Чернышёв предъявил свои документы, пояснил, что два молодых офицера действительно с ним, и что они действительно находятся в гостях у адмирала Мордвинова, а завтра отбывают в свои края.

Полицейскому ничего не оставалось, как только почтительно откозырять и раскланяться с боевыми офицерами.

-Приношу извинения...

А упрямые Хохлов и Марков заняли стол в одном из дальних углов, что-то заказали и стали наблюдать.

Вовка с Сашкой подсели к ним. Пора было снять с себя всякие подозрения, а тем более, на пакостное дезертирство из экспедиции.

Почему они так ловко навесили лапшу барону Штейнгелю о своих братьях, и не воспользовались этим же со своими бывшими одноклассниками?

Скорее всего потому, что барон хоть и воспитывался в корпусе, но он мог их видеть только со стороны – он никогда не учился с ними в одних аудиториях, не только не был с ними в близких отношениях, но и просто знаком...

Да и где уверенность, что флотский барон поверил им?.. Скорее, исконная флотская выдержка не позволила ему беспричинно задавать дотошные вопросы.

Иное дело эти Хохлов и Марков!.. Врать вчерашним дуэльным соперникам в глаза не хватило выдержки даже Вовке и Сашке.

-Ну и что же у вас, господа казаки, за поручение от капитана Крузенштерна? – продолжил всё в том же тоне Григорий Хохлов.

-Разве я не сказал, что поручение сие является тайным? – в свою очередь повысил голос и Вовка. – У нас нет решительно никакого права рассказывать о нём даже бывшим одноклассникам...

Конечно, и Гришка, и Сергей понимали, что такое тайное поручение, но они никак не могли совладать с переполнявшим их любопытством.

-Да хоть в общих чертах...

-Тот факт, что мы остановились по рекомендации капитана Крузенштерна у Морского министра, разве не говорит вам о важности поручения?.. Давайте-ка лучше отметим нашу встречу, поговорим о делах – ведь нам есть что вспомнить, кроме как о причине нашего здесь появления...

-Вы знаете, что мы ушли в кругосветное плавание, - поддержал Сашка своего друга. - Так расскажите, как сложилось у вас после представления вас мичманами?..

Кончилось тем, что к молодёжи подсели и полковник с майором – застолье зашло в новый виток, в котором все люди становятся друзьями и даже братьями...

Снова на шлюпе «Надежда» Письмо у капитана

Назавтра Министр морских сил адмирал Николай Мордвинов вручил высочайший царский рескрипт казачьему полковнику Чернышёву на имя капитан-лейтенанта, начальника кругосветной экспедиции Ивана Фёдоровича Крузенштерна.

- Вот и убили сразу двух зайцев, - вертят ребята конверт из рук в руки. - Сам император назвал Крузенштерна начальником экспедиции.

- Уж теперь точно камергеру крыть будет нечем.

Далее задерживаться в Петербурге не стали. В Черкасске Алёха долго не хотел отпускать ребят. «Приземлились» они в его кабинете, откуда наметили и старт в далёкую Атлантику.

- Оставайтесь... будет вам и настоящая рыбалка и какая хошь охота...

Конечно, опять-таки, можно было бесконечно долго гостевать у добрейшего полковника, а потом вернуться на шлюпу «Надежда» в любое нужное время. Но как-то не по душе было предаваться праздному безделью, в то время как на шлюпе ждут хороших вестей.

Но, кроме мыслей о безделье, Вовка с тоской взглядывал на полковника Чернышёва. Ведь, скорее всего, это их последняя встреча.

В первый раз мальчишкой Алёха был с ним и его друзьями несколько месяцев. Сейчас и того меньше. Что думал полковник Чернышёв, тоже сознавая о невозможности следующей встречи?.. Вот ведь как бывает. Прикипает человек к человеку душой и мыслями, они становятся родными, но почему-то обстоятельства заставляют их расставаться. Вовка уверен, что Алёха был бы безмерно счастлив, если бы Вовка остался с ним навсегда.

Но у Вовки есть другой мир. У него есть другое время. У него в другом мире и другом времени отец, мать, братья и сестрёнка. У него в том мире друзья детства и мореходской юности. У него там другая жизнь... У него там Надя...

Надя... а что ему стоило попросить Эльтину и переместиться в мир Пушкина, в мир Лермонтова, которые для неё если не Боги, то полубоги точно...

Но у Нади в её общем с Вовкой мире тоже своя жизнь...

Вовка смотрит глаза в глаза Алёхе. Он чувствует и комок, и спазмы в горле. Испытанный казачий полковник тоже блестит глазами:

-Оставьте хоть на денёк....

Но Вовка знает, что и этот день пройдёт и снова наступит такая же тягостная минута.

-Давай на посошок...

Вовка смотрит на себя со стороны. Ведь они с Сашкой безусые салаги перед полковником Чернышёвым, а фактически Алёха, так и остался тем же Алёхой из подворья атамана Зарубина-Чики. Но, Слава Богу, только для Вовки и... впрочем, Сашка тут ни при чём.

Вот и посошок. Алёха наливает гранёные штофы, Вовка с Сашкой не препятствуют, хотя понимают, что через какие-то минуты обычного времени им предстоит встреча с Крузенштерном.

Прощальные объятия, а за ними полумрак каюты мичманов. Вовка глянул на часы:

-Всё правильно – мы отсутствовали всего 10 минут...

-Ну, что, с Богом в каюту капитана...

Иван Фёдорович и Макар Иванович, казалось, даже оставались в тех же позах и ровно на тех же местах, где они и были до ухода из капитанской каюты мичманов.

-Да разве вы...

Неизвестно, что хотел сказать капитан при виде мичманов, но бумага в руках Вовки говорила сама за себя. Царский рескрипт!.. Вовка обратил внимание, как чуть дрогнули пальцы всегда волевого и всегда сдержанного капитана, когда он осторожно вскрывал сургучные печати.

Иван Фёдорович долго и внимательно читал письмо. Казалось, он перечитывает каждое слово по нескольку раз. Наконец, он передвигает лист Макару Ивановичу, который тоже, не спеша, читает высочайшее повеление.

-Макар Иванович, я попрошу вас ознакомить Николая Петровича с рескриптом Его Величества.

-Мы можем сделать копию письма, - предложил свои услуги Вовка. – Это займёт не более полминуты...

Уже не остерегаясь новых вопросов, Вовка достал «печатный станок» Эльтины и сделал две копии.

Оригинал, неотличимый от копий, капитан предусмотрительно оставил себе:

-Пусть камергер распишется на одной из копий, которая также будет храниться у меня.

Вот и сделано последнее распоряжение теперь уже настоящего начальника экспедиции без всяких оговорок в сторону камергера Резанова.

-А что до вас, господа мичманы, по окончании экспедиции, буду просить о досрочном производстве вас лейтенантами...

-Служим России...

Знакомство с островом

Оба корабля стояли в одной из уютных бухт острова Нукагива. Первооткрыватели острова назвали её бухтой Анны-Марии.

Едва рассветало, как между берегом и бортами открывалось оживлённое сообщение. Аборигены плыли в воде со связками бананов, кокосовыми орехами. Всех удивляло, что аборигены ведут себя в воде, как на суше. Можно было подумать, что под ногами пловцов было твёрдое дно. Но этого, конечно, не было.

За островные фрукты с борта судов спускали в воду куски железных обручей от пустых бочек. Островитяне были рады и этому. Они использовали металл для изготовления ножей, поскольку на острове кроме каменного века ничего не было.

Труднее было с более серьёзным продовольствием. Аборигены не спешили менять свиней даже на хорошие, новые топоры.

Кроме всего, надо было запастись пресной водой. Иван Фёдорович дал команду лейтенанту Фёдору Ромбергу.

-Возьмите-ка баркас, да матросов, ступайте в устье...

Вовка с Сашкой опять напросились.

-Лишними не будем...

А вот и устье довольно крупной реки, если вспомнить, что река эта островная. Вовка уже давно заметил, что по берегу в направлении движения баркаса споро передвигается огромная толпа островитян – несколько сот человек.

-Что это они? – забеспокоился и лейтенант Ромберг. – Уж не задумали ли чего плохого?.. Вот будет незадача...

Решили всё же следовать своим курсом и зашли в устье. Зачерпнули одно ведро, второе – можно пить. Стали наполнять бочки.

Вдруг с берега, до которого оставалось пара десятков метров, хлынула толпа. Они быстро покрыли расстояние по воде. Моряки опешили, когда аборигены стали хватать бочки целиком, окунать их в воду и тут же поднимать на борт баркаса. Не прошло и получаса – все бочки были полными. Баркас принял обратный курс.

-Что это вы, лейтенант, так быстро?.. Или воду не нашли? – удивился капитан.

Действительно, по первым прикидкам для того, чтобы дойти туда-сюда, да ещё и наполнить бочки надо было не меньше двух часов, а тут меньше чем за час обернулись.

Вовка с Сашкой, благодаря неожиданной помощи аборигенов, остались на суше, поскольку за водой нужно было сделать ещё пару рейсов. Ребята прикинули вернуться на последнем.

Сашка первым заметил или скорее услышал, что выше по течению водопад.

-Давай поднимемся!..

-А ты уверен, что тут нет крокодилов или удавов? – засомневался Вовка. – А уж ядовитых змей, как везде на югах?..

-Крокодилов уж точно нет. Им нужна большая пресная вода, да и ровные пространства, а тут горы и скалы...

В этот раз на берег ребята взяли только пистолеты. Но и они придавали большую уверенность в возможной борьбе за выживание на неизвестном острове.

Шум водопада всё ближе. Но водопад открылся неожиданно. Такой красоты ребята никогда ещё не видели, и сразу поняли, что больше никогда не увидят.

Река, конечно, далеко не Ниагара*, но её обрамление из яркой голубизны сверху, изумрудной зелени по сторонам... да и сам искрящийся всеми цветами радуги водопад

* Ниагарский водопад – крупнейший в мире.

был заключён в такое буйство красок, в такое кажущее неестественным соцветие, что «ни в сказке сказать, ни пером описать...»

-Если бы не корабли на рейде, то я бы точно подумал, что нахожусь в раю, - глубоко дышал Сашка мельчайшими брызгами водопада.

Прямым доказательством этому были и бесчисленные искрящиеся золотом и серебром, даже рубинами и алмазами беззаботные рыбки в уже успокоившейся после падения воде. Множественные птицы самых разных расцветок и причудливых форм тоже на разные голоса восхваляли истинно райское великолепие.

-Да разве в такой красоте могут быть ядовитые твари?! – голосили и ребята, легко перекрывая шум падающей воды, который только дополнял сказочную симфонию, гармонично вписывая свою мелодию в птичьи перепевки.

Но пора назад. Как уже давно повелось, Вовка с Сашкой в своих путешествиях старались никогда не возвращаться проторённым путём.

-Давай чуть в сторону примем – пойдём параллельным курсом к реке...

Но не более чем через четверть часа ходу они вдруг вышли на поляну, на которой кучно стояло несколько строений из тростника и, на первый взгляд, без окон – без дверей. Но, подойдя поближе ребята увидели, что двери всё-таки есть, но они настолько низкие, что взрослые могли зайти только согнувшись в три погибели.

Впрочем, друзей внутрь никто не приглашал по той простой причине, что вокруг хижин и вовсе никого не было. Но вот из хижины вышла одна женщина, из другой вторая. Забегали детишки...

-Взрослые мужчины все на берегу «торгуют», - догадались ребята.

Во избежание ненужных недоразумений, Вовка с Сашкой поспешили в свою сторону. Они успели как раз вовремя. На баркасе все бочки полны «с бугром». Лейтенант Ромберг раздал нескольким самым активным аборигенам куски железа, которые те приняли с благодарностью.

-Чего хорошего встретили? - любопытствовал Ромберг, встретив друзей.

-Это надо видеть самому, - вздохнул Вовка. – Словами не передать – как в раю побывали...

-Никого не встретили, не убили? - продолжает лейтенант, намекая на удачную охоту мичманов на острове святой Екатерины.

-Увы, никакой дичи сюда ещё не завезли...

На шканцах

На следующий день снова праздник. Ведь на стоянке нет ходовых вахт «четыре через восемь». Только у штормтрапа вахтенный матрос из наиболее опытных служаек. Суточную вахту несут офицеры – командиры ходовых вахт. Но это уже не так строго, разве что нельзя отлучаться с корабля.

Но Вовка обратил внимание, что к борту причалила шлюпка, в которой были капитан Лисянский и мичманы Берг, Веснин и Шахнин... Вовку с Сашкой нашёл на палубе и отозвал в сторону лейтенант Ромберг:

-Вчера опять вышел нелицеприятный разговор между Иваном Фёдоровичем и камергером. Наш капитан съездил на «Неву» и теперь ожидает продолжение разговора на шканцах. Капитан намерен выслушать притязания камергера в присутствии всех офицеров. Вам тоже надлежит быть...

-Неприменно будем...

О предыстории суда на шканцах и его последствиях познакомимся с изложением самого камергера Резанова:

«...Немного спустя, вбежал ко мне капитан, как бешеный, крича: «Как вы смели сказать, что я ребячусь, знаете ли, что есть шканцы? Увидите, что я с вами сделаю»... Потом капитан ездил на «Неву» и вскоре возвратился, крича: «вот я его проучу». Спустя несколько времени, приехал с «Невы» капитан-лейтенант Лисянский (командир «Невы») и мичман Берг (Берх), созвали экипаж, объявили, что я самозванец и многия делали мне оскорбления, которых, наконец, при изнуренных уже силах моих повергли меня без чувств. Вдруг положено было вытащить меня на шканцы к суду... послали лейтенанта Ромберга, который пришед ко мне, сказал: «Извольте идти на шканцы, офицеры обеих кораблей вас ожидают». Лежа, почти без сил, отвечал я, что не могу идти по приказанию его. «Ага! Сказал Ромберг, как браниться, так вы здоровы, а как к разделке, так больны».

Я сказал ему, чтобы он прекратил грубости, которые ему чести не делают и что он отвечать за них будет. Потом прибежал капитан. «Извольте идти и нести ваши ин-

струкции, кричал он, оба корабля в неизвестности о начальстве и я не знаю, что делать». Я отвечал, «что довольно уже и так вашего ругательства, я указов государевых нести вам не обязан, они более до вас, нежели до офицеров касаются, и я прошу оставить меня в покое», но слыша крик и шум: «Что трусить? Мы уже его!» решился я выдти с высочайшими повелениями. Увидя в шляпе Крузенитерна, приказал ему снять ее, хотя из почтения к императору и прочтя им высочайшее мне поручение начальства, услышал хохот и вопросы, кто подписал? Я отвечал: «Государь ваш Александр». —

...Наконец все, кроме лейтенанта Головачева, подходили ко мне со словами, что я бы с вами не пошел и заключили тем: «ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника, кроме Крузенитерна».

Записи Николая Петровича Резанова не следует подвергать сомнению. Так же, как и путевые записи Макара Ратманова, самого капитана, приказчика Фёдора Шемелина и других участников экспедиции. Возможно, в будущем их будут анализировать историки, географы, другие специалисты. Выводы делать им...

А пока Вовка и Сашка стоят на шканцах, где собрался весь офицерский состав. Рядом с ростовскими мичманами с «Невы» Павел Веснин и Василий Шахнин. Сегодня бывшим однокашникам не до телячьх восторгов по поводу очередной встречи. Они сознают важность момента и только тихо переговариваются в ожидании предстоящего разбора противостояния между первыми лицами экспедиции, приведшего к непростой, едва ли не взрывоопасной ситуации.

Камергер Резанов достаточно подробно изложил в своём дневнике ход офицерского собрания на шканцах - не следует повторяться.

И Вовка, и рядом стоящие мичмана, сильно удивились, что камергер решился выйти на шканцы для зачтения высочайшего рескрипта в туфлях на босу ногу и мятом камзоле. Возможно, сам Вовка не обратил бы на это внимания, учитывая всё ту же вселенскую жару, если бы не вполголоса сказанные рядом стоящим Ратмановым слова:

-Да мыслимо ли царский рескрипт читать в таком непристойном виде...

И всё же Резанов стоически оборонялся, более того, нападал в одиночку - ведь даже офицеры его свиты стояли

молча, переминаясь с ноги на ногу. Слушая выпады с обеих сторон, Вовка напряжённо думал:

«Прошли почти сутки, почему же капитан не ознакомил камергера с «нашим» письмом из Петербурга? Или они с Макаром Ивановичем выжидали удобный момент, который им и «подстроил» сам камергер».

Вовка с Сашкой с замиранием сердца ждали, что капитан вот-вот развернёт письмо, которое они доставили на корабль из самого Петербурга.

И этот момент настал.

-Читайте, - протянул лист со следами сургуча Иван Федорович.

Эффекта разорвавшейся бомбы не произошло. Но наступила такая тишина, что стало слышно пение птиц из лесистых берегов и бормотание воды у самого борта корабля.

-Откуда это у вас? – наконец, спросил в молоко побледневший камергер. - Здесь стоит вчерашнее число – это подлог!..

-А разве вы не узнаете высочайшую подпись?

-Но как письмо оказалось здесь? – явно теряется камергер, взглядываясь в подпись. – Это... это...

Вовка видит, как у камергера подогнулись ноги, он роняет высочайший рескрипт и падает сам на руки, ко времени успевшего Фёдора Шемелина.

-Считаю инцидент исчерпанным, - заканчивает так и не состоявшийся суд офицерской чести капитан Крузенштерн. – Ежели ещё у кого-то появятся сомнения в руководстве экспедиции, то прошу в мою каюту... а сейчас всем разойтись по своим местам.

Вовка обратил внимание, что Крузенштерн и Лисянский ещё на некоторое время уединились в каюте капитана.

-Прошу вас пополнить припасы питьевой воды и будем поднимать якоря, - уже провожая друга и соратника к трапу, сказал капитан Крузенштерн.

Пираты

О пиратах, промысляющих в водах в районе Сандвичевых островов Крузенштерн слышал ещё от своих случайных попутчиках, с которыми он провёл несколько дней в Капштадте, что в Южной Африке. Тогда он с двумя английскими офицерами ожидал попутного судна в Индию.

Он таки попал в Индию на английском фрегате «Птица» среди команды которого тоже бытовали рассказы о встречах с пиратами.

Крузенштерна не очень-то занимали пираты. Всё же «Надежда» несла в себе вооружение из 16 пушек, и шлюп «Нева» всё время рядом.

Главный комендор сержант Раевский, несмотря на невысокое звание, был опытным артиллеристом. А другого Крузенштерн и не взял бы с собой. Алексей Раевский ежедневно осматривал свои пушки по восемь с каждого борта и, казалось, сучал без настоящего дела.

С разрешения капитана он нередко проводил учебные стрельбы и добился хороших результатов насколько это возможно при пушечном вооружении в парусном флоте. Хорошими помощниками в ратном деле стали мичманы Фаддей Беллинсгаузен, Панин и Назыров, а также и кадеты братья Коцебу.

И ведь принесла же нелёгкая!..

Два парусника, один силуэтом – напоминает трёхмачтовую шхуну, другой барк, долго шли параллельным курсом. При этом они держались солнечной стороны, то есть с их бортов можно было спокойно вести наблюдение за тем, что творится на палубах русских шлюпов, зато наши вперёдсмотрящие даже в подзорные трубы различали только силуэты попутчиков.

-А ведь это пираты! – выдвигает предположение комендор Раевский, который давно уже на палубе следит за силуэтами парусов. – Что-то они к нам прицепились...

-Да может, тоже к Сандвичевым островам направляются, - говорит подошедший старший офицер Ратманов. – Вот и вышел у них попутный с нами курс.

-Поглядим, - то и дело вскидывает Раевский свою подзорную трубу. Время от времени он взглядывает на свои блестящие отполированной бронзой пушки, которые крепко принятованы к портам, выставив к палубе свои задники. Раевский видит наготове и вёдра для охлаждения стволов в случае интенсивной стрельбы, чистые, до блеска смазанные ядра уложены на консолях возле каждого орудия.

На палубе рядом со встревоженным Алексеем Раевским прохаживаются комендоры Никита Жегалин, Артемий Карпов. Здесь же мичманы Панин и Назыров, кадеты Коцебу. Фаддей Беллинсгаузен, недавно произведенный из мичманов

в лейтенанты, расставляет расчёты по правому борту. Если начнётся заваруха, то это основная боевая расстановка расчётов артиллерии «Надежды»

И всё-таки первым заметил, что параллельные суда пошли на сближение, матрос Ефимка Степанов с самой верхотуры грот-мачты или вороньего гнезда.

-Идут!.. Идут к нам! – кричит он, перегнувшись через воронье гнездо. – Вижу, по палубам бегают, что-то готовят...

-Ну, Господи благослови, - широко крестится главный комендор Раевский. – Авось и наш черёд настал во славу матушки России...

-Да не торопитесь вы!.. – пытается охладить пыл своего комендора Иван Федорович, стоя на шканцах. – Ещё пристрелишь какого-нибудь несчастного купчишку. Рядом отец Гедеон, который, видимо, счёл обстановку, неразрешимой без его участия. Он мелко крестится и шепчет слова молитвы, но иконы святителя Николая на сей раз при нём нет. Всё же, по разумению корабельного священника, не тот случай.

Но сомнения быстро переходят в уверенность в том, что у приближающихся шхуны и барка совершенно определённые намерения. Мало того, на мачтах никаких флагов. Названия судов на бортах тоже не просматриваются.

-24-пушечный барк! – определяет вперёдсмотрящий, - и 12-пушечная шхуна!

Силы, исходя из артиллерийского вооружения, примерно равные. Но открытой готовности к вооружённому столкновению пока противники не проявляют.

-Кто такие?! - на английском языке спрашивают с барка, когда суда сблизились на расстояние рупора.

-Русская экспедиция, следуем курсом на Сандвичевы острова, и далее дальневосточные земли государства Российского, - отвечает старший офицер Макара Ратманов.

Для здешних мореходов и впрямь русский флаг пока в диковинку.

-Что везёте?.. Какой груз в трюмах?..

А груза в трюмах обоих российских шлюпов было мало. Ушлые пираты видели это по осадке обоих судов. Кроме провизии, которая состояла из тысяч бочек солонины и сухарей, в трюмах много недавно закупленных продуктов у аборигенов острова Нукагива.

И главное, на Камчатку и на Аляску Российско-Американская компания отправляла с Крузенштерном шесть

тысяч пудов железа, что по тем временам составляло значительное богатство.

Но самое ценное, на что могли прельститься пираты – это спирт, ружья, порох и множество другой военной амуниции.

И уж самое ценное – подарки российского императора для японского императора, которыми надеялись ублажить кабуки*. Подарки представляли собой огромные драгоценные зеркала в золотых рамах.

Кто мог интересоваться грузами в чужих трюмах, да ещё так нагло и вызывающе?.. Ясно, что пираты...

-Какая вам надобность до наших грузов?..- сохраняет самообладание старший офицер Ратманов. - Следуйте своим курсом...

-Надеюсь, вы понимаете, с кем имеете дело, - продолжал кричать в рупор англичанин. – Вы рискуете получить хорошую трёпку...

Пока старпом ведёт «джентльменский» разговор, капитан Крузенштерн отдаёт распоряжение «артиллерия на изготовку».

Главный комендор Раевский, комендоры и прислуга уже давно готовы.

С барка первый выстрел.

Штурман Василий Сполохов приказывает рулевому сменить галс, а пока тот налегает на рукоятки штурвала, чтобы увеличить скорость поворота, негромко командует:

-Кливер-шкоты раздернуть, гик перенести на правый борт.

Следующее ядро с барка, который, тоже сменив галс, начинает разворачиваться в сторону «Надежды», снова падает в море – на этот раз опять недолет.

Самый разгар поворота оверштаг - крепчающий ветер наваливается на носовую часть шлюпа, над бушпритом хлопают кливера, а матросы приготовились выбрать шкоты.

-А ну покажи им кузькину мать! – кричит Ратманов главному комендору. – За Россию-матушку!

Раевский делает отмашку, словно отдаёт честь и убеждается, что все орудия левого борта готовы к стрельбе. Возле двух из них комендоры Жегалин и Карпов, фитиль третьего орудия у самого Раевского.

* Японское название императора

Раевский наклоняется, прищулив глаз к прицеле, раздувает фитиль, наводит орудие. Он предельно сосредоточен, комендоры знают своё дело, они почти синхронны со своим командиром.

Залп!..

И все с русского шлюпа видят, что, по крайней мере, два ядра из трёх достигают цели. Бизань-мачта, та, что крайняя в корму, треснула и повисла, уперевшись в грот-марсель.

Но не исключено, что третье ядро попало ниже ватерлинии, возможно, оно пробило бортовую обшивку, а это уже почти поражение.

-Молодцы! – вырывается нечаянно у мичмана Панина.

Едкий запах сгоревшего пороха, шибает в нос и в рот, запершило в горле. Глаза тоже часто заморгали среди сизого порохового тумана. Но разве это беда в пылу орудийной перестрелки, разве не главное сейчас чёткость и быстрота действий, принятие и исполнение команд.

Они с Сашкой, им помогают кадеты Коцебу, раскрепляют найтовы, выкатывают пушку из порта, хватают банники. Раз-два! Заряд пороха через дуло летит сам собой, за ним почти четырехкилограммовое ядро!..

Пушка снова занимает своё место, она быстро и надёжно принайтована* в порте. Очередь за комендорами!

Со шлюпа видят, что на пиратском судне не ожидали такого отпора от судна, по виду больше напоминающего обычного «купца», чем военный фрегат. Оттуда тоже гремит нестройный залп, но ядра горохом надают в воду – снова недолёт.

Крузенштерн хорошо знает, что на «англичанах» этого типа артиллерийское вооружение более чем полувековой давности.

-Куда им с нашим!..

Капитан пиратского барка, заняв позицию «от солнца», счёл это своим главным преимуществом, совершенно не приняв во внимание другое решающее обстоятельство - направление ветра. Да, он явно не учился в Русском Морском кадетском корпусе, да и вовсе ни в каком...

Капитан Лисянский со своими офицерами на «Неве» повторяет манёвры флагмана и тоже ведёт прицельную стрельбу.

* Закреплена

Пиратам маневрировать труднее, но и они пытаются развернуться через фордевинд. А вот и вовсе ошибка – барк в попытке развернуться, становится кормой к «Надежде».

При этом на барке «исхитрились» выполнить манёвр таким образом, что кроме подставки кормы, их ещё ближе придвинуло ветром к русскому кораблю.

Залп!

Все пять ядер попали в цель или нет – уже не имеет значения. Остатки бизань-мачты слетели за борт, она повисла на вантах и шкотах и вовсе затруднила какие-либо манёвры. На барке лихорадочно рубят ошмётки топорами, которые были приготовлены для коронного пиратского абордажа, и бизань падает в воду, отпуская из своих объятий борт корабля.

Комендоры «Невы» нисколько не хуже флагманских. Если барк потерял бизань-мачту со всем парусным вооружением и даже часть парусов с грота, то «Нева» расправилась со шхунной, лишив её кливеров и фок-мачты. Оба пиратских судна потеряли возможность манёвра и только прихлопывали остатками парусов, словно прося пощады.

Но Крузенштерн знал и то, что на всех флотах мира существует негласное правило – пиратов в плен не брать! Поскольку сами пираты, как правило, ограбив судно, пускали его на дно вместе с экипажем и пассажирами – им не до свидетелей...

Началось избиение.

-Мичманы Панин, Назыров, лейтенант Беллинсгаузен – к орудиям!

Старпом Ратманов и комендор Раевский дают возможность молодым офицерам проверить свою артиллерийскую подготовку.

Вовка привычно находит через прицел свою цель. Вот она – та же самая корма, потерявшего управления барка. Просматриваются даже иллюминаторы кормовых кают.

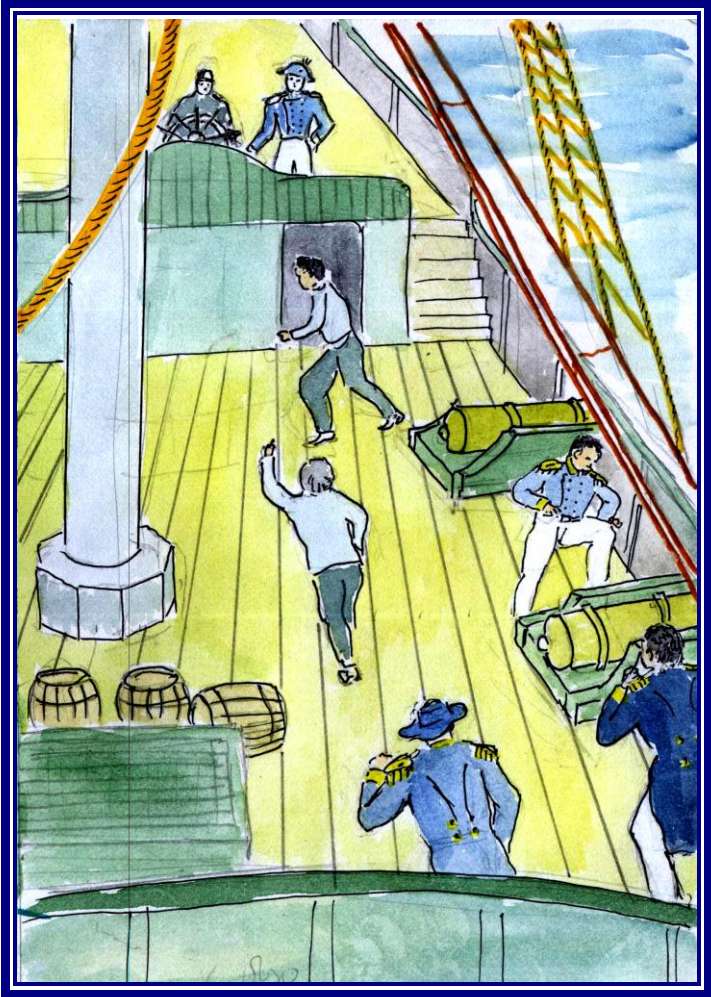
-Огонь!..

«Эх, если бы вместо ядер были бы наши снаряды хотя бы от сорокопятак* – вот когда было бы шуму...»

Потом он и вовсе вспомнил про крейсер «Михаил Кутузов», на котором проходила военную стажировку его курсантская рота в легендарном Севастополе.

«Куда делись бы все флота мира...»

* 45-мм артиллерийское орудие 20 века

Но между столь агрессивными мыслями Вовка внимательно смотрел в орудийный порт*. Дым из ствола не позволил сразу определить результат выстрела, а когда он рассеялся, то корма неприятеля уже развернулась, и барк встал бортом, с которого тоже раздавались бесполезные выстрелы – ядра не достигали цели.

Несколькими залпами с палуб пиратских судов снесен весь рангоут. Крузенштерн останавливает канонаду.

-С них достаточно... ежели принесёт куда-нибудь на остров или материк ветер и волна – их счастье. А нет – так тогда и Сам Бог велел.

-Пусть расскажут, коли выплывут, как с русскими коммендорами воевать, - поглаживает горячую пушку главный артиллерист Раевский.

Следует сказать, что, по донесению Крузенштерна, сержант Алексей Раевский ещё до окончания кругосветного путешествия был произведен в офицеры.

В ходе стычки ни флагманская «Надежда», ни шлюп «Нева» не получили даже малейшего повреждения. Потеряно всего два часа рейсового времени...

Всё время артиллерийской перестрелки камергер Резанов и его свита находились по правому борту, орудия которого так и ни разу не выстрелили. Главной задачей штатских было – не мешать.

После блистательной победы камергер Резанов поднялся на капитанский мостик.

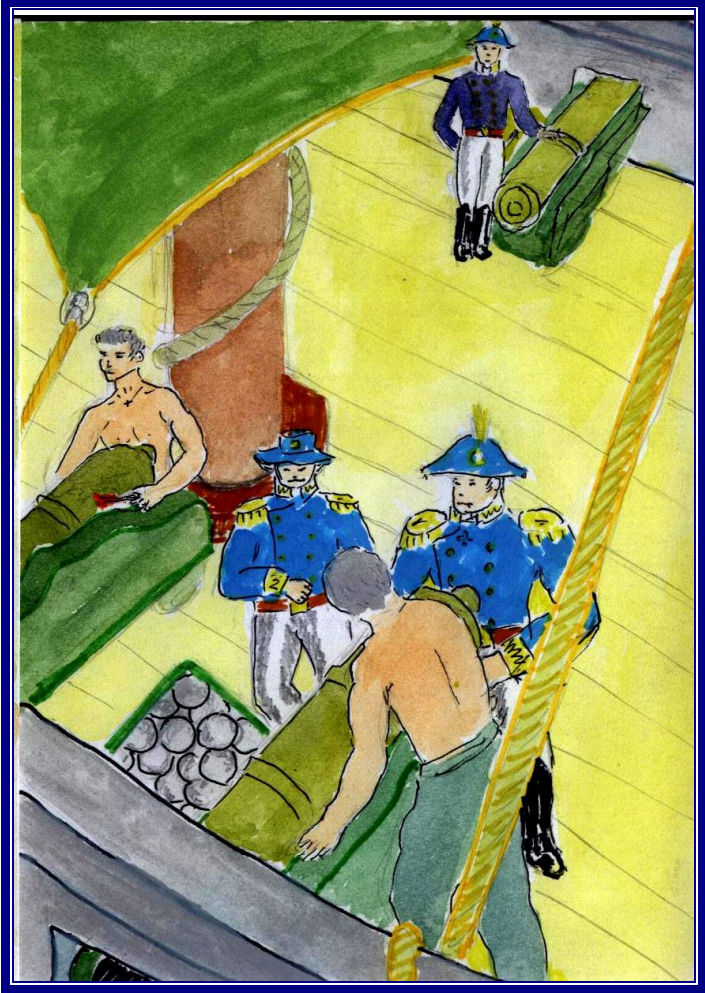
-Господин капитан, прошу вас принять от имени его императорского величества и себя лично высокую благодарность, и выразить признательность и глубокое восхищение храбростью и отменной выучкой вашей команды!..

-Служу России... - спокойно ответил капитан Крузенштерн.

Отвлечения по поводу...

-Давайте представим себе, что путешествия во времени станут столь же обыденны, как и в пространстве. Ведь, если учёные не исключают возможности перемещения во времени в принципе, то это вполне возможно, пусть даже в самом отдалённом будущем.

* Орудийный порт – отверстие в борту корабля для пушки

Итак, вы нажали кнопку (включили рубильник, повернули кольцо или ещё что-то) и очутились, скажем, в XVIII веке. Вы встречаетесь с людьми (входите в контакт), изучаете живую историю...

Потом вы испытываете совершенно естественное желание взять с собой на время Ивана Крузенштерна и показать ему «свою квартиру», познакомить с женой и коллегами. Да мало ли!..

И вот вы возвращаетесь вместе с гостем в свою нишу времени. Крузенштерн в восхищении от достижений цивилизации (авто, самолёты, лайнеры, машина времени...). И, конечно же, у него возникает вполне естественное желание гостя что-то позаимствовать из опыта и знаний (перенять)...

Как ему отказать?..

А если не отказать?.. Значит, машины нашего уровня цивилизации уже появятся в начале XIX века!.. Сразу за машинами пойдут танки, истребители, бомбардировщики...

Но мы можем «слетать туда» с миссией мира, рассказать и показать к чему приводит порой, «свернувший не в ту сторону» технический прогресс.

Ах, как жаль, что никто так и прилетел к нам из будущего времени. И до всего-то нам приходится доходить своим умом...

Согласитесь, что перемещение во времени в моей «интерпретации» выглядит, мягко говоря, несколько абсурдно.

А раз так, то где у нас оказывается теория относительности, хотя бы в той её части, которая «относительно» времени?..

Правильно...

Некоторые мои оппоненты могут заявить, что стали реальностью «железные кони» и «железные птицы», упоминание о которых есть ещё в Библии... тоже правильно. Во все времена были и есть гениальные прорицатели. Они могли заглянуть сквозь время, но, к сожалению, не шагать по нему.

И, в конце концов, любое перемещение должно иметь в своей основе движитель. Какая машина или какая субстанция способна оттолкнуться от исходного времени и перелететь в другое? Да ещё захватив с собой парочку-другую исследователей...

Ещё Архимед говорил: «Дайте мне точку опоры...».

Что в случае перемещения во времени может служить точкой опоры?..

Я ещё соглашусь с возможностью существования параллельных миров, в которых смещено время относительно того, в котором сегодня живём мы. Но сколько должно быть этих миров, чтобы удовлетворить желания каждого? И сколько должно быть «Врат времени»?.. Ведь сколько человек - столько и желаний. Если нас на Земле шесть с половиной миллиардов, то должно существовать и шесть с половиной миллиардов миров. На каждого хотя бы по одному.

Один задумает попасть в 1800 год, скажем в 15 часов, другой на минуту позже или раньше... Не скажет же параллельный мир, что тут занято. Это ведь не унитаза в коммунальной квартире.

Но тут опять абсурд. Шесть с половиной миллиардов живёт сейчас. Пусть столько же будет жить в каждом из параллельных миров. Но те шесть миллиардов в каждом из миров тоже хотят путешествовать во времени.

Ну, хватит!..

С другой стороны совершенно очевидно, что освоение космического пространства – это не значит, что весь народ поголовно будет свободно перемещаться по космическим весям. Скорее всего, и во времени так же будут путешествовать только избранные специалисты...

На Камчатку через Сандвичевы острова

После такого случайного и блистательного randevu* с пиратами, корабли экспедиции продолжили курс на Сандвичевы острова.

Крузенштерну известно, что Сандвичевы острова были открыты Джеймсом Куком более четверти века назад, после Кука эти острова посетили десятки экспедиций. То есть, заниматься на этих землях научными исследованиями смысла было мало. И что ещё печально, великого англичанина Джеймса Кука убили именно на этих райских островах. И мало того, аборигены его просто съели.

Но на кораблях кончались запасы мяса, и Крузенштерн опасался, что среди экипажа может возникнуть цинга. Он всё же решил зайти на попутные острова.

Однако, пополнить запасы продовольствия здесь, как и на Нукагиве, в достаточном количестве не удалось. После

* Рандеву – встреча кораблей

обстоятельных консультаций с врачом Карлом Эспенбергом, было принято решение ещё раз внимательно осмотреть команду.

Тщательное обследование показало, что команда вполне выдержит оставшееся до Камчатки месячное путешествие.

Флагман Крузенштерн с Юрием Лисянским уединились в капитанской каюте на «Неве», где устроили последнее перед предстоящей долгой разлукой совещание.

-Юрий Фёдорович, нам и в самом деле будет более резонно теперь разделиться, - взял слово флагман экспедиции. – Предлагаю тебе взять курс на остров Кадьяк* и быть там некоторое время в распоряжении Русско-Американской компании. Я же с «Надеждой» проследую на Камчатку, где разгрузюсь и далее пойду в Японию для исполнения дипломатической миссии...

Капитаны долго намечали будущие маршруты, рассчитывали время. Наконец, принято решение, что к сентябрю следующего года оба корабля должны управиться с оставшимися задачами.

-Встретимся через год в китайском порту Макао... а уж оттуда, с Божьей помощью, домой - в матушку Россию...

Крузенштерн взял курс на Камчатку, а Лисянский оставался ещё некоторое время на Гавайях. Он всё же смог составить этнографические записки, которые значительно дополнили имевшиеся сведения о народах этих островов.

Ростовские мичманы с «Надежды» простились с друзьями на «Неве». Учёба в Морском корпусе, совместное плавание, пусть и на разных кораблях, не просто сближает, всё это роднит на многие годы вперёд...

-Земля круглая! – кричали ростовчане, отходя на шлюпке от борта «Невы»

-Увидимся!.. – дружно отвечали Павел и Василий...

Но у Вовки с Сашкой свой маршрут. Тем более давно стало ясно, что экспедиция состоялась, и оба корабля вернуться в Петербург. Пусть даже с некоторой разницей по времени.

-А мы останемся в Петропавловске... в Управлении Океанического рыболовства...

* Кадьяк – остров у южного побережья Аляски, на котором было одно из крупных русских поселений в Америке.

Думы

Любое дело рано или поздно находит свой конец или, лучше сказать - завершение. На Гавайских (Сандвичевых) островах закончилось совместное плавание мичманов – выпускников Морского корпуса. Пришла пора расстаться со своими однокашниками, с которыми не один год делили стол и кров, подставляли друг другу плечо и руку помощи, всегда и везде готовы были отстаивать не только свою честь, но и честь своих друзей.

Не хотелось верить, что им больше никогда не придётся увидеться, не придётся перекинуться парой фраз, даже о судьбе мичманам с «Невы» ничего не будет известно о мичманах с «Надежды» и наоборот.

«Нет, - всё же продолжал думать Вовка, - разве мог я надеяться или мечтать, что когда-нибудь встречу с Алёхой, о существовании которого я когда-то и вовсе не имел понятия. А вот ведь пришлось, да ещё в такое время и при таких обстоятельствах...»

-Вот и разошлись наши пути-дороги, - протяжно вздыхает и Сашка. – И ничего-то мы больше о них не узнаем....

-Ты прямо как Эльтина чужие мысли насквозь читаешь, - грустно скосился на него Вовка. – А насчёт узнать – скоро вернёмся в своё время, дуй в библиотеку, наверняка, что-то найдёшь о наших мичманах из первого русского кругосветного путешествия...

-Может, про них и найду... - Сашка уставился куда-то мимо Вовки немигающими глазами. – А вот про нас...

-Да никак в историю захотелось попасть?!..

-А что... мы ведь тоже не последнюю роль сыграли в этой экспедиции...

-Ты постарайся попасть в историю своего времени, а то разогнался...

-А в самом деле, неужели никаких следов о нас не останется в этом времени? – явно потянуло Сашку на философию.- Ведь столько мы кругом натоптали...

Вовка вспомнил про свои вопросы при странного пробуждении возле глазовских пещер, после первого путешествия с Эльтиной. Вспомнил отрезанное пугачёвским кузнецом своё ружьё, странное гусиное перо в чернилах у Альки, блокнот с Шуркиными записями, а самое главное - как Танька превратила грозного соседского пса в крохотную болонку.

«Но Эльтина уже сказала, что это просто брак в их работе, - опять удручённо думал Вовка. – Интересно, какой брак допустит она в этот раз и что за сувениры у нас останутся после всего этого?..»

Но и Сашке он попытался вразумить, как дитю неразумному:

-Тебе ведь говорили, что Эльтина ходит и убирает за нами все наши следы...

-Прямо как уборщица, - ляпнул Сашка, тут же осёкшись.

-Ты болтай, да не заговаривайся, - пристыдил его Вовка. – Нашёл уборщицу.

-Да это я так – образно, - протянул Сашка, всё же озираясь по сторонам.

Друзья ещё до Сандвичевых островов облегчённо вздохнули, сбросив со своих плеч груз ответственности. Да, миссия, возложенная на них Эльтигой, полностью и без каких бы то ни было потерь выполнена. Они ещё были крепко уверены, что Эльтина не может просто так, откуда-то издалека «сделать ручкой». Ребята надеялись на встречу и страстно желали, чтобы эта предстоящая встреча была не последней.

Но вот и вожденная Камчатка. Вовка узнавал прибрежный пейзаж начала XIX века, который был ему знаком из большого географического атласа в мореходской библиотеке, добросовестно изученного им сразу после получения направления на Камчатку.

Впереди прямо по курсу показались величественные и знаменитые Три брата*, которые сторожат вход в Авачинскую бухту.

«Эти братья и сейчас, и ещё много столетий, будут стоять неизменными изваяниями, - отрешённо думал Вовка, стоя у штурвала готовящегося бросить якорь шлюпа «Надежда». – А вот вместо тех убогих нескольких десятков построек, именно на этом месте, раскинется город Петропавловск-Камчатский...»

Впереди непонятно каким образом возникшая, глубоко врезавшаяся в акваторию будущего рыбного и морского порта, песчаная коса. На ней тоже непонятные разнокалиберные постройки. Вовка уже знал, что косу эту впоследствии сроят,

* Три островерхне скалы, выступающие из воды при входе в Авачинскую бухту.

так как она мешала проходу в порт судов с глубокой осадкой, да и акватория порта значительно уменьшалась, что мешало расстановке больших судов у постоянно разрастающихся причалов.

Но что же молчит Эльтина?.. Ребята стояли перед дилеммой. Им очень хотелось проскочить более чем через полтора столетия и оказаться в современном им городе-порте. Ведь прошли годы учёбы в Корпусе, пусть и ускоренные. А вот экспедиция сполна прошла день за днём, даже с учётом пребывания на острове Ки-Ларго и недолгой «командировки» в Петербург.

...«Надежда» встала на рейде Авачинской бухты. Давно и густот стемнело. Наконец-то Вовка добрался до вожделенной койки.

«Надо бы переспать это дело, а поутру на берег да походить по сопкам. Может, что знакомое, кроме вулканов, увидим. И обязательно попробовать выйти на связь с Эльтиной. Недавно в кают-компании капитан сказал, что в Петропавловске на Камчатке команда займётся ремонтом основательно потрепанной в бесчисленных штормах «Надежды». И только потом настанет очередь идти в Японию. А нам и вовсе туда не надо. Ведь теперь есть твёрдая гарантия, что экспедиция состоялась. Притом именно в том объёме, в котором планировали Крузенштерн и Лисянский. А камергер Резанов пусть тоже остаётся на Камчатке и занимается своими шкурными вопросами...»

Вовка незаметно заснул.

-Внимание!.. Граждане пассажиры, объявляется регистрация билетов и оформление багажа на рейс номер 158 по маршруту Красноярск-Хабаровск! – услышал сквозь густую дрему Вовка. – Пассажиров с билетами и багажом просим пройти к стойке номер 6...

Вовка проснулся.

«А как же Эльтина?..»

Сквозь ничего не соображающие глаза Вовка видел проходивших мимо людей с чемоданами и без, колонны посреди зала, ряды кресел, в которых всё также ни одного свободного места.

-Проснулся?.. Или ещё спишь?..

Вовка резко повернулся на голос мичмана Назырова. Тот сидел слева, но на нём было то самое пальто, которое осталось в потерпевшем аварии самолёте, возле ног тот самый Сашкин чемодан.

-А мой где?! – спохватился Вовка. Он уже успел заметить, что на нём тоже его флотский бушлат, на голове мичманка.

-Что? – почему-то не сразу врубился Сашка.

-Мой чемодан?

-Да тут он... куда денется... чего это ты вдруг заперезживал?..

Чемодан и в самом деле стоял сзади Вовкиных ног. Вовке сильно захотелось открыть его и убедиться, что все его записные книжки и фотоальбомом на месте, даже нагнулся...

«Опять... опять Эльтина оставила всё, что произошло, только в моей памяти...»

-И сколько же я проспал?

-Да немного – минут двадцать.

-А ты не спал что ли?

-Кому-то же надо охранять корабельное имущество...

Вовка встрепенулся:

-Какое такое корабельное?..

-Да это я просто шучу...

Вовка угрюмо замолчал. Стало невыносимо тоскливо от сознания того, что опять не с кем поделиться, некому задать вопрос, не с кем обсудить и просто вспомнить то недавнее прошлое, в реальности которого он нисколько не сомневался.

Ну и что с того, что он проснулся в аэропорту. В тот раз он тоже проснулся на полянке недалеко от знакомого родника. Но разве Эльтина не могла подстроить любой финал при своих способностях?

-Так ты говоришь, не спал?..

-Да спал я, спал и проснулся «за семь секунд» до тебя.

-Как это ты сподобился - обычно дольше всех по койкам валяешься?..

-Где ты видишь здесь койки?

-Да не томи ты!..

-Помню, всё помню...

-Да неужели! – заорал Вовка так, что соседи шарахнулись от него вдоль по лавке.

Вовка резко вскочил, и чуть было не начал тискать друга, но вдруг он сообразил, что они не в каюте шлюпа «Надежда», а в аэропорту города Красноярска...

-Эльтина только сказала, чтобы я не пытался никому и никогда ничего рассказывать...

-Странно... но почему Эльтина не оставила нас на Камчатке?

-Где взял, туда положи, - вспомнил Сашка курсантскую присказку.

-Если точно, то она «взяла нас» посреди сибирской тайги...

-Ты прямо жаждешь снова очутиться в непролазной лесной чаще, - потихоньку начал заводиться Сашка. – Тоже мне – сибиряк из Письмянки...

-Ладно... какой сегодня день, и вообще сколько времени?..

У Вовки не было никакого настроения затевать словесную перепалку.

-Вон часы, - кивнул Сашка на стену.

Вовка машинально глянул.

-Ты что-то сказал о корабельном имуществе. Твоя сумка с барахлом и... оружием?..

-Так что ничего нет – я уже искал и под ногами, и вокруг кресел...

-Ну и ладно, - успокоился Вовка, - а то ещё...

Эльтина

Вовка утром чуял, что им с Сашкой надо твёрдо договориться и надолго вперёд выработать общую линию поведения, как среди мореходских однокашников, встреча с которыми предстояла на днях, так и среди своих родственников и друзей, и просто знакомых.

-Да какая там линия?! – легкомысленно воспрямил Сашка. – Просто надо меньше болтать...

-Что значит «меньше»?.. – с жутким придыханием до скрипа в зубах спросил Вовка. - Меньше – больше, больше – меньше... Я и вовсе считаю, что болтать об этом никак нельзя - ни меньше, ни, тем более, больше...

И Вовка вкратце рассказал Сашке содержание своего разговора с Эльтоном, когда у них возникли странные трудности с кладом на берегу острова Ки-Ларго.

-Так что сочтут сумасшедшим или действительно сойдёшь с ума... пошли в буфет...

В буфете всего три высоких «стоячих» столика и возле одного из них знакомая фигурка. У Вовки ёкнуло внутри. Он снова увидел Надю. Но теперь-то он был твёрдо уверен, что это никто иная, как Эльтина.

-Разрешите, - всё же спросил Вовка, хотя из трёх столиков один был и вовсе свободен.

-Пожалуйста, - в тон Вовке ответила Эльтина, - составьте компанию...

Хотя Вовка и ждал этой встречи и даже был уверен, что она должна состояться, но теперь он не знал о чём говорить. У него не было вопросов, которые предстояло бы решать.

-Я так понимаю, что сегодняшняя наша встреча будет посвящена подведению итогов. Я прав?.. – всё же первым заговорил он.

Сашка заказал бутылку портвейна. К нему кофе. Вовка попросил, чтобы ему налили сразу четыре чашки кофе в бокал. Он презирал (или не понимал?) аристократов или просто снобов, которые часами тянули кофе из миниатюрных чашечек, держа их двумя пальцами.

-Володя, что у тебя с Надей? – спросила Эльтина, чуть пригубив вина из высокого бокала, и совсем в тему Вовкиному вопросу - Вы ведь опять встречались во время путешествия в Петербург?..

Вовка смешался. Не раз и не два он задумывался о странной заинтересованности Эльтины в его отношениях с Надей.

-Встречались, - после затяжной паузы ответил Вовка. – Вот только я никак не пойму твой интерес к этому и... ваше странное сходство. Хотя я понимаю, что ты можешь принимать любое обличье... но во время нашей самой первой встречи ты всё же была... была несколько другой....

Вовка чувствовал и видел, что его вопрос не то, чтобы неожидан для Эльтины, но его вопрос задел какие-то тайные струны в неведомой душе юной волшебницы.

-Володя, - наконец заговорила Эльтина. – Тот факт, что я позволила себе временно присвоить, ведь ты думаешь именно так, некоторые черты Надиной внешности – этому есть своё объяснение. И потом, я уверена, что тебе приятно видеть перед собой свою девушку – я тебе уже про это гово-

рила. Что же до твоих и моих отношений с Надей, то... то здесь много сложнее...

Эльтина снова замолчала. Вовка ждал, но так и не дождался.

-Эльтина, ты не можешь не понимать, что своими недомолвками заставляешь меня думать... ожидать самое...

Вовка так и не придумал, что сказать дальше.

-Да, понимаю...

Эльтина внимательно осмотрела интерьер буфета, долго глядела через стеклянную стену на привокзальную площадь с автобусами, такси и множеством людей...

-Так я отойду, - вдруг что-то сообразил всё время молчавший Сашка.

Эльтина ещё какое-то время помолчала.

-Почему?.. Ты давно посвящён в такие тайны, что теперь нет никакого смысла что-то от тебя скрывать.

Вовка ждал ответа на свой вопрос.

-Володя, тебе придётся расстаться с Надей...

-Что?!.. О чём это ты?.. Да я и так с ней расстался более, чем на десять тысяч вёрст...

-Ты прекрасно понял, что я говорю не о расстоянии...

Да, Вовка понял. Пристальный интерес Эльтины к Наде давно вызывал у Вовки самые противоречивые чувства и подозрения.

«Уж не прочит ли она Надю себе в коллеги?..» - как-то промелькнуло у него в голове.

Витька Венедиктов, попавший в их первое путешествие к одному из Вельтонов*, рассказывал ребятам (ещё до того, как Вовка проснулся у родника), что ему была уготована судьба стать помощником самого Поливельта. Только вмешательство Генри Паркера и Вовки Панина спасло тогда Витьку от участи стать одним из слуг Повелителя Тьмы.

«Вот и Эльтигена выбирает себе помощниц, а, возможно, и наследниц из обычных людей» - подумал тогда Вовка.

Теперь осталось услышать подтверждение этих подозрений от Эльтины.

-Да... и более того, у нас уже состоялся разговор с Надей, и она согласилась.... Не сразу, но согласилась...

-Не похоже ли это на... на измену?..

* Вельтоны - слуги Поливельта – повелителя тьмы

-Володя, твои приключения в Ростове и в Мурманске мне хорошо известны. В Зеленогорске тоже... у тебя нет к Наде той глубины чувств, которой она достойна...

Вовка ничего не мог сказать. Он и в самом деле почувствовал себя, как нашкодивший ловелас из средневекового романа.

-И ты всё рассказала Наде...

-Только не надо обо мне так думать!..

-Но неужели причиной того, что Надя уходит из своего мира – только мои глупые мальчишеские поступки?.. А разве Пушкин – её любимый поэт не гусарил в молодости и даже гораздо позже...

-Нет, конечно... причина не в этом. Тем более, она ничего про это не знает.

-Выходит, и Надя не может сказать о своей глубине чувств ко мне? – вышел откуда-то из Вовки надрыв...

-Нет, - спохватился Сашка. – Я, пожалуй, пойду перекурю это дело на улице. – Мне ваши тайны мадридского двора ни к чему...

С тем Сашка неторопливо направился к выходу.

Странное дело, но с уходом Сашки из обоих, будто пар из чайника вышел.

Вовка упёрся взглядом в столешницу, Эльтина тоже. Но в этот раз она не просто молчала, она явно не знала что говорить...

-Надя моя родная сестра, - вдруг услышал Вовка.

Вовка откинул голову от столешницы. Он только чуть разевал рот, но ни одного слова так и не нашёл.

-Да, она моя родная сестра... - чётко повторила Эльтина. – Родная...

-Выходит, ваше сходство – это не просто прихоть волшебницы...

-Да... а тот факт, что ты не нашёл во мне сходства с Надей во время первого путешествия – так ведь ты тогда не знал Надю...

-А дочка генерала Васильева...

-Там действительно совпадение, умноженное на твоё желание у всех девушек находить знакомые черты...

-Но как же вышло?..

-В Ростов ты поехал учиться только по своей воле, также и Надя. Устроить вам «случайную» встречу, как ты понимаешь, для меня не составило труда.

-Для чего надо было нас знакомить, чтобы теперь разлучать? – продолжал вяло сопротивляться Вовка, понимая, что «на той стороне» всё уже окончательно решено.

Эльтина молчала с неясным выражением лица. Вовка понял, что ответа на этот вопрос он не дожждётся.

-А как ты попала к Эльтигене? – спросил Вовка лишь бы не молчать.

-Я была при смерти в младенчестве. Судьбе было угодно, чтобы рядом оказалась одна из Эльтин....

-Кстати, извини, что перебил... почему у вас такая обезличка и всех вас зовут Эльтинами? – задал давно вызревший вопрос Вовка.

-Эльтина – это скорее должность или профессия. А между собой мы зовём друг друга своими именами.

-И как же?

-Например, меня зовут Светлана...

-Ты разрешишь мне называть тебя так впредь?..

-Сколько угодно...

Светлана рассказала Вовке, что выросла в окружении десятка таких же, как она девчонок. Их воспитывали строгие педагоги...

Странное дело, но пока Вовка вполуха слушал Эльтину по имени Светлана, в его голове исчезли сумбур и горячка, улеглась сумятица. Вовка сквозь мешанину нестройных мыслей уже понял, что придётся смириться с тем, что сказала и продолжает говорить Эльтина.

...Но он должен был задать ещё один серьёзный вопрос:

-А как же она оставит своих родителей, брата, других родных и друзей?

-Она будет навещать их не реже, чем обычная любящая дочь... а также и всех других...

-Тогда?..

-Нет... вот это исключено, - твёрдо сжала губы посланница Эльтигены.

Вовка вздохнул. Раз нет – значит, нет...

Эльтина опять помолчала, испытующе глядя на Вовку. Тот то ли сдерживался, чтобы не взорваться, то ли отпустил себя по воле безразличия. Скорее всего – второе...

И опять Эльтина:

-Считая этот разговор исчерпанным, я всё же спрошу: почему ты ничего не говоришь о кладе?

-А что тут говорить?.. Клад полностью в её распоряжении... по меньшей мере, половина, - всё же поправился Вовка.

-С твоего позволения, Надя мечтает построить хорошую библиотеку в своём родном городке, сама же подберёт в неё книжный фонд...

-Как это на неё похоже, - опять что-то ворохнулось в улёгшихся, было, мыслях... - И фонд этот наверняка будет не хуже многих центральных библиотек...

-Да... Надя так и сказала, что в ней будет не количество, а качество...

Подошёл Сашка:

-Вижу, что вы так и не разодрались...

Он разлил вино в бокалы.

-У нас так и не появился повод, - улыбнулась Эльтина.

- И, уверена, никогда не появится...

Она взяла бокал:

-И ещё... я уполномочена передать вам высокую благодарность Эльтигены за достойное выполнение возложенной на вас миссии, в связи с первой русской экспедицией Ивана Крузенштерна...

Вовка с Сашкой инстинктивно приняли стойку «смирно», чуть прищёлкнув каблуками.

-Служим Советскому Союзу! – полушёпотом выкрикнули оба.

-И Эльтигене, - добавил Сашка...

-Правильно, и Эльтигене, а вместе с ней и нашей Эльтине, – подтвердил Вовка.

На некоторый момент установилась торжественная тишина, по крайней мере, за столиком наших друзей.

Вовке неймётся:

-А если я со временем придумаю написать книгу о наших приключениях - как ты на это посмотришь?.. И твоё... твоё руководство?..

-В мире написаны тысячи и тысячи книг в жанре фантастики... так что пиши – ничего особенного...

-Эльтина, - почувствовав паузу, включился в разговор Сашка. – А вот авария с самолётом, приключения с остальными пассажирами – это было или нет?.. А следы нашего пребывания на шлюпе «Надежда»?.. Наконец, килограммы бумаги, которые мы исписали в Корпусе, а потом и наши двойники?..

-Нет, мы стараемся избавиться от следов, связанных с вашим и нашим участием...

-А то, что я после своего первого пробуждения нашёл столько фактов из того времени, - присоединился к вопросу Вовка. - Как это понимать?..

-Что ты имеешь в виду?

-Записную книжку Сашки Иванчина, пружину в сумке у Васьки Живаленко, гусиное перо в планшете Альки Арсланова?.. А Таньку Курочкину и Трезора с хрычом...

-Признаться, не помню... но, если что-то у вас и осталось, то это... это мой брак в работе.... Надеюсь, он не превышает допустимого процента.

Эльтина-Светлана медленно пила обычный портвейн «Три семёрки». Ребята пили залпом.

-Мне пора... провожать не надо.

-Неужели мы больше никогда не увидимся?

-Как знать... Володя, это тебе...

Тонкий конверт лёг Вовке в ладонь...

Эльтина не растаяла лёгким облачком «на фоне тумана». Она прошла как обычная девчонка в сторону больших дверей. А потом она появилась с другой стороны стеклянной стены аэропорта, коротко и просто помахала рукой. Ребята ответили...

...Вовка долго не мог решиться открыть конверт. Пронзительно знакомый почерк явственно сопровождался её голосом:

«Теперь я знаю, что тебе известно о моём решении. Если этим я принесла тебе боль, то прости. Но я должна была так поступить.... Поверь, и не подумай, что нас разлучила только Светлана. Безусловно, если бы ни её появление в моей жизни, всё было бы по-другому.

Но она моя родная сестра, о существовании которой я узнала ещё до нашего путешествия на Ки-Ларго. Да, не удивляйся, но тогда я просто не могла тебе этого сказать...

Вокруг Светланы в настоящее время сложились такие обстоятельства, что ей просто необходима моя помощь.... Но я тебя буду помнить всегда.... Прощай».

На обратной стороне листка схема, из которой Вовка понял местонахождение шкатулки из-под заветной берёзы...

«Всё же перепрятала. Не хочет, чтобы я без неё копался в садике двоюродного брата...»

Вот и вышло, что Надя навсегда осталась во времени. Теперь она может свободно встречаться с Пушкиным, Лермонтовым, Толстым, Шолоховым и Есениным...

Впереди у Вовки было много времени. Он не раз и не два осмысливал или пытался осмыслить: что же всё-таки у него произошло с Надей?

И он всё больше склонялся к мысли, что был кем-то наказан. А ведь и было за что.

Нет, наказан не Надей и даже не Эльтиной по имени Света, а кем-то или чем-то, что преследует или идёт рядом с человеком всю его жизнь.

Возможно, это называется судьбой...

Оригинал цитаты из письма Резанова

«...Чтоб судно оставлено было в Камчатке с позволением употребить оное Компанией для перевоза рухляди, а матросы, коих не более пятидесяти человек, причислены бы были к Петропавловскому порту. Довольны было бы оставить двух офицеров и двух штурманов для плавания в Америку, а чтобы согласить сие с выгодами и пользами короны, могла бы Компания взять экипаж на своё содержание...*

...Ежели сие предложение моё будет Компаниею принято за благо, и милость Государя даст оному силу, то покорнейше прошу Вас доставить мне в Камчатку с нарочным известием, дабы по приходе моём туда из Японии, мог я сделать предварительные распоряжения и идти в Америку, чтобы и там устроить и привести уже всё к одной точке»

* Рухлядь - мех пушных зверей

Вместо эпилога

-Так ты надумал, что делать со своим пакетом? – затронул Вовка важную тему. – А то ведь сгниёт всё на корню...

-Не сгниёт, - уверен Сашка. – Давай сначала осмотримся, прикинем... Чем меньше мы будем торопиться, тем всё больше будет возрастать ценность наших кладов...

-А разве плохо придумал Генка?..

-Ты предлагаешь и нам стать что-то типа фирмачей?..

-Да какой же Генка фирмач?

Сашка помолчал. Вовка его не торопил.

-Ты, может, и вовсе не хочешь объявиться в Океанрыбфлоте? – вдруг с большим подозрением глянул он на Вовку. – Так сказать, «в связи со вновь открывшимися обстоятельствами...»

-Ты помнишь на «Седове» среди негров были Опоку Генри и Роберт Аннан?

-Конечно, помню...

Здесь следует отвлечься, чтобы напомнить читателям, что во время учебной практики на судне «Георгий Седов» вместе с группой, в которой практиковались Вовка с Сашкой, на учебном траулере проходили штурманскую практику группа парней из революционной Ганы. Они учились в Херсонской мореходке.

Тогда Вовку Панина, Эрика Гисматулина и двоих ганцев занесло в одно из многочисленных кафе на ялтинской набережной. Вовка задал вопрос ганцам:

-Ребята, кончите вы мореходку, получите дипломы, а дальше?..

Тогда и заявил Опоку Генри, что он купит большой морозильный траулер и будет на нём капитаном, а Роберта – своего лучшего друга возьмёт к себе старшим помощником...

-Мне понятен ход твоих мыслей, но кто тебе разрешит в нашей стране купить БМРТ? – сразу врубился Сашка.

-Вот и я о том же...

**Петропавловск – Камчатский.
1975**

Иван Фёдорович Крузенштерн (1770-1846)

Выходец из небогатого дворянского рода, Иван Крузенштерн в 1785-88 учился в Морском кадетском корпусе, в год окончания которого участвовал в Гогландском сражении, а в 1789 и 1790 — еще в трех морских сражениях; произведен в лейтенанты. В 1793-99 добровольцем проходил службу на английских судах в Атлантическом и Индийском океанах, а также в Южно-Китайском море; произведен в капитан-лейтенанты. В 1799 и 1802 Крузенштерн представил проекты кругосветных плаваний для прямого торгового сообщения между российскими портами на Балтике и на Аляске. В 1802 назначен начальником первой русской кругосветной экспедиции.

В начале августа 1803 при большом стечении народа экспедиция Ивана Крузенштерна вышла из Кронштадта на двух парусных шлюпах — «Надежда» (на борту которого находилась миссия в Японию во главе Николаем Резановым) и «Нева» (которым командовал однокашник и помощник Крузенштерна капитан Юрий Лисянский). Главная цель плавания заключалась в исследовании устья Амура и соседних территорий для выявления удобных мест и маршрутов снабжения товарами русского Тихоокеанского флота. После продолжительной стоянки у острова Санта-Катарина (побережье Бразилии), когда на «Неве» пришлось заменить две мачты, суда впервые в истории русского флота пересекли экватор и направились на юг. 3 марта обогнули мыс Горн и через три недели в Тихом океане разлучились.

От острова Нукугива (Маркизские острова) шлюпы вместе проследовали к Гавайским островам, где вновь разошлись: «Нева» отправилась к берегам Аляски, а «Надежда» прибыла в Петропавловск-Камчатский в июле 1804. Затем Крузенштерн доставил Резанова в Нагасаки и обратно, по дороге описав северные и восточные берега залива Терпения. Летом 1805 Иван Крузенштерн впервые заснял около 1000 км берегов Сахалина, пытался пройти на юге между островом и материком, но не смог и ошибочно решил, что Сахалин — не остров и соединен с материком перешейком. Из Петропавловска осенью того же года Крузенштерн перешел в Кантон, а в конце лета 1806 — в Кронштадт.

Участники первой российской кругосветной экспедиции внесли значительный вклад в географическую науку, стерев с карты ряд несуществующих островов и уточнив положение существующих. Они открыли Межпассатные противотечения в Атлантическом и Тихом океанах, провели измерения температуры воды на глубинах до 400 м и определения ее удельного веса, прозрачности и цвета; выяснили причину свечения моря, собрали многочисленные данные о давлении атмосферы, приливах и отливах в ряде районов Мирового океана.

По возвращении Иван Крузенштерн был прикомандирован к Петербургскому порту для создания труда о кругосветном плавании. В 1811 он назначен преподавателем Морского кадетского корпуса. В начале Отечественной войны 1812 Крузенштерн пожертвовал на народное ополчение треть своего состояния (1000 рублей); около года как член дипло-

матической миссии путешествовал по Англии, свои впечатления изложил в записках, оставшихся в рукописи.

В течение 1809-12 Иван Крузенштерн опубликовал трехтомное «Путешествие вокруг света...», переведенное в семи странах Европы, и «Атлас к путешествию...», а в 1813 — избран членом академий и научных обществ Англии, Франции, Германии и Дании. Развивающаяся болезнь глаз и не сложившиеся отношения с морским министром вынудили Крузенштерна просить освобождения от работы; в декабре 1815 он был отправлен в бессрочный отпуск.

До 1836 Крузенштерн составил и издал «Атлас Южного моря» с обширными гидрографическими примечаниями. В 1827-42, постепенно повышаясь в званиях до полного адмирала, был директором Морского кадетского корпуса, инициатором создания при этом заведении высшего офицерского класса, впоследствии преобразованного в Военно-Морскую академию. Многие выдающиеся мореплаватели и путешественники обращались к Крузенштерну за поддержкой и советом. Он был организатором экспедиций Отто Коцебу (1815-18), Михаила Вавильева-Глеба Шишмарева (1819-22), Фаддея Беллинсгаузена — Михаила Лазарева (1819-21), Михаила Станюковича — Федора Литке (1826-29).

Иван Крузенштерн известен как один из учредителей Русского географического общества. В Петербурге в 1873 Крузенштерну поставлен памятник (скульптор И. Н. Шредер, архитектор И. А. Монигетти). (В. И. Магидович)

Лисянский Юрий Фёдорович (1773-1837)

В 1786 в возрасте 13 лет, досрочно окончив корпус вторым по списку, поступил гардемаринем на 32-пушечный фрегат «Подражислав» Балтийско-го флота. На нем же он получил боевое крещение во время войны 1788–1790, в которой 15-летний гардемарин участвовал в нескольких сражениях.

В 1789 был произведен в мичманы. В 1793 – в лейтенанты и направлен в числе 16 лучших офицеров в Англию. Там четыре года совершенствовался в мореходной практике, участвовал в боях англичан против республиканской Франции (отличился при пленении французского фрегата «Элизабет», но был контужен), сражался с пиратами в водах Северной Америки. Путешествовал по США (лично видел первого президента США Джорджа Вашингтона), затем был в Вест-

Индии, сопровождал английские караваны у берегов Южной Африки и Индии.

К лету 1803 года шлюпы «Нева» и «Надежда» были готовы к отправке. Руководство всей экспедицией и командование шлюпом «Надежда» было поручено капитан-лейтенанту Крузен-штерну. Его однокашник по Морскому корпусу Лисянский командовал шлюпом «Нева».

26 июля экспедиция вышла из Кронштадта в путь, «не испытанный до того россиянами». 14 ноября 1803 суда в первые в истории российского флота пересекли экватор. После этого, потеряв в тумане шлюп «Надежда», «Нева» 1 июля 1804 года пришла к острову Кадьяк и более года находилась у берегов Северной Америки. Моряки помогли жителям Русской Америки отстоять свои поселения от нападения индейских племен тлинкитов, участвовали в строительстве крепости Ново-Архангельск (Ситка), вели научные наблюдения и гидрографические работы. В августе 1805 Лисянский вышел на «Неве» с грузом пушнины в Китай, в ноябре пришел в порт Макао, где вновь соединился с Крузенштерном и «Надеждой». Но едва корабли вышли из порта, как снова потеряли друг друга в тумане. Следуя самостоятельно, Лисянский впервые в истории мирового мореплавания провел корабль без заходов в порты и стоянки от берегов Китая до английского Портсмута. 22 июля 1806 его «Нева» первой вернулась в Кронштадт.

Лисянский и его экипаж стали первыми российскими кругосветными мореплавателями. Лишь через две недели сюда же благополучно пришла «Надежда». Но слава кругосветного мореплавателя досталась Крузенштерну, сумевшему первым опубликовать описание путешествия (на три года раньше, чем Лисянский, считавший задания по долгу службы более важными, чем публикация отчета для Географического общества). Да и сам Крузенштерн видел в своем друге и коллеге прежде всего «человека беспристрастного, послушного, усердного к общей пользе», чрезвычайно скромного. Правда, заслуги Лисянского были все же отмечены: он получил чин капитана 2 ранга, орден Святого Владимира 3-й степени, денежную премию и пожизненную пенсию. Для него самого главным подарком была благодарность офицеров и матросов шлюпа, перенесших вместе с ним тяготы плавания и подаривших ему на память золотую шпагу с надписью: «Благодарность команды корабля „Нева“».

Скрупулезность, с которой мореплаватель делал астрономические наблюдения, определял долготы и широты, устанавливал координаты гаваней и островов, где «Нева» имела стоянки, приближает его измерения двухвековой давности к современным данным. Путешественник перепроверил карты Гаспарского и Зондского проливов, уточнил очертания Кадыяка и других островов, прилегающих к северо-западному побережью Аляски. Попутно он открыл небольшой остров на 26° с. ш., к северо-западу от Гавайских островов, который, по желанию экипажа «Невы», был назван его именем.

Во время своих странствий Лисянский собирал личную коллекцию предметов, утвари, одежды, оружия. В ней были также раковины, куски лавы, кораллы, обломки горных пород с островов Тихого океана, Северной Америки, Бразилии. Все это стало достоянием Русского Географического общества.

В 1807–1808 Лисянский командовал кораблями «Зачатье Святой Анны», «Эмгейтен» и отрядом из 9 судов. Участвовал в боевых действиях против флотов Англии и Швеции. В 1809 году вышел в отставку в чине капитана I ранга. Занялся приведением в порядок своих путевых записей, которые он вёл в форме дневника и опубликовал их лишь в 1812, после чего лично перевел свой труд на английский и издал в Лондоне в 1814.

Умер путешественник 22 февраля 1837; похоронен в Александро-Невской лавре.

Трижды в жизни Лисянский был первым: первым совершил под российским флагом кругосветное путешествие, первым продолжил путь от Русской Америки до Кронштадта, первым открыл необитаемый остров в центральной акватории Тихого океана. Ныне его именем названы залив, полуостров, пролив, река и мыс на побережье Северной Америки в районе архипелага Александра, один из островов Гавайского архипелага, подводная гора в Охотском море и полуостров на Северном побережье Охотского моря.

Сочинения: Лисянский Ю.Ф. *Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 на корабле «Нева» под начальством Ю. Лисянского.* (1-е изд. – 1812, 2-е - М., 1947).

Резанов Николай Петрович (1764-1807)

Родился Николай Петрович Резанов — в обедневшей дворянской семье 28 марта 1764 года в Петербурге. Получил хорошее домашнее образование. Отличаясь природными лингвистическими способностями, к 14 годам знал пять европейских языков.

В 1778 году Николай поступает на военную службу в артиллерию, служит в лейб-гвардии Измайловском полку, отвечает за охрану Екатерины II во время ее поездки в Крым в 1780 году, но военную службу оставляет и поступает на службу в псковский гражданский суд. Затем Резанов становится начальником канцелярии у графа Н.Г. Чернышова.

В 1794 году Резанов по поручению фаворита императрицы Зубова отправляется в Иркутск вместе с духовной мис-

сией архимандрита (монашеское звание) Иосафа. В Иркутске, Резанов знакомится с «Колумбом Росским» — основателем первых русских поселений в Америке — Григорием Ивановичем Шелиховым. Стремясь упрочить свое положение, Шелихов сватает за Резанова свою старшую дочь, Анну.

24 января 1795 года тридцатилетний Николай Петрович Резанов женится на пятнадцатилетней дочери Шелихова Анне, получая, таким образом, право на участие в делах семейной компании. С этого момента судьба Резанова тесно связана с Русской Америкой.

Через полгода после бракосочетания дочери Григорий Иванович Шелихов неожиданно умирает в возрасте сорока семи лет, и его капитал делится между наследниками. Николай Петрович, став одним из них, прилагает все свои силы, используя влияние и связи в Петербурге, к созданию на Тихом океане мощной единой российской компании.

В 1802 году Николай Резанов через посредство министра коммерции графа Николая Петровича Румянцева подал царю записку, в которой указывал на неудобство доставления в новые русские владения провизии, строительных материалов и предлагал доставлять их морем, кругосветным путем прямо из Европы в Америку.

После кончины жены в 1802 году, Резанов думал взять отставку и заняться воспитанием детей, но встретил препятствие. Безутешному вдовцу император предлагает принять участие в готовящемся первом кругосветном плавании. В 1802 г. Высочайшим повелением Н. П. Резанов назначается посланником в Японию и одним из руководителей первой русской кругосветной экспедиции (1803-1806 гг.) на шлюпах «Надежда» и «Нева». За месяц до отправления в поход, 10 июля 1803 года, Резанов был награжден орденом Св. Анны I степени и ему был присвоен титул камергера двора Его Величества.

7 августа (26 июля ст.ст.) 1803 г. началась первая русская кругосветная экспедиция, состоявшая из двух кораблей: «Надежды» под командованием И.Ф. Крузенштерна (на него было возложено и общее морское руководство) и «Невы» под командованием Ю.Ф. Лисянского.

В конце сентября 1804 года шлюп «Надежда» отправился с Камчатки в Нагасаки. Но шестимесячная миссия Его Высочайшего Превосходительства в Японию не увенчалась успехом,

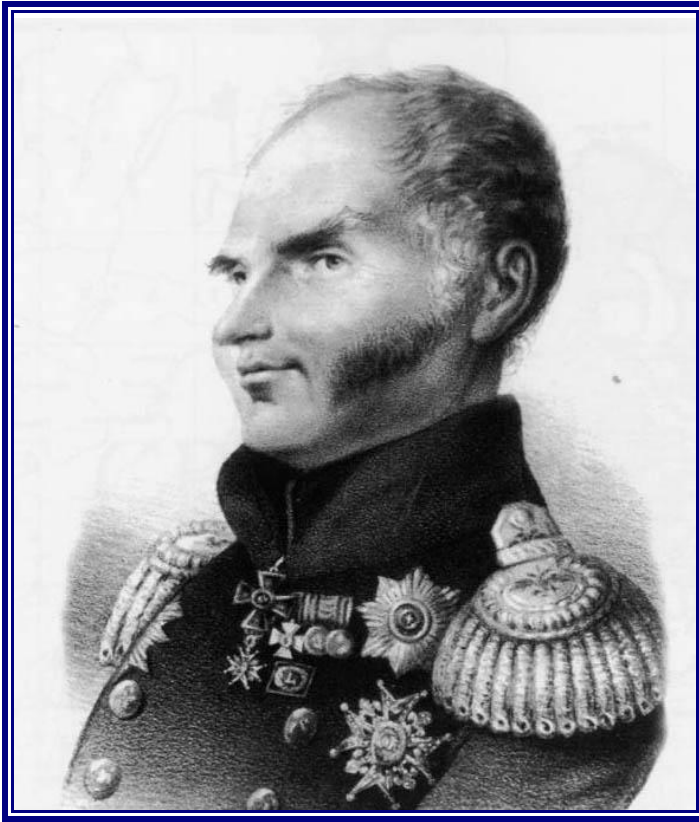
и Резанов отправился на Аляску. Отправив корабль «Надежда» под командованием Крузенштерна в Кантон, а затем в Кронштадт, Резанов на торговом бриге «Мария» взял курс на Ситху. 26 августа 1805 г. бриг «Мария» бросил якорь в бухте Новоархангельска. Здесь, на острове Ситха, Н.П. Резанов познакомился с правителем «Русской Америки», купцом А.А. Барановым.

Нехватка самого необходимого, а особенно — продовольствия, остро сказывалась на русской колонии. На корабле «Юнона» Н.П. Резанов отплыл в Калифорнию 26 февраля 1806 года и через месяц достиг залива Сан-Франциско. Здесь ему удалось наладить торговые отношения с испанцами.

Резанов подружился с семьей коменданта Сан-Франциско. Прекрасно образованный и воспитанный командор и кавалер мальтийского Большого креста Св. Иоанна Иерусалимского, Н.П. Резанов сумел очаровать дочь коменданта Сан-Франциско прекрасную Консепсию де Аргуэльо (Кончиту). Между ними вспыхнула любовь, которой суждено было стать легендой.

Н.П. Резанов покинул Америку в июле 1806 года. Из Новоархангельска, буквально спасенного вернувшейся «Юноной» от голодной гибели, путь русских путешественников пролегал в Охотск. В Охотске были в октябре. Благоразумие требовало переждать здесь осеннюю распутицу, но Резанов никого не хотел слушать. Затем отправился по «многолюдному пути верховой ездой». В пути его застигли морозы и снега, он простудился и в Якутске лечился десять дней.

«В морозный день по дороге к Красноярску Николай Петрович упал с лошади и сильно ударился головой оземь. Минутами приходя в сознание, 1-го марта 1807 года Н.П. Резанов скончался в Красноярске в возрасте 42 лет. В метрической книге соборной Воскресенской церкви Красноярска записано: «Исповедан и приобщен. Погребен при соборной церкви».

Макар Иванович Ратманов (1772-1833)

Вице-адмирал; род. в Торопецком уезде Псковской губ. 7-го июля 1772 г. В 1784 г. был определен в Морской кадетский корпус, по окончании курса в коем произведен был (1-го января 1789 г.) в мичманы; За храбрость, оказанную 13-го августа 1789 г. при поражении Шведского флота близ Рочен-сальма, М. И. произведен был в лейтенанты и получил год старшинства по службе. По заключении мира со шведами, Макар Иванович отправился в Ревель.

В 1793 г. был переведен в Черноморский флот и назначен командиром бригантины "Ахилл". В 1794 г. Макар Иванович принимал деятельное участие в атаке укрепления Корфу, в это время М. И. командовал уже бригам.

За подвиги, оказанные в кампании 1798 г., Ратманов получил орден св. Анны 3-ей степени. За бои при Анконе в

1891 году был удостоен Высочайшего благоволения и ордена св. Анны 2-й степени

В 1802 году снаряжалась эскадра в первое кругосветное плавание, и начальствовавший ею капитан-лейтенант Крузенштерн пригласил Р. старшим лейтенантом на фрегат "Надежда". Эта экспедиция продолжалась 3 года: с июля 1803 г. по август 1806 г. В продолжение этой экспедиции Ратманов 24-го февраля 1803 г. был произведен в капитан-лейтенанты, а 26-го ноября получил орден св. Георгия 4-го класса.

По возвращении в Кронштадт, Ратманов в 1806 г. (8-го августа) был награжден чином капитана 2-го ранга, в 1807 г. был назначен командиром линейного корабля "Победа", состоявшего в Черноморском флоте, и находился в эскадре контр-адмирала Пустошкина при взятии крепости Анапы.

После этой экспедиции Ратманов был еще раз переведен в Балтийский флот и в неудачную кампанию 1808 г. против англо-шведского флота командовал 74-пушечным кораблем "Северная звезда", бывшим в эскадре адм. Ханькова. 1-го марта 1810 г. Ратманов был произведен в капитаны 1-го ранга, а 20-го июля, за маневры, произведенные в Высочайшем присутствии, ему был пожалован бриллиантовый перстень.

До 1812 г. Р. оставался в Кронштадте, командуя 10-м корабельным экипажем, а после 1-ю флотскую бригадою, в мае же 1812 г. был назначен командиром корабля "Борей", на котором он перевез в Свеаборг воспитанников Морского кадетского корпуса, удаленных из Петербурга по опасности прихода неприятеля.

Осенью 1812 года Ратманов отправился в эскадре контр-адмирала Коробки в Англию и там, состоя под главным начальством великобританского адмирала Юнга, участвовал в блокаде Голландских берегов, преимущественно Флиссингена, откуда возвратился в сентябре 1813 г. в Кронштадт. 16-го марта

В 1816 году Р. был назначен командиром 11-го флотского экипажа, а в 1817 году командовал кораблем "Гамбург", употребленным в эскадре вице-адмирала Крона для перевоза наших войск из Кале в Кронштадт. В 1818 г. Ратманов отводил в Кадикс три фрегата, уступленные испанскому правительству. За благополучное доставление этих фрегатов король испанский Дон-Фернанд пожаловал ему командорский орден Карла III.

Весною 1819 г. Ратманов вызван был в Петербург, где ему предложили начальство над экспедицией, снаряжавшейся в путешествие вокруг света и в Южный Ледовитый океан. Ратманов отказался принять это поручение, так как страдал главною болезнью.

В 1820 г. Ратманов был произведен в капитан-командоры; в 1822 и 1823 гг. он был в должности директора Кронштадтского порта и летом 1823 и 1824 гг. командовал легкой эскадрой, плававшей около Кронштадта. Это была 28-я и последняя кампания заслуженного мореплавателя, после чего он был назначен директором Аудиториатского Департамента Морского Министерства, и генерал-аудитором флота.

В 1826 г. Ратманов, получив чин контр-адмирала и орден св. Анны 1-й степени, назначен был дежурным генералом Морского штаба, а в начале 1827 г. — Директором образованного тогда Инспекторского Департамента того же штаба. Отличное исполнение должностей доставило ему в 1829 г. орден св. Владимира 2-го класса и чин вице-адмирала. Скончался Ратманов 21-го декабря 1833 г. Тело его погребено в Сергиевской пустыни, в 15 верстах от Петербурга.

Оглавление.

От автора	стр.3
На самолёте	
Вот так встреча	стр.4
Вынужденная посадка	стр.9
Потеря	стр.13
Выход из самолёта	стр.16
Чёрный чемоданчик	стр.19
На поиски	стр.21
Эльтина	стр.23
Кто бы мог предполагать	стр.30
На самолёте	стр.33
В Морском корпусе	
Первое знакомство	стр.35
Церковь. Столовая	стр.42
У директора Корпуса	стр.47
Из истории МКК	стр.51
На занятиях	стр.56
Увольнение	стр.60
Опять... Михельсон	стр.64
Что делать дальше?..	стр.70
Теория без практики мертва	стр.72
Особая каста	стр.75
Вечеринка	стр.78
Приглашение к столу	стр.82
Нарвался на дуэль	стр.85
Выстрел	стр.95
6 ноября	стр.100
«Сэр Альманах умер!»	стр.107
Замурованный гардемарин	стр.110
Выпуск...	стр.111

Начало

Шлюп «Надежда»	стр.113
Из истории	стр.113
Иван Крузенштерн	стр.116
Барс	стр.117
Странствия капитана	стр.121
Шторм	стр.129
Фальмут	стр.132
Канары	стр.138
Праздник Нептуна	стр.141
Жара	стр.144

На Дон!..

В... огороде	стр.153
Ефим Зырок	стр.158
Полковник Чернышев	стр.169
Короткий рассказ	стр.172
Крестины	стр.176

Из Ростова на Ки-Ларго

А теперь можно и на Тульскую	стр.182
Водная станция «Динамо»	стр.184
Надя из Батайска	стр.193
У Александра Сергеевича	стр.196
Вечером у Сашки	стр.200
С прибытием	стр.206
Кострище. Игуаны	стр.211
Первые находки	стр.217
На паруснике	стр.221
Встреча	стр.228
В засаде	стр.231
Переговоры	стр.236
Поспешный отход	стр.242
Неймётся!..	стр.244
По заслугам	стр.246
Пиратский финал	стр.249

Не пускает	стр.251
Опять Старец	стр.254

В поисках приключений

Работоторговцы	стр.260
Помощь	стр.264
Иногда не везёт	стр.270
Захват	стр.275
Домой...	стр.279
На Дону	стр.282
Из Ростова	стр.286

Южная Америка

Родная каюта	стр.289
Порт Дестеро	стр.290
В каюте капитана	стр.305
Фаддей и братья Коцебу	стр.310
Эльтина	стр.323
Крузенштерн и Резанов	стр.333
Мыс Горн	стр.338

Часть вторая Граф Толстой

Герой нашего времени	стр.345
Иеромонах Гедеон	стр.348
Обезьяна в каюте капитана	стр.355
Драка на палубе	стр.356
В каюте камергера	стр.360
Помощь приказчику	стр.367
Вахта	стр.372
Заветная папка	стр.377
В трюме	стр.380
Разговор на мостике	стр.382
Что такое РАК?	стр.385
В каюте капитана	стр.391
Крузенштерн и Резанов	стр.394

Остров Нукагива	стр.398
Возвращение к теме	стр.402

Россия

Снова в Ростов	стр.405
В Батайске	стр.414
Геннадий	стр.419
Полковник Чернышев	стр.425
Мордвинов и Штейнгель	стр.429
Весёлая прогулка	стр.434
Ещё одна встреча	стр.436

Снова на шлюпе «Надежда»

Письмо у капитана	стр.441
Знакомство с островом	стр.443
На шканцах	стр.447
Пираты	стр.449
Отвлечения по поводу...	стр.458
На Камчатку через Сандвичевы острова	стр.461
Думы	стр.464
Эльтина	стр.468
Вместо эпилога	стр.477
Иван Крузенштерн	стр.478
Юрий Лисянский	стр.481
Николай Резанов	стр.484
Макар Ратманов	стр.487
Оглавление	стр.490

**Владимир Паркаев
Вовка Панин и Сашка Назыров
на шлюпе «Надежда»
Ростов-Лениногорск**

